

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
Факультет филологии и медиакоммуникаций
Кафедра современной русской литературы и журналистики

**ВИКТОР АСТАФЬЕВ
И ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Омск, 29–30 ноября 2011 г.



2012

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
В 435

В 435 Виктор Астафьев и духовное возрождение России: материалы Международной научно-практической конференции (Омск, 29–30 ноября 2011 г.) / отв. ред. В. И. Хомяков. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 156 с.

ISBN 978-5-7779-1473-6

В сборник включены тексты выступлений на Международной научно-практической конференции, организованной факультетом филологии и медиакоммуникаций и кафедрой современной русской литературы и журналистики, посвященные проблемам творчества В.П. Астафьева.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
В.И. Хомяков (отв. ред.);
ст. преп. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Г.Г. Быстрицкая*;
канд. филол. наук, доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *Л.Г. Ветелина*;
О.В. Винская

ISBN 978-5-7779-1473-6

© Оформление. ФГБОУ ВПО
«ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Международная научно-практическая конференция «Виктор Астафьев и духовное возрождение России», организованная кафедрой современной русской литературы и журналистики ОмГУ им. Достоевского, приурочена к годовщине памяти большого русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Заметим, что настоящий сборник выходит под общим названием «Русский узел». Это не случайно. У митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна есть книга публицистики, которая называется «Русский узел». В преамбуле к ней сказано, что вопросы веры и безверия, самодержавия и демократии, национализма и шовинизма, долга гражданского и личного сплелись в «русский узел». «Всякому, кто пытается найти свое место на земле и в нашей России, предстоит долго и кропотливо, нитка за ниткой, сплетение за сплетением, распутывать этот хитро запутанный клубок проблем, чтобы найти заветную ниточку, которая выведет нас к Свету и Истине». Кафедра запланировала серию научных сборников, посвященных актуальным духовно-нравственным проблемам как в современной литературе, так и в журналистике.

Сборник состоит из четырех разделов.

Первый раздел «Слово об Астафьева» составили сообщения докладчиков на пленарном заседании.

Во втором разделе «Творчество В.П. Астафьева в литературном и языковом контексте эпохи» рассматриваются культурно-философские, духовно-нравственные, стилистические аспекты творчества создателя «Последнего поклона».

В третьем разделе «Произведения В.П. Астафьева в школе и вузе» творчество писателя анализируется под углом школьного и вузовского изучения современной русской литературы.

И последний раздел составляют материалы круглого стола на тему «В.П. Астафьев и духовное возрождение России». За круглым столом, объединившим между собой представителей различных сфер деятельности: писателей, ученых, священнослужителей, педагогов, – были обсуждены проблемы добра и зла, города и деревни, причины духовного кризиса в современном обществе и выходы из него.

Хотелось бы надеяться, что книга будет интересна не только специалистам-филологам, учителям, но всем тем, кто не безразличен к судьбе России.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Хомяков В.И.

СЛОВО ОБ АСТАФЬЕВЕ

Виктор Петрович Астафьев – это целая эпоха в нашей жизни и в нашей литературе. Уже с первых шагов на литературном поприще писатель стремился решать важные проблемы своего времени, находить пути совершенствования личности, будить в читателях чувство сострадания. Автор «Последнего поклона» прошел тяжелую жизненную школу: раннее сиротство, детский дом. Окончив школу-интернат, подросток зарабатывает себе на хлеб в станке Курейка. «Детство мое осталось в далеком Заполярье, – напишет спустя годы В. П. Астафьев. – Дитя, по выражению деда Павла, «не рожено, не прошено, папой с мамой брошено», тоже куда-то девалось, точнее – откатилось от меня. Чужой себе и всем, подросток или юноша вступал во взрослую трудовую жизнь военной поры». После было обучение в ФЗО. «Группу и профессию в ФЗО я не выбирал – они сами меня выбрали», – расскажет впоследствии писатель. Окончив учебу, он работает составителем поездов на станции Базаиха под Красноярском.

А потом был фронт. Поколение, к которому принадлежит Астафьев, понесло самые тяжелые потери в годы войны. И не случайно военная тема стала ведущей в его творчестве.

Первые книги писателя появились где-то в 50-е гг. Повести «Перевал», «Стародуб» и «Звездопад» принесли Астафьеву известность и обозначили основные темы его творчества: война, человек и природа, русская деревня. И не случайно вышедший в 60-е годы «Последний поклон» обозначил поворот писателя к «деревенской прозе». А потом пришли другие книги: «Пастух и пастушка», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты». В целом астафьевское наследие составило 15 томов, включая его публицистику, письма, эссеистику. Можно по-разному относиться к писателю, но нельзя не признать, что последние десятилетия XX столетия прошли

во многом под знаком Астафьева, обозначая некий духовный ориентир в познании России.

Если говорить об особенностях художественного реализма Астафьева, то это в первую очередь поиски Правды. Он никогда не подлаживался под политическую конъюнктуру, начиная уже с первых произведений. Вспомним шукшинское «Нравственность есть Правда» Именно этот тезис лежит в основе художественного метода Астафьева, о чем свидетельствуют «Последний поклон», «Царь-рыба», «Пастух и пастушка» и многие другие произведения. В «Печальном детективе» автор пишет: «Правда – самое естественное состояние человека, ее не выкрикнуть, ни выстонать, не выплакать, хотя в любом крике, в любом стоне, песне, плаче она стонет, плачет, вздыхает, смеется, умирает и рождается» <...> «Постижение правды есть высочайшая цель человеческой жизни, и на пути к ней человек создает, не может не создать ту правду, которая станет его лестницей, его путеводной звездой к высшему свету и созидающему разуму». Война, русская деревня, природа и человек, распад и деградация личности – вот те проблемы, к которым на протяжении всего творческого пути обращался писатель. Как отмечал критик А. Макаров, Астафьев, «по натуре своей – моралист и певец человечности», в судьбах своих героев «выделяет этические моменты, какие понятны всякому времени, и нынешнему, и завтрашнему».

В поздних произведениях писателя в один узел сплелись проблемы философские, этические, социальные. Так, в романе «Печальный детектив» торжество зла утверждается как повсеместное состояние общества. Писателя волновало противоречие русского национального характера. С одной стороны, в русском человеке остаются извечная «русская жалость», «жажда сострадания», стремление к добру. С другой стороны, преобладают «безалаберность», попустительствующая злу, «покорность», нравственная пассивность. Не отсюда ли астафьевская боль и злость, ибо не дают ему покоя, терзают душу мучительные проблемы, раздирающие наше общество, калечащие умы и сердца людей, делающих их физическими и моральными уродами. А возьмем его роман «Прокляты и убиты», где писатель показал ту войну, которую мы не знали. Не отсюда ли его горькое утверждение, что мы победили в той войне, но мы были побеждены войной. Искаленные судьбы и души людей – вот итог этой войны.

Основная тема произведений писателя – это поиски человека. Как любил Астафьев человека, как ненавидел мещанство, умствен-

ную ограниченность, самодовольство и сытую тупость! Отсюда и стремление художника слова глубже постичь историю Родины, раскрыть русский характер.

«Жить дальше и помнить тех, кто жил до них», – так скажет писатель в романе «Печальный детектив». «Помнить» – значит хранить и передавать от поколения к поколению духовно-нравственные традиции предков, восстановить разорванную «связь времен» и как-то налаживать расколотую, надтреснутую жизнь. Астафьев приходит к той же мысли, что и Распутин: спасение может быть найдено в любви к жизни и людям, по сравнению с которой «все остальное в мире – пыль, хлам, дешевка». Важно только услышать эти призывы современных писателей и прислушаться к их тревожным голосам. Всем нам необходимо опаматоваться. Вспомним Смутное время, когда весь народ от кабацкого ярыжки до князя несколько дней молился, чтобы Россия была спасена. Не власть, а именно народ тогда спас Россию. Всем нам нужно помнить эти уроки истории.

В. АСТАФЬЕВ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

У любого писателя отношения с внешним миром сложные, потому что они завязаны на многих уровнях, на многих аспектах жизни писателя как человека, писателя как гражданина, писателя как художника. Но самое главное, что должно определять писателя как нравственного художника, который вносит свои произведения в мировую культуру, это некий внутренний стержень – нравственный, моральный, религиозный. И мне кажется важным, перелистывая Астафьева, остановить ваше внимание на одном небольшом его произведении в журнале «Москва» за 1989 год – самое начало перестройки. Это всего-навсего полторы страницы, не считая портрета Гоголя. А называется это эссе Астафьева «Во что верил Гоголь». Вот эта маленькая вещичка Астафьева выросла в большой скандал со стороны общества, потому что его почти все не поняли, потому что он напомнил в своем эссе про «неудобного классика». И это никому не понравилось, так как Астафьев был предельно честным художником. Он в этом эссе осмелился процитировать Гоголя, и эти гоголевские слова актуальны сегодня как никогда, потому что ничего не изменилось: «Время беспутное и сумасшедшее, то и дело, что щупаешь собственную голову: не рехнулся ли сам? Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются тебя подорвать и подкапываются под собственный фундамент разномыслиями, несогласиями. Везде, во всей силе, соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, а там – раздор и решительность, опрометчивость» – резкие слова. И когда Астафьев их напомнил, это никому не понравилось, потому что тогда модно было думать, что мы, интеллигенция, скажем обществу свое слово, и общество исправится, и власти нас послушают. А ведь сам Достоевский ставил вопрос: «А что судья человеческий?» – но к Богу обращал вопрос. А судья человеческий кто? Вот здесь возникает любопытный момент, на мой взгляд, объясняющий Астафьева, не знаю, согласитесь вы со мной или нет. Вот, что называется «легко ли быть Достоевским». Он прошел нелегкую жизнь, через каторгу, не будем заблуждаться, в любой тюрьме плохо. И

Солженицын упрекает Достоевского в том, что он преувеличивает ужасы каторги. Но, тем не менее, это этап в жизни Достоевского. Напомню, что он вышел из острога не нравственно сломленным, а нравственно возрожденным, потому что именно там он вернулся к Богу и постарался возродить в себе человека. И в его произведениях много религиозного, православного, и это есть «внутренний стержень» по Достоевскому. Но, на мой взгляд, он закавыченный протестант, потому что у него свой идеал церкви. У Достоевского этот стержень есть. А у Астафьева? Известно, что у него были напряженные отношения с церковью. Да, он недолюбливал церковь, но и нельзя сказать, что он был атеистом, как и нельзя сказать, что он был православным. И, на мой взгляд, он гораздо мучительней искал свой внутренний стержень, чем Достоевский.

«Воистину великий талант! Щедрая природа его не терпит тесноты, но и единенного наслаждения тоже. Он поднимает нас на какие-то неведомые нам высоты, заставляет еще и еще раз поразиться природе, изредка одаривающей счастьем приобщения к прекрасному. И тогда мы, как дети, начинаем ликовать, пересказывая друг другу прочитанное, ибо переполненное через край сердце жаждет выплеска сообщения друг с другом, но и непременно отклика взаимопонимания и любви», – это почти как у Гоголя, но даже не «почти», а «вслед» за Достоевским. Это наравне с классиками, это золотые слова, которые кровоточат ранами. Что его сохраняло? Что ему позволяло идти? Достоевскому – имя Божье, а Астафьеву? В каждой строке его пульсирует «жилка народная». Нравственный стержень ему передался с молоком матери, врожденно. Его «русскость», народное мироощущение и составляло его стержень. И это мы постараемся сохранить в себе и в нем.

В окончании позволю процитировать самого Астафьева, его «Хрустальный звон», потому что, на мой взгляд, в этом и есть сам Астафьев. «Вышел утром на берег реки, а на ней звон – тонкий-тонкий, еле уловимый. И сразу понял, в чем дело. Река уходила в зиму высокая, прибрежные кусты затоплены, ночью ударил заморозок – вода замерзла. На всех веточках прибрежной осоки застыло по ледышке. Висели они колокольцами над водой, льдинки позванивали, а когда занимался ветерок, звон густел. Угрюмая, бурная река, все лето недовольная река начинала искрить из конца в конец, открываясь добрым материнским ликом. <...> Поздняя осень. Чуть греющее позднее солнце, сколько от него светлого свету, и чуть слышный хрустальный звон просто искрящихся колокольчиков», – вот он, в этом весь Виктор Астафьев.

**КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ – ФАКТОР ВЛИЯНИЯ РОССИИ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЛИТЕРАТУРНОМ ОПЫТЕ XX–XXI ВВ.)**

Профессор В.И.Хомяков напомнил нам о событиях 4 ноября 1612 года. В этой войне россиянами была одержана победа. Это был значительный период для истории России. Историческая возможность, когда Россия могла стать демократичной страной. Тогда была высокая степень свободы, но Россия не воспользовалась этой возможностью. Профессор Н.Н. Мисюров приводил хорошие слова Астафьева, и, насколько я понял его выступление, мы наступаем на одни и те же грабли. Что 1612, что 1917 год, конец 1980-х, начало 1990-х. И, наверное, небезызвестный этой аудитории ученый из Новосибирска профессор Николай Сергеевич Лазов не случайно выпустил большую книгу – она только что вышла в издательстве и называется «Колея и перевал». Метафора «колеи» – это историческое движение России начиная с XVII века и по настоящее время.

Что касается культурного развития, я его обозначил как фактор влияния. Стоит сказать, что мировое доминирование определяется тремя факторами. Вот факторы достаточно известные: военно-политический фактор, качество и количество вооружений; экономический фактор, ВВП, и геокультурный фактор. Кстати, измерения геокультурного фактора – это то, какой язык после национального считают «своим» большинство населения. Думаю, не надо проводить соцопросы: это английский язык.

Если вспомнить сейчас поэта Владимира Маяковского, то у него есть такие строчки: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Это было актуально в 30-50-х годах XX века. А сейчас встает такой провокационный вопрос: для чего изучать русский язык в Африке, Европе, Латинской Америке? Во многом ответ на этот вопрос будет связан с тем, а что на нем можно читать? И если у нас Россия много потеряла, скажем, по фактору военно-политическому, и что мы не только потеряли, а продолжаем терять

по геокультурному фактору, мы не осознаем это. А потери большие, потому что важнейшие события, которые сейчас происходят, разворачиваются на фоне войн, касающихся истории, то есть переписки истории, затрагивающей целые нации в Германии, Японии. Кстати, наиболее масштабной – это Россия в период 1990-х годов. Это войны в области онтологии, которая сейчас приобретает совершенно другое значение. Это борьба за смысл, т.е. кто будет производить наиболее значимые для новейшей цивилизации и культуры смыслы и как эти смыслы будут транслироваться. Здесь мы, конечно, обращаемся к творчеству нашего писателя. Наверное, споры пошли с 1960-х годов, когда стало меняться отношение к гуманитариям, когда к ним стали относиться как к остаточным «принципам», когда стали говорить об инженерно-технических инновациях. Здесь я должен заявить, что модернизация в России начнется с совершенствования и применения гуманитарных технологий. А что такое гуманитарные технологии? Это те принципы и механизмы, которые делают лучше человека и общество. Если мы не изменим человека и общество, то никакие технические инновации не пойдут, хотя бы потому, что они по своей природе нуждаются в хорошо отлаженной коммуникации. А сейчас, учитывая то, как учат в вузах «инженерно-техническим инновациям», дай Бог сохранить то, что мы имеем.

Несколько слов о том, что же происходит в соотношениях между культурой, художественной культурой и их развитием. Я хочу привести сравнение между XX веком и началом XXI. С одной стороны, это ощущение предвойны, кризиса, но, с другой стороны, ситуации совершенно различны. Это и движение футуристов, это и серебряный век, это активное мечтание о будущем, о том, каким оно будет. Этот проект в литературе называют «Великий левый проект». Вот это мечтание о будущем и отличало начало XX века. А сейчас с представлением о будущем у нас очень серьезные проблемы. Мы понимаем, что так продолжаться дальше уже невозможно по целому ряду соображений. Не сделано ничего в области науки, что могло бы вывести науку на новый уровень использования ресурсов.

Размышления вслух. Золотой век, Серебряный... Дальше идет буквальное понимание метафоры к менее благородным металлам. Здесь я бы тоже хотел сказать о размышлениях в области литературы, можно говорить об этом по разным критериям. Но, наверное, однозначно можно сказать, что со второй половины XX века, чем действительно выделился Советский Союз, это, конечно, научная фанта-

стика. Было две фантастики: американская и советская. Преимущество советской: она четко выстраивала будущее и описание того, какой техникой оно может быть построено. Фактически научная фантастика прекратилась.

Несколько слов о новом времени. Я считаю, одно из противоречий нашего времени – универсализация, она идет вместе с глобализацией, с мыслью осваивать планету совместными силами. С другой стороны, это фрагментация реальности. Частично это связано с постмодернизмом. От универса мы движемся к мультиверсу. И как с этим мультиверсом быть? Тут возникают такие ассоциации: есть мир физический и представление об этом мире. Представление размыто. Каждый из нас квантовый наблюдатель. Он фокусирует каждый момент и устанавливает соответствия с физической реальностью и нашим представлением. Талант и масштаб писателя определяется тем, насколько эта фокусировка становится значимой для остальных. И чем эта фокусировка значимей, чем она интересней, тем соответственно более велик писатель. У Астафьева фокусировки интересны. Их он осуществлял.

Надо сказать, что мы не только переходим в другую реальность, но и представляем эту реальность совершенно по-другому. Здесь, наверное, противоречий между наукой о природе и наукой о духе не существует. Есть несколько произведений, иллюстрирующих это: «Сад ветвящихся тропок» Борхеса, «Маятник Фуко» Эко, романы-конструкторы или романы-трансформеры Павича, у нас – Пелевин, этот список можно продолжать. Что интересно: если сейчас современная наука движется не от динамических систем, которые стремятся к равновесию, а к открытым и неравновесным системам, то и литература движется также. К ней применимы такие характеристики, как нелинейность, многосценарность. Работы Астафьева отличаются этими чертами.

Борьба за мировую гегемонию разворачивается в области литературы и истории. Ведущим здесь является то, какие смыслы генерируются сейчас. Прежде всего, это акценты на всемирной истории. Взять, к примеру, опыт современной Японии, которая концентрируется на таком всемирно известном жанре, как анимэ. Есть внутренняя онтология: «вне себя», то есть за пределами Японии смыслы вряд ли будут понятны.

Будет ошибкой, если мы будем считать Астафьева, Шукшина, Распутина писателями с очень высоким мировым рейтингом. Это

вряд ли возможно. Онтологии, что они производят, очень специфичны. Но они необходимы для того, чтобы формировать национальную идентичность. И на основе этой идентичности производить те смыслы, которые будут востребованы и будут продвигать Россию в геокультурном пространстве. Здесь важно погрузиться в себя и понять, что Астафьев – часть нашей внутренней, художественной, духовной, культурной жизни. Но, только освоив эту часть, мы можем что-то эффективно сделать во внешнюю среду.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уважаемые коллеги! Хочу выразить искреннюю благодарность организаторам конференции за то, что пригласили к диалогу об Астафьеве писательский цех. Это очень приятно, потому что, к сожалению, в празднование 190-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского писателей почему-то пригласить забыли. Предшествующие выступающие говорили очень хорошо, рассматривая философскую и культурную составляющую творчества Астафьева. Я больше буду говорить как практик. Сегодняшняя тема глубокая и разносторонняя: «В. Астафьев и духовное возрождение России». Мое выступление больше относится ко второй половине высказывания – духовной. «Не просто из-за войны опустела наша исконно русская земля, ибо потери России не восполнены и невосполнимы. Они продолжают из поколение в поколение и будут продолжаться при таком браконьерском отношении к русскому народу и русской земле», – говорил В. Астафьев в книге «Зрячий посох». Эти слова актуальны и сейчас.

Сегодня ровно 10 лет, как ушел из жизни Виктор Петрович Астафьев. По словам В.И. Хомякова в настоящее время более позитивен в своих размышлениях Валентин Распутин. Хотя у Валентина Григорьевича исходя из последних публикаций тень или нота неверия появилась, и это очень грустно. Это заставляет задуматься: «А стоит ли? Для чего трудятся писатели? Кому нужны их книги?». Наверное, стоит. Ведь классики, мэтры литературы, во многом мудрее нас, и подталкивают к внутренним размышлениям, противодействию, противоборству, к тому, что происходит сегодня. Я не случайно привела слова В.Астафьева, так как браконьерское отношение характерно и для великого русского языка и литературы. Возникает вопрос: переживает ли современная литература восхождение или для нее характерен кризис? Основы художественной литературы обусловлены идеологией, экономикой, а также всеобщей глобализацией – здесь я согласна с предшествующими коллегами. Литература моделирует, затем проектирует события, происходящие во внутреннем и внешнем мире человека. Она формирует общность человеческую. В литературный процесс на определенном этапе включается и читатель. Воз-

никает общественный резонанс идей, формируется поле общественного понимания будущего по естественной схеме.

Очевидно, что литература сейчас вытесняется на задворки общественной жизни и становится объектом внимания чисто научного, филологического. Отсюда коммерческую поддержку получают легкие жанры: дамские романы, детективы. Создается и поддерживается системой литературные премии, которые, не стесняясь, смакуют пороки, имитируют философию на пустом месте, пытаются формировать новые ценностные ориентиры. Но природе человеческой присуще оценивать себя, окружающих, дела и поступки. Активность молодых литераторов находится на высоком уровне, казалось бы, на что здесь сетовать? Но существует некая опасность: те, кто по разным причинам утратил доступ к золотому запасу культуры и не может восполнить свою духовную жажду за счет чтения, принимается писать сам. Литературный результат в большинстве случаев плачевный, но для нас важна сама потребность в отражении и осмыслении своего бытия.

Еще лет 20 назад было приоритетно приобщение к знаниям. Сейчас главным считается получение доступа к информации. Но никто не учит умению полезного выбора того, во что должны превратиться знания, помогающие жить. Это кодируется как свобода выбора. Понятно, какова цена такого выбора. Молодой человек выбирает либо известное, либо насобирает чего-то яркого и эпатажного, но совершенно ненужного, а зачастую вредного и опасного для жизни.

Литературный капитал по ряду объективных, субъективных причин постепенно утрачивается. Классическая русская литература, лучшие советские произведения, ценность которых признают во всем мире, уходят из современного культурного общения. В школе английский язык изучается 6 часов в неделю, русский – 2. А потом дети на ЕГЭ приходят как на «угадайку». Что происходит в современной литературе: она делится на тех, кто обслуживает глобальное потребление, и тех, кто на свой страх и риск выбирает свободный поиск истины. Первые имеют пиар, тираж, мелькают на экране в качестве экспертов по разным вопросам и публично называются писателями. Вторые мучительно ищут социальные ниши, позволяющие им заниматься творчеством, так как для того, чтобы выжить, нужно что-то заработать, напрасно надеяться на понимание спонсоров. Книги этих авторов обойдены вниманием критики. Но именно такие писатели создают литературу, которая завтра станет совокупным образом понимания времени. Понятно, что литераторы влияют на общество и общество влияет на литераторов. Но сегодняшняя литература фор-

мируется в крайне неблагоприятных условиях. Среда давит, а противопоставить ей молодой человек может очень немного. Сбиваемый с толку потоком информации, воспитанный рекламой, соблазненный техническими возможностями интернета, лишенный ценностных ориентиров, ребенок полагается на свой природный инстинкт истины. Сами мы не имеем права говорить об упадке литературы, хотя бы потому, что молодая литература есть и хочет быть. Наша задача вполне конкретна: остановить разрушение, привить позитивный опыт советской литературы и дать необходимые духовные ценности. Если задачи выполнены, то восхождение литературы реально.

Что сегодня происходит на русской земле? Что мы можем сделать? Мы можем пофилософствовать, поразмышлять. Но этого мало. Нужны конкретные действия. И они есть. Очень широко по омской земле проходят чтения, посвященные творческому наследию ушедших из жизни наших земляков. В сентябре – чтения Макарова в Большеречье, буквально на днях – Шангина в Исилюле, совсем скоро – Чашечникова в Таре. Надеюсь, что будут чтения, посвященные Роберту Рождественскому. Что это дает нам? В первую очередь, возрождает культуру чтения, потому что за этим следует целая череда событий: конкурсы чтецов, художников, литераторов. Это способствует приобщению от мала до велика к литературе. Такая практика должна иметь развитие. Я думаю, что сегодняшняя конференция – это определенный вектор в будущее. Наши последователи – литературоведы, философы, будут изучать как, что и для кого мы пишем. Как говорит мой учитель Т.Г. Четверикова, «мы просто собиратели времени». И дай Бог, чтобы фокус нашего восприятия был верно направленный. Позвольте мое выступление закончить стихотворением:

Что мы ведаем?
Что не бедные.
Духом праведным дышит Русь.
Что пророчили злые беды нам?
Лихолетье, печаль да грусть.
На семи ветрах слезы высохнут,
Нам ли недругов потешать.
Православные храмы высятся,
Бабам помнится, как рожать
Крепких детушек, воин к воину,
Чтоб не смолкла родная речь,
Русь великую, волю вольную
С Божьей помощью уберечь.

ТВОРЧЕСТВО В. АСТАФЬЕВА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Сегодня присутствуют не только гости, представители научной, просветительской мысли, но и преподаватели школ и других образовательных учреждений. Это наше общее мероприятие, это наша общая конференция. К сожалению, школьная программа не предусматривает полного погружения в творчество Астафьева. Литература купирована, хотя она единственный предмет, способствующий нравственному воспитанию. Дети знают, что Астафьев – автор «Последнего поклона», повествования в рассказах «Царь-рыба», но закрыты для них такие произведения, как «Пролетный гусь», «Пастух и пастушка» и особенно его публицистическое наследие. Вот почему на кафедре современной русской литературы и журналистики был объявлен двухмесячник «Мой Астафьев». Для того, чтобы постигнуть Астафьева, его необходимо не просто прочитать, а погрузится в него, в мир его героев до такого понятийного уровня, чтобы осознать, в чем он «мой» Астафьев.

Когда-то, работая над «Царь-рыбой», Астафьев испытал творческий дефицит. «Не раскатывалась книга», – пишет он. И появилась глава «Капля» Вот эта зависшая на листочке утренняя роса грозила «обрушиться и обрушить весь мир». И мы начинаем погружение именно с этой капли, чтобы не обрушить наследие Астафьева, чтобы он был в целостности и сохранности. Позволю пройти по студенческим работам творческого конкурса «Мой Астафьев: писатель глазами молодежи». Что интересного открывают наши студенты? Им интересно, (а мы сегодня уже слышали), что «тот, кто будет возвращать войну прошлую, получит войну настоящую». Астафьев принадлежит к числу тех писателей, которые пишут о войне правду. Писатель когда-то сказал: «Мы победили в этой войне, но война победила нас» – вот такое горькое и, может быть, запоздалое памятование. И мы сегодня говорим о подростке, который забыл о войне. Я напомним только один исторический экскурс. Когда закончилась первая мировая война, братались и австрийские, и немецкие, и русские солдаты. И вот такая опьяненная толпа от ощущения свободы и окончившейся войны проходила мимо дома известного генерал-полковника Мольтке,

который когда-то написал: «Вечный мир – это мечта, даже далеко не прекрасная. Война – необходимый элемент в жизни человечества». И молодежь, беснящаяся от радости, спрашивает: «Ну и когда начнется новая война? Мы из нее вышли и никогда ее не развяжем» И Мольтке ответил с позиции возраста, с позиции военного человека: «Она начнется тогда, когда вырастет поколение, не знавшее войны». И он не ошибся. Дети участников первой мировой развязывают новую войну. А потом очередные локальные, но не менее страшные войны и в Афганистане, и в Чечне, и в Ираке... Это и чешский, и афганский, и чеченский синдром. Кто следующий? А следующий тот, кто не знает этой войны. В произведениях Астафьева изображена война настоящая, голая правда о ней, и, что самое страшное, это война в душах людских. «Можно, – говорил Распутин, – засеять выжженное поле, можно восстановить сожженный дом. Но кто вернет былую веру в добро, справедливость?!».

В рамках наших университетских дисциплин мы делаем акцент на понятие исторической памяти, иначе мы породим новое поколение войны.

«Астафьев показал, как убиты на этой войне такие понятия, как добро, милосердие. Как извращены понятия возмездия». «Мы совершили экскурс в библейский контекст», – пишут первокурсники. А что значит библейский экскурс? Это не светлый Новый Завет – Ветхий, где око за око и зуб за зуб. «Прокляты и убиты» будут те, кто перешагнул через кровь. А мы сплошь и рядом перешагиваем через кровь», – пишут первокурсники. – «Мы видим, как ломаются на этой войне люди, как ломается их сознание, и приходит понимание: ничего не стоит кровь человеческая». «Тот охраняет себя в этой войне, кто верует. И невозможно отнять эту веру», – цитата из творческого эссе студента. Эта вера вдохновляет Астафьева. Проклят и убит будет тот, кто позволит этой войне победить себя. А победа состоит в том, чтобы подняться выше себя, проявить истинно человеческое лицо. Это самое главное, по Астафьеву: остаться человеком в нечеловеческой войне.

В произведениях Астафьев мы видим нравственную чистоту, глубину чувств, там нет извращенных понятий любви. Астафьев – личность исконно русская, и его произведения вне времени.

ТВОРЧЕСТВО В.П. АСТАФЬЕВА В ЛИТЕРАТУРНОМ И ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Махнанова И.А.

ОБРАЗ ДЕРЕВНИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ (на примере произведений И.А. Бунина, Б.Г. Пантелеймонова, В.П. Астафьева)

Деревня как собирательный образ родного очага, согревающего и поддерживающего и в горе, и в радости, – в основе творчества В.П. Астафьева. Современная литературоведческая традиция относит автора к писателям «деревенской прозы», или «деревенщикам», что характеризует рамки авторского повествования. Но терминология не отражает глубинное «отчужденное» содержание произведений, их новизну.

Возможно, именно это уточнил А.И. Солженицын: «А правильной было бы назвать их нравственниками – ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [7].

Это нравственное «деревенское» начало закладывалось предшественниками, на рубеже XX века. Не внешнее бытописание, а глубинная отеческая основа становилась предметом творческого осмысления действительности. В 1910 году появление повести «Деревня» было воспринято современниками как литературное событие и выдвинуло И.А. Бунина в первые ряды писателей [4, с. 731]. Проникновенность и драматизм повествования отражается в авторских восклицаниях: «Господи боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе. А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек, – да все таких,

что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый» [3, с. 28]. Кузьма Ильич Красов, один из главных героев, в разговоре о России получает ответ старика-гармониста Балашкина, базарного вольнодумца и чудака: «Да она вся – деревня, на носу заруби себе это! Глянь кругом-то: город это, по-твоему? Стадо каждый вечер по улицам прет – от пыли соседа не видать... А ты – «город!» [3, с. 74].

Описание жалкой нищеты и призрачного богатства окружающей жизни, предельное обобщение образа деревни, тем самым расширение пространства повествования до Российских пределов, не отдаляют героя от отеческой стороны («прослышал, что сдается сад в селе Казакове, в родном уезде, и поспешил туда»). Редкими, отточенными фразами, сквозь художественное полотно сюжета И.А. Бунин возвращает нас к истокам: «И Кузьма вспомнил отца, детство... «Русь, Русь! Куда мчишься ты?» – пришло ему в голову восклицание Гоголя. – «Русь, Русь!.. ...Несчастный народ, прежде всего – несчастный!...» И на маленькие зеленые глаза Кузьмы навернулись слезы – внезапно, как это стало часто случаться с ним в последнее время» [3, с. 80].

Он « всю жизнь мечтал учиться и писать », хотел « с небывалой беспощадностью изобразить свою нищету и тот страшный в своей обыденности быт, что калечил его, делал « бесплодной смоковницей ». Стремление разобраться со « сложным бытом слободы, воспоминаниями детства, молодости », « высказать свою собственную душу, выложить все, что калечило его собственную жизнь », ведет героя « еще немало бесплодных лет ». Автор сурово резюмирует: « А в этой жизни страшней всего было то, что она проста, обиденна, с непонятной быстротой разменивается на мелочи... ». Несмотря на мудрый совет Балашкина: « Сказано: каждый час учись, каждый час мысли... гляди кругом-то – на все беды и убожества наши... »...

Образ деревни через полвека наполнен новым содержанием. Эволюцию этого образа, появление новых интонаций отметим в творчестве писателей, чьи первые произведения появились в середине XX века. В разных странах, Франции и Советском Союзе, эти произведения дали авторам писательскую известность и признание читателей, открыли их литературные имена. Разница между первыми публикациями – пять лет.

Об одном из авторов следует сказать особо. В 1948 году появилась рецензия: « Это имя у нас новое. Только отдельные его рассказы печатались в журналах и газетах, отмечались критикой и вызывали

отклики читателей. Они так резко выделялись на общем фоне эмигрантской литературы, что не заметить их было невозможно. ...Редко, может быть, никогда не было у начинающего писателя такой собственной, ярко и определенно выраженной личности, как у Пантелеймонова. Возьмите двадцать строк из любого его рассказа – описание природы, размышления, диалог – не спутаете ни с кем» [8, С. 138].

Б.Г. Пантелеймонов в те годы уже активно занимался литературной деятельностью. Печатался в парижских изданиях («Советский патриот», «Новоселье»), опубликовал серию очерков о России «У подножия промышленной пятилетки», готовил к изданию «Русский Сборник», работал над «Приключениями дяди Володи», рукописью «Встречи со старыми писателями» [6, лл. 1–50]. В основе творчества – родное, то сокровенное, памятное, свое, но обобщенно-личное и потому понятное, всем знакомое.

Борис Григорьевич Пантелеймонов – наш земляк, уроженец села Муромцево Бергмакской волости Тарского уезда Тобольской губернии (в настоящее время – Омской области), родился 17 июля 1880 года, умер 17 сентября 1950 года в Париже. Химик, писатель.

Его первый рассказ «Родное» издан в журнале «Новоселье» (Нью-Йорк, 1946, № 29/30).

«Родное» представляется как символ-образ малой родины, творческий манифест, суть писательского бытия. В рассказе не называется место действия. Художнику слова важно раскрыть главное в названии, тем самым передать масштаб обобщения, взаимосвязь событийного и переживаний сердца, которые свойственны каждому, кто возвращается к истокам, памятью бередит душу...

Рассказ «Родное» появился в первой книге Пантелеймонова «Зеленый шум» (Париж, 1947) под названием «Родная дорога». Для него, вероятно, эта авторская правка имела важный смысл, наполняла динамикой дел, преобразований, направляла лирического героя на поиск своего места жизни. Постоянно в пути, колесит по «кондовой Руси», через «лески, перелески, поля, желтое жниво, скошенный луг, стога, зеленые скаты холмов, в изумрудах озимые...» [5, с. 273].

Редакция «Родного» дополнена (а точнее, рассказ «Родная дорога») лишь одной фразой о дорожных колокольчиках: «Откроешь глаза – звон громче, сомкнешь – опять тише, журью ручья убаюкивает». Авторское – «журью ручья»... Подобные совершенные «находки» проявляются в синтаксической динамике фраз, смелой аллитерации, придают особую стилистическую поэтику литературному языку писателя.

Прозаическую картину российской действительности, встречаемую и сегодня, автор сдержанно передает читателю: «В грядах торчат высокие черные прутья, перепутанные засохшим горохом, валяется завядшая ботва моркови и репы, выступают из земли одеревенелые кочерыжки срезанной капусты, стволы обезглавленных подсолнухов; на одной гряде еще желтеют огурцы, выглядывая из-под шершавых зубчатых листьев».

Профессор Софийского университета П.М. Бицилли писал в редком литературоведческом издании: «...Пантелеймонов чувствует внутреннюю форму слова, как это есть у Гоголя и Толстого. Есть у него еще «фразы-периоды», гроздя нескольких структурно-разнородных «самостоятельных» фраз – так тоже и у Толстого, у Ремизова, у Шолохова: это-то и способствует тому, что каждая отдельная фраза в данной «грозди» воспринимается не как суждение, а как образ-символ, как одно слово. А это ведь и есть условие художественности речи, ее поэтичности, то, что отделяет художественное слово от слова-сигнала, от дискуссионной речи, какой мы пользуемся в сфере обыденных, практических, житейских отношений или в науке» [2, с. 3].

В сравнительный контекст исследования следует также ввести более поздний цикл рассказов «Деревня» Б.Г. Пантелеймонова, вошедший в «Последнюю книгу» (Нью-Йорк, 1952). Ограничившись рамками тезисного изложения, отметим, что указанный цикл (или повесть) «Деревня» объединен главным героем Васиним, ссыльным революционером, который учителствует в сибирской деревне, встревоженной предчувствием близящихся перемен. Читатель погружается в мир сомнений, переживаний, мечтаний молодого человека, думающего о необходимости получения образования, местных нравах, устремляясь за героем в поисках истины.

Первый рассказ Виктора Петровича Астафьева опубликован в газете «Чусовский рабочий» (1951), включен в сборник «До будущей весны» (1953), позднее рассказ получил новое название – «Сибиряк» (1959). Автобиографическое повествование воспроизводит фронтовые события, где участвовал красноармеец В.П. Астафьев, получивший медаль «За отвагу».

Связист Матвей Савинцев на передовой вспоминал свою родину: «Наша деревня особенная! ...Всем деревням – деревня!». Ироничный голос из группы бойцов добавил: «Почти город, только в ней дома пониже да асфальт пожиже», но это замечание не умалило цельности, органичности главного героя.

«В тихие вечера, когда война как-то сама собой забывалась и душа человеческая тоже сама собой настраивалась на мирный лад, Матвей рассказывал о своей родной Каменушке. Слушали его с удовольствием. Наносило издали то запахом родных лугов, то девичьей песней, то парным молоком, то дымком бани, в которой так хорошо попариться, придя с пашни. Простая жизнь, обыденные дела вставляли в новой красоте. Раньше-то ее ни замечать, ни ценить не умели – все шло само по себе, все было как надо, и вот...» [1]. Война...

В рассказе лишь несколько фраз о деревне, но именно этот образ сформировал покладистый, домовитый характер героя, дал силу и отвагу в бою: «Родной край, своя деревня, свой дом всегда и всюду с солдатом – они вырастают в его сердце навечно». «Деревенские мы люди, привыкли, чтоб все по порядку было, чтоб ничего не забыть в последний час...», – произносит умирающий Матвей Савинцев. Спасая смертельно раненного Матвея, телефонист Коля Зверев принялся сердито кричать: «Деревенские мы... А мы, думаешь, кто?.. Я, может, сам. Я, может, пуше отца родного чту тебя... А ты... Эх ты... – И, чувствуя, что Матвей все больше тяжелеет, обвисает на нем, он громко запричитал: – Слышишь, Мотя, не помирай!.. Слышишь, потерпи маленько... Но Матвей ничего этого уже не слышал. Перед ним колыхалось бесконечное ржаное поле. От хлебов лились сухость и жара. Он совсем близко увидел колосок, похожий на светленькую бровь младшего сынишки. Он потянулся губами к этому колоску, но вместо колоска перед ним очутился сибирский цветок – жарок, похожий на яркий уголь. С цветка снялся пучеглазый кузнечик и с нарастающим треском помчался на Матвея. ...Земля, пахнувшая дымом и хлебом, приняла его с тихим вздохом» [1]. Происходит возвращение к истокам, началу начал через автобиографическое начало, силу истинного патриотизма, жертвенный героизм главного героя рассказа. Писатель показывает нам пример искренней любви к Отечеству.

В эти послевоенные годы измученная, но победившая, Россия в произведениях этих авторов предстает в образах малой родины. Автобиографически, сокровенно, через созерцание/воспоминание трепетно дорогого сердцу героя, они привносят в образ сибирской/алтайской деревни новые светлые тона.

Позитивная динамика сравнительного философско-филологического обобщения образа деревни заключается в словах В.П. Астафьева: «Простая жизнь, обыденные дела вставляли в новой красоте».

Доброту жизни, новую красоту и трепет близости с родиной подхватили и раскрыли писатели «деревенской прозы», а образ деревни, наполняясь авторским содержанием, не утратил главного: корней, истоков, родного, нравственного, веками хранимой сокровенной земной сути...

Каждый из нас бережно хранит воспоминания детства и юности, которые незримо, но крепко связывают. Корни, которыми проросли и закрепились, они – нерасторжимые узы, укрепляющие и поддерживающие и в горе, и в радости. Патриотизм, воспитывающий сердца.

Литература

1. *Астафьев В.П.* Сибиряк. URL: <http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/sibiriak.htm>. Текст с экрана (дата обращения: 13.11.2011).
2. Бицилли П.М. // Борис Пантелеймонов. «Зеленый шум». Отзывы в печати. Издание Е.Н. Розен, 1947.
3. *Бунин И.А.* Избр. произведения. М., 1991. С. 28.
4. *Михайлов О.Н.* Об Иване Алексеевиче Бунине // И.А. Бунин. Избр. произведения. М., 1991.
5. *Пантелеймонов Б.Г.* Родная дорога // Зеленый шум. Париж, 1947.
6. РГАЛИ. Ф. №1814. Оп. 6. Ед. хр. 763. Лл. 1–50 (неопубликованное, готовится к печати).
7. *Солженицын А.И.* Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. URL: http://infoart.udm.ru/magazine/novy_i_mi/n5-20/solgen.htm. Текст с экрана (дата обращения: 13.11.2011).
8. *Тэффи Н.А.* Рецензия «Зеленый шум» // Новоселье. 1948. № 37/38.

КОНЦЕПТ СМЕРТИ В ИДИАЛЕКТЕ В.П. АСТАФЬЕВА

Творчество В.П. Астафьева занимает значительное место в литературе 20 века. Читая его повести и рассказы, многие вспоминают различные эпизоды из своей жизни, о чем говорится в письмах читателей. И достигается это не только за счет интересных и актуальных сюжетов, но и, как говорит Ю.В. Шароглазова, за счет яркого, образного языка писателя, за счет заимствований из внелитературных страт языка и включения в текст и диалектизмов, и жаргонизмов, и фольклорных элементов [3, с. 5].

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые черты концепта смерти в идиалекте В.П. Астафьева, так как в творчестве писателя эта тема относится к числу важнейших. В рассказах 1980-х годов почти везде присутствует тема смерти, а в произведениях о войне она становится ведущей.

Концепт смерти – междисциплинарное, эвристическое, многоэлементное, многоаспектное, ментальное, фреймовое образование. Опорным понятием в разрабатываемой методике исследования концепта смерти выступает фрейм. Т.А. ван Дейк считает, что фреймы – это не произвольно выделяемые «кусочки» знаний, а единицы, организованные вокруг некоторого концепта. Но в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом [1, с.16–17]. Концепт смерти разворачивается в предикативные структуры – фреймы. Нами выделены **обязательные семантические компоненты фрейма смерти: 1) предикат; 2) субъект; 3) причина.** Фрейм смерти включает и **факультативные компоненты, такие, как атрибуты смерти, обряды, традиции, действия, ставшие следствием прекращения жизнедеятельности кого-либо.** Компоненты инвариантной структуры – предикат, субъект, причина – отражают связи когнитивного и эмоционального аспектов жизни человека.

Рассмотрим сначала **предикат**, словарным ядром которого являются **глаголы**. В произведениях В.П. Астафьева встречается целый синонимический ряд глаголов с семантикой смерти: *умереть*,

умирать, помереть, кончиться, скончаться, отойти, угаснуть (высок.), сойти в могилу, лечь в сырую землю (народно-поэт.), отправиться к праотцам (устар.), уснуть навеки (высок.).

«Она поступила работать в химчистку и все жалась по углам, старалась днем не показываться на люди, когда умерла, то Лене казалось, что и в домовине она старалась сжаться, спрятаться от людей» («Печальный детектив»).

Глаголы *умирать* и *помирать* указывают на более длительный и постепенный процесс умирания. Слова *кончиться* и *отходить* употребляются по отношению к человеку, у которого уже появились все признаки близкой кончины.

В произведениях В.П. Астафьева встречается много просторечных глаголов с семантикой смерти: *сдохнуть, загнуться, издохнуть, отдать концы, протянуть ноги, откинуть коньки, свернуться, скапнуться, окочуриться, порешиться.*

«Чем? В чем поможет-то? Сдохнуть? Окочуриться? Не-ет! Не дамся, не дамся!» («Царь-рыба»)

Писатель использует в своем творчестве и диалектные слова с семантикой смерти. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева под ред. Л.Н. Падерина и Л.Г. Самотина [2, с. 256] фиксирует следующие диалектные глаголы: *быть под смертью, заколеть, задрать лытки кверху:*

Под смертью недавно был. Побаиваюсь я ее теперь. После рассказа, – рванул шнурок, крикнул он, развернул лодку, повел ее встречь течению, хлопнув ладонью по борту – знак, чтобы я заткнулся и ему не мешал («Царь-рыба»).

Разделяя слова, будто диктуя в школе, Аким рассказывал ей все о себе и о том, что им необходимо делать, чтоб не задрать лытки кверху; ей как можно скорее поправиться и быть терпеливой... («Царь-рыба»).

Во вторую группу предикатной лексики с семантикой смерти входят **прилагательные**. В.П. Астафьев в основном использует нейтральные слова: *мертвый, омертвелый, трупный, безжизненный*. Рассматриваемые нами прилагательные означают «мертвое тело». Но в творчестве В.П. Астафьева встречается авторское прилагательное *трупелый*.

В следующую группу предикатной лексики со значением смерти входят **существительные**: *труп, останки, прах.*

Где труп взять? Может, денег накопить да за границей сторговать? ... У нас за труп засудят и засадят («Мною рожденный»). В произведении «Прокляты и убиты» Астафьев использует такие слова, как, например, косточки, кость, человечина.

Через десяток лет покроеет место боев толстой водой нового, рукотворного моря и замочет песком, затянет илом белые солдатские косточки («Прокляты и убиты»).

Очень часто писатель использует слова *дохлятина*, *падаль* по отношению к телу умершего человека. Толковые словари русского языка отмечают использование этих слов по отношению к телу животного.

Возле блиндажа возились бойцы, убирая трупы. «Че эту падаль закапывать-то?» – слышал голос Шорохова («Прокляты и убиты»).

Он обвел глазами измождено сникших солдат, приткнувшихся в грязной рытвине, замусоренной, невыносимо воняющей дохлятиной, человеческим дерьмом («Прокляты и убиты»).

С особым трагизмом писатель повествует о смерти детей в мирное время из-за пьянства родителей.

Когда вернулись отец с матерью, обезумевшая от пьянства мать попинала замерзшие трупы и, не найдя среди них ни одного мягкого, сказала едва живому мужику: «Ссяс печку натопим, барана сварим и съедем, новых ребенков делать будем» («Из тихого света»).

Слово *трупик* означает не только «маленькое тело», но и «беззащитный».

В творчестве В.П. Астафьева встречается огромное количество фразеологических единиц и паремий. Согласно «Словарю фразеологизмов, паремий и иных устойчивых сочетаний в произведениях В.П. Астафьева» в произведениях писателя встречаются такие идиомы и паремии, как, например, *душа с телом расстаётся, глаза закрыть навеки, в гроб загнать, голову сложить, испустить дух, покинуть земные пределы, Смерть да жена – богом суждена; Смерть причину найдет; Смерть- то не тетка; Смерть гнездо из костей вьет с камешком в середине; На смерть, как на солнце, во все глаза не поглядишь; Со смертью нельзя заигрывать.*

Вторым обязательным компонентом фрейма смерти является **субъект**, который в произведениях В.П. Астафьева часто выражается 1) личным местоимением (Они быстро ушли в мир иной); 2) именем собственным (Иван погиб в этом бою); 3) именем нарицательным

(Назавтра после боя обозначилось такое количество убитых солдат, что не счесть).

Последним обязательным компонентом фрейма смерти является **причина**, которая выражается в творчестве писателя эксплицитно. Очень многие лексемы дают указание на причину смерти, например, вследствие убийства автором используются слова *убиенный*, *убитый*, из-за удушения – *удавленник*, по причине взаимодействия с водой – *утопленник*, *утопленница*.

Фрейм смерти, как отмечено нами выше, может содержать и факультативные компоненты, например, атрибуты смерти, обряды, традиции, действия, ставшие следствием прекращения жизнедеятельности кого-либо. В повествовании В.П. Астафьева атрибуты смерти репрезентируются посредством нейтральных существительных: *гроб*, *катафалк*, *кладбище*, *могила*.

Когда хоронили тетю Лину, поднимали гроб так высоко, что покойница едва не чертила остреньким носом по прогнувшейся вагонке потолочного перекрытия («Печальный детектив»).

Свежие могилы возле лыковского стана да будут наглядным уроком и укором всем ... («Медвежья кровь»).

Очень часто писатель использует эти слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*гробик*, *могилка*, *домик*).

Я вижу там не эту, нынешнюю, детсадовскую дочку, а ту, Лидочку, в гробике ... («Веселый солдат»).

Синонимична слову *гроб* областная лексема *домовина*, часто встречающаяся в повестях В.П. Астафьева.

И в домовине она лежала торжественная, величественная.

Много раз писатель употребляет слово *домик* в значении *гроб*, чтобы представить сам предмет и отразить имплицитно представления о загробной жизни, в которой это слово реализует значение «жилье».

Глубоко у нас закапывают. Черная щель как пропасть, летит в нее человек в нарядном домике, летит и конца полета не видно («Из тихого света»).

Принадлежностью покойного может стать *саван*.

Снег упрятал головешки под собой, накрыл белым саваном – к месту слово пришлось, – совсем уж скорбным саваном приют человеческой юдоли и печали («Печальный детектив»).

Следующим факультативным компонентом фрейма смерти являются обряды, традиции, действия, ставшие следствием смерти. В

повествовании В.П. Астафьева их представляют нейтральные отглагольные существительные *поминки, похороны, поминование*, глаголы *помянуть, похоронить, причастие похороненный*, фразеологическая единица *передать земле*.

Они нас приютили. Мы их скоро и похоронили («Мною рожденный»).

Бабы из привокзальной парикмахерской испуганно озирались, и, тихо радуясь тому, что похороны не затянулись, поспешили на поминки («Людочка»).

Был накрыт торжественный обед в честь благополучного возвращения с того света и одновременно – поминование павших («Прокляты и убиты»).

Большой объем глагольных словоформ с семантикой *хоронить* находит свое отражение в словообразовательных гнездах: *похоронить, захоронить, подхоронить, схоронить*. Наряду со словами *поминки, хоронить, похоронить*, В.П. Астафьевым используются лексемы *закопать, зарыть*, а также диалектное существительное *сороковины*.

Через совсем короткое время, сороковины не справив, товарищ капитан, сделав разведбросок в город Ростов, вернулся за манатками, забрал все, не оставив даже лоскутка на пеленки сыну («Веселый солдат»).

Когда зарыли девочку в землю, Семен Агафонович сказал: «Ну вот, и Калерия, Вася и Лидочка при месте («Веселый солдат»).

Итак, концепт смерти в идиалекте В.П. Астафьева разветвляется в предикативные структуры – фреймы, которые включают обязательные семантические компоненты (предикат, субъект, причина) и факультативные компоненты (атрибуты смерти, обряды, традиции, действия, ставшие следствием прекращения жизнедеятельности кого-либо). Словарным ядром предиката являются глаголы с семантикой смерти. Во вторую группу предикатной лексики с семантикой смерти входят прилагательные. В следующую группу предикатной лексики со значением смерти – существительные. В языке В.П. Астафьева встречаются нейтральные, диалектные, областные лексемы, фразеологизмы, паремии.

Для идиалекта писателя характерно употребление глагольных словоформ с семантикой хоронить (*захоронить, схоронить, похоронить, схоронить*), уменьшительно-ласкательных суффиксов (*трупик, гробик, могилочка*), диалектных слов (*сороковины, заколеть, задрать*

лытки кверху). Типично для В.П. Астафьева использование просторечных глаголов с семантикой смерти: *сдохнуть, загнуться, издохнуть, отдать концы, протянуть ноги, откинуть коньки, свернуться, скапнуться, окочуриться, порешиться*.

Литература

1. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
2. *Падерина Л.Н., Самотина Л.Г.* Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева. Красноярск, 2008.
3. *Шароглазова Ю.В.* Словарь фразеологизмов, паремий и иных устойчивых сочетаний в произведениях В.П. Астафьева. Красноярск, 2007.

ТВОРЧЕСТВО В.П. АСТАФЬЕВА В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ XX ВЕКА

Виктор Петрович Астафьев как писатель и философ – великое, знаковое имя, оставившее в литературном процессе XX века яркий, индивидуальный след, творческий потенциал которого еще только требует своего осмысления и вдумчивого прочтения в историко-литературном контексте своего времени. Его произведения находятся вне времени, вне исторического контекста. Несмотря на многочисленные научные труды, сборники статей, монографии, диссертации и статьи, привлекающие внимание к разносторонней литературной деятельности писателя, появившиеся в последнее десятилетие, многогранное наследие Астафьева все еще оставляет множественные «белые пятна» и требует своего осмысления.

Астафьев поистине велик и огромен, как любой большой художник, и, как большой художник, противоречив, потому требует самого вдумчивого и глубокого прочтения. Он многообразен в своих интересах, в своих литературных пристрастиях. Астафьев – прозаик, романист, рассказчик, новеллист, повествователь. Астафьев – публицист и литературный критик. Астафьев – прекрасный лирик, об этом свидетельствуют его многочисленные лирические миниатюры и зарисовки (начиная от «Затесей» и завершая многими зарисовками или просто лирическими текстовыми включениями в его, казалось бы, «прозаические» вещи, достаточно обратиться к столь «знаковому» произведению, как «Ода русскому огороду»). Астафьев – драматург (драма «Прости меня»). Все эти разнородовые и разножанровые произведения объединяет общий взгляд писателя, его мировоззренческая основа – это предельная боль за судьбу России, народа, за судьбу своего поколения, это осмысление категории исторического и надисторического времени, понятие «временного» и «вечного».

В.П. Астафьев органично входит в историко-литературный контекст не только двадцатого столетия, но и века «золотого» и века «серебряного» русской литературы, отражающей многочисленные раздумья художников слова о судьбе России, ее народа, о смысле

бытия человека и человечества. Любая тема, к которой обращался писатель, требует прочтения и осмысления именно в ее широком контекстном восприятии. Изображение войны ли, судьбы ли крестьянской России, судьбы деревенского человека, суровой сибирской природы и некоей внутренней связи человека и мира природы, поиски духовного, поиски нравственных ценностей, поиски правды века и некоей высшей правды. Не случайно в научно-исследовательской литературе проводятся сопоставления с творчеством Ф.М. Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А. Бунина и других литературных предшественников Астафьева – в поисках тех самых творческих ориентиров, к которым обращался писатель, хотя чаще всего более близким по контекстному звучанию писателю оказывается творчество «деревенщиков», современников Астафьева, – В. Распутина, В. Белова, В. Шукшина, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова и др.

Созвучно творчество В.П. Астафьева и мировой литературе ушедшего столетия. Прежде всего, контекстным единством является близость Астафьева творческим мотивам Э.Хемингуэя. В научно-исследовательской литературе проводятся четкие параллели между двумя произведениями обоих писателей: «Старик и море» Э. Хемингуэя и «Царь-рыба» В. Астафьева.

Если говорить о генетической литературной преемственности, безусловно, ближе всех в этом отношении В.П. Астафьев творчеству И.А.Бунина. Этой проблеме, в частности, посвящены работы Галины Шленской («Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы)»), где рассматриваются общие для обоих писателей концепции судьбы России, русского человека и русского национального характера. Рассматриваются также мотивы дома и бездомья в трактовке обоих писателей, языковые особенности, в частности, клишированный и заштампованный язык советизмов, мотив одиночества, представленный в прозе Бунина и Астафьева [1].

В рамках одной статьи невозможно осветить множественные проблемы и темы, обозначенные художниками разных поколений и судеб. Остановимся лишь на некоторых, попытавшись провести некие параллели. Это центральная тема, проходящая сквозь все творчество В.П. Астафьева и отражающая его раздумья о судьбе России, крестьянстве, о простом человеке, о судьбе народа. Обращение к памяти детства, соотношение прошлого и настоящего в его знаковых произведениях «Последний поклон», «Ода русскому огороду», в многочисленных рассказах и зарисовках писателя – выступают на первый план.

1. Действительно, Астафьев по-своему очень созвучен И. Бунину – именно в его «любви-ненависти» к России и к ее извечной неприкаянности, дикости, вековой отсталости и неумении распорядиться собственными природными богатствами и жизнью. В этом смысле очень созвучны бунинской «Деревне» многие произведения Астафьева, прежде всего его «Последний поклон» (во 2 части взгляд писателя становится более жестким), «Царь-рыба», «Печальный детектив», прозвучавшие прямым обвинением и системе, враждебной человеку, и самому человеку, не умеющему устроить разумно свою жизнь, жить в гармонии с миром и природой. Астафьев не боится показать своего современника ленивым, нерадивым, неприспособленным к жизни, погрязшим в пьянке, утратившим трудовые и нравственные навыки, развращенным самой системой, в которой живут герои писателя, рвачом, браконьером, хищником, разрушающим мир природы и человека. Обращаясь к прошлому России, понятию духовного идеала, утраченным ценностям, автор не раз горестно сокрушается по поводу утерянных ценностей, разорению и оскудению деревни, духовной опустошенности русского человека. «О, русская земля! Где предел твоему величию и страданию!...» – восклицает он в одном из рассказов. «Что с нами стало?! Кто и за что сверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кт задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытом задолго до нас творцами подвига, зажженным для того, чтоб мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего не дали, породив безверье, всесветное во все безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...» [2, с. 583].

2. Вместе с тем, В. П. Астафьев – глубокий лирик, этим он так же близок Бунину, и лирическое повествование – важная составляющая его таланта. Природа и человек, их тесная связь чрезвычайно занимают Астафьева. Можно провести множественные параллели с прозой Бунина. Присутствует этот лиризм в «Последнем поклоне» («Зорькина песня», «Деревья растут для всех», «Осенние грусти и радости» и др.), в отдельных рассказах Астафьева – в повествовании «Голубое небо под голубыми небесами», в «Оде русскому огороду».

Жанр лирической миниатюры, зарисовки достаточно продуктивен в творчестве писателя («Затеси» – «Лунный блик», «Хрустальный звон», «Сережки», «Дождик» и др.). Астафьев-лирик продолжает линию лирико-философской прозы, связанной и с именами М. Пришвина, К. Паустовского. Пришвину он близок именно упорно отстаиваемой идеей о единстве/либо разобщенности человека и природы. Человек в понимании Астафьева целостен, когда он растворяется в природе. Ощущает себя как часть ее – «Последний поклон», «Ода русскому огороду». Отсюда и пристальный интерес писателя к живому и животному миру – «На далекой северной вершине», «Улыбка волчицы», «Яшка-лось», «Осенью на вырубке» и многие другие его рассказы. Как знаковый образ органичного природного мира – повествование в рассказах «Царь рыба».

3. Не менее важен для Астафьева и мотив памяти как основополагающей, ведущей категории. Память все время уводит писателя в прошлое, высвечивая самые дорогие сердцу писателя и его героев воспоминания. Память мальчика из «Оды русскому огороду», память мальчика Вити Потылицына из «Последнего поклона», память повествователя из «Голубого неба под голубыми небесами», Людочки из одноименного рассказа. Астафьеву, как и Бунину, важно прокрутить жизнь с самого начала, показав те необратимые изменения, которые произошли в родной деревне, в родном краю, в жизни героев. По такому принципу построены многие «крестьянские» рассказы и повести Бунина, когда сознание героев постоянно возвращается к прошлому, к детству, к светлой памяти прародителей.

Вспомним его рассказы «Антоновские яблоки», повесть «Суходол». Астафьева также интересует прошлая жизнь героев в ее сопоставлении с настоящей. Прошлое предстает в поэтическом свете, с прошлым связаны лучшие воспоминания:

«Память моя, память, что ты делаешь со мной?! Все прямее, все уже твои дороги, все морочней образ земли, и каждая дальняя вершина чудится часовенькой, сулящей успокоение. И реже путники встречь, которым хотелось бы поклониться, а воспоминания необходимые живой душе, осыпаются осенним листом. Стою на житейском ветру голым деревом, завывают во мне ветры, выдувая звуки и краски той жизни, которую я так любил и в которой умел находить радости даже в тяжелые свои дни и годы» [3, с. 6].

В рассказе «Голубое поле под голубыми небесами» даже интонационно-ритмический характер повествования четко соотносится с

бунинскими «Антоновскими яблоками». Астафьев организует композицию повествования, как и у Бунина: отмечает изменения в природе от раннего лета до осени, этому посвящены первые три части рассказа: «Льняное поле в цвету», «Льняное поле в конце лета», «Льняное поле в осеннюю пору». Вместе с горькими раздумьями об уходящем льняном промысле из вологодских земель звучит тема увядания жизни в этих местах, все та же тема разорения и оскудения, которая заявлена у Бунина в «Антоновских яблоках». Сравним:

В «Антоновских яблоках» четко прослежены изменения природы от ранней погожей осени до первых заморозков. На этом фоне представлена тема вырождения усадебно-дворянского быта помещиков средней руки, вместе с ним зажиточного крестьянства – деревня Выселки. Все повествование, как помним, облачено в лирико-музыкальную форму: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, – с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хорошо живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето – осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести» [4, с. 13]. Особую роль в повествовании играет ритмико-организационное повествование, соединение мотива памяти, обонятельных и вкусовых ощущений лирического героя: вкуса, запаха, цвета.

В повествовании Астафьева практически присутствует то же самое:

«Голубое поле под голубым небом.

Закрою глаза – и вот оно явственно передо мною. Слабенькая с виду зелень, отраженная от другой, более буйной, напористой растительности. Тишина поля открыта доверчивому сердцу. Древняя во всем покорность жизни царствует здесь – солнцу, свету небесному, от которого набирается поле скромного, домашнего и тоже доверчиво-тихого цвета. Но эта ненадоедая однотонность, однообразность и уединенность его кажущаяся, застенчивость вкрадчивая. Уже в близком отдалении поле разливается в мгlistо-небесную ширь, чем далее к горизонту, тем яснее сияющую, и уже не понять: где поле, где небо – живая, все в свою глyбь погружающая синь...» [5, с. 508].

Через весь рассказ проходит рефреном: у Бунина – запах антоновских яблок и осенней свежести, у Астафьева – запах и голубой цвет льна.

В «Последнем поклоне» такую функцию поэтического рефрена, связанного с мотивом памяти, выполняет запах сена («Запах сена»). Завершаются все эти произведения глубоко ностальгирующей нотой о безвозвратно уходящем в прошлое времени. И само время выступает как безжалостная категория, поток жизни.

4. В «Последнем поклоне» интересен самый тип автобиографического повествования. Этот принцип во многом напоминает модель автобиографического повествования, укрепившуюся в русской литературе, начиная с 19 века: «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, трилогия А.М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Если проанализировать с точки зрения контекстного единства «Оду русскому огороду» и «Последний поклон», то здесь, скорее, Астафьев близок автобиографическим повестям А.Н.Толстого – в той радостной атмосфере детских воспоминаний в доме бабушки и дедушки, которую представляет автор. У Толстого тоже мир ребенка в родительском доме воспринимается как светлый мир, своеобразный эдем, в котором в органическом единстве с миром, природой и людьми пребывает ребенок. Близок Астафьев и М.Горькому – именно в образе бабушки Екатерины Петровны, отсылающей нас к образу Алеша и его бабушки Акулины Ивановны. Она научила внука любви к природе, к людям, внушила милосердие, жалость, поэтичность. Эти качества мы находим в героях и их отношениях у Астафьева. Но у Горького дом деда воспринимается как жестокий, несправедливый, страшный мир.

У Астафьева сквозь все повествование проходит мысль о генетической памяти русского народа, о знаковости рода, корня, к которому принадлежит маленький Витя, и осознание этого помогает ему превозмогать все тяжкие испытания судьбы в будущем. Бабушка Вити Потьлицына демонстрирует ту самую черту, которую мы находим и у Акулины Ивановны – терпение и мудрость. – Екатерина Петровна: «Выходило по ее рассказам так, что радостей в ее жизни было куда больше. Чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать их в простой своей и нелегкой жизни. Дети родились – радость. Болели дети. Она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер – тоже радость. Обновка себе или детям – радость... Руку однажды выставила на пашне, сама же и вправила, страда как раз была, хлеб убирали, од-

ной рукой жала и косоручкой не сделалась – это ли не радость?» [6, с. 80–81]. Екатерина Петровна, которую внук называл генералом, была своеобразным центром деревни, ее духовным стержнем. Ей до всего есть дело, за видимой строгостью – болеющая душа.

Акулина Ивановна: «Бабушка стряпала целый день, копалась в огороде и в саду, вертелась целый день, точно огромный кубарь, подгоняемый невидимой плеткой, нюхала табачок, чихала смачно и говорила, отирая потное лицо:

– Здравствуй, мир честной, во веки веков! Ну вот, Олеша, голуба душа, и зажили мы тихо-о! Слава царица небесная, уж так-то ли хорошо стало все!». <... > Она служила повитухой, разбирала семейные ссоры и споры, лечила детей, сказывала наизусть «Сон богородицы», чтобы женщины заучивали его «на счастье», давала хозяйственные советы...» [7, с. 64–65].

У Астафьева образ Екатерины Петровны приобретает общие черты русской женщины, хранительницы очага, рода, носительницы исконно русских, православных традиций. Именно в этом видит опору Астафьев. Потому для него так важно понятие рода, («родова»), той самой генетической памяти, которая и позволяет людям выжить, выстоять в самые, казалось бы, трудные времена.

5. В поисках духовной опоры, поддержки в самых безвыходных ситуациях герои Астафьева (равно как и сам писатель) обращаются к Богу. Мотив некоей внутренней религиозности присутствует во многих произведениях писателя. Его герои постоянно обращаются к Господу, Богородице. Христианская тема, приметы культуры и веры православия проходят почти через все повествования – в цитатах ли, описании убранства крестьянской избы, в молитвах, которые произносят его герои – как неотъемлемая часть древней культуры русского крестьянства и его вековых традиций, мировоззренческих основ. В «Последнем поклоне» носительницей высших нравственных начал в семье и в деревне выступает именно бабушка Екатерина Петровна. Она же творит молитвы и постоянно обращается к Богу, прося об исцелении своих родных, о том, чтобы выжить в голодный год, о вразумлении детей и пр. Одна из глав даже называется в шутку «Ангел-хранитель», хотя относится это прозвище к щенку, которого подобрала бабушка в голодный 1933 год (!), кода самим есть было нечего (какая сила милосердия!). И мотив чуда, в который поверила сама Екатерина Петровна и заставила уверовать внука, незамедлительно произошел, когда подросла вовремя помощь умирающей от

голода семье от Кольчи-младшего. Это возвращает нас к традиции православной литературы и православных мотивов в литературе светской – достаточно вспомнить и религиозные стихи Есенина – «Шел Господь пытать людей любовью», «Микола» и др., и прозу И.Шмелева – его «Лето Господне». У Шмелева также задействован мотив памяти, реализующийся в воспоминаниях главного героя, и тех православных традиций, которые с детства впитаны им в отчем доме. У Астафьева сквозь все его произведения постоянно проходят не только обращения к Богу, но и просто поговорки, присказки на церковную тему. Даже, казалось бы, безнадежные люди, неверующие, тоже прибегают к помощи Господа: пьяный, безбожный бригадир, утопивший по дурости красавца Яшку-лося из одноименного рассказа, вдруг вспоминает молитву и начинает ее произносить в минуту опасности: «С-споди, помилу... с-споди, помилу...» [8, с. 541].

Отдают дань религиозной традиции и героини рассказа «Слепой рыбак», бригада работников горгаза, оказавшаяся в забытой богом и людьми заброшенной деревеньке: «Узнав от хозяйки, что с сего дни начинается нынешняя, ранняя пасха, уважительная трудовая бригада решила отметить этот святой праздник – бригада почитала и любила почитать праздники, как старые, так и новые» [2, с. 581].

Историко-литературный и современный Астафьеву контекст присутствует постоянно. Какое произведение ни возьми, обязательно выстраивается целая цепь ассоциаций, литературных реминисценций. Это объяснимо теми «болевыми» точками, которые обозначает Астафьев в своем творчестве и которые привлекают многих его предшественников и современников. Один из его рассказов о войне – «Старая лошадь» – очень напоминает ранние произведения Чингиза Айтматова – «Прощай, Гульсары!», в первую очередь, или «Материнское поле». Описание земли и ее целительных истоков, поддерживающих раненую лошадь в рассказе Астафьева, во многом созвучно диалогу героини Ч. Айтматова в «Материнском поле», с которым связана вся ее жизнь и которое питало духовные и физические силы героини, равно как и герой рассказа «Прощай, Гульсары!», вспоминающий вою молодость и жизнь в степи, расстающийся с конем, с которым связана вся его послевоенная жизнь.

У Астафьева: «Земля поддерживала ее, та земля, на которую она ступила когда-то белолобым жеребенком, приветствуя мир радостным, переливчатым голосишком. Когда ноги у жеребенка сделались резвыми и струйками потекла грива по гибкой шее, он принялся

покусывать круп матери и гонять молодых кобылиц. Когда он вырос, его стали запрягать. Он взвился на дыбы и протестующее закричал, когда завели его первый раз в оглобли. Но в оглоблях, да еще с удилами во рту трудно протестовать, и он побежал, а потом побрел по дороге, убегающей вдаль к горизонту. С тех пор ему всегда казалось, что там, у края земли, конец дороги и он довезет тяжелую поклажу и увидит что-то неведомое» [9, с. 148].

6. Само изображение войны, ее бесчеловечного, безжалостного и противоестественного облика в «Проклятых и убитых», в «Веселом солдате», «Пастухе и пастушке» и других произведениях о войне, вызвавших неприятие критики и некоторых очевидцев и участников войны, отсылает к изображению этой темы Леонидом Андреевым – достаточно вспомнить его «Красный смех», за который писатель снижал славу «неврастеника». В свое время М. Горький советовал ему «оздоровить» эту тему, на что Андреев отвечал: «Милый Алексеюшка, оздоровить, значит уничтожить рассказ, его основную идею. Здоровая война – достояние прошлого, война сумасшедших с сумасшедшими – достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема – безумие и ужас». Несмотря на то, что «Красный смех» отделяет произведения Астафьева почти на столетие, написаны они в разных историко-политических условиях, оба писателя пользуются разными художественными методами: у Андреева – импрессионизм, у Астафьева – реализм, граничащий с натурализмом, концепции писателей общие: «Это безумие и ужас войны».

Все эти пересечения, множественные аллюзии говорят о той контекстной целостности, о тех проблемах, к которым обращались истинные художники в самые острые, тревожные для России и страны в целом времена. Судьба русской деревни и ее трагической обреченности, представленная в творчестве Чехова («Мужики», «В враге»), Мамина-Сибиряка (его «Сибирские рассказы»), Горького («Лето»), Бунина («Деревня»), особенно остро зазвучала в XX столетии – наиболее «кровавом» с его множественными потрясениями начиная с пореволюционной действительности, с ее многочисленными войнами, расколами, политическими экспериментами над народом и страной. Советская власть, провозгласив поворот к новой политической эре, прежде всего начала наступление на деревню, в которой закономерно видела основной источник «собственнического» мира и психологии и с которым объявила решительную борьбу. Продолжился этот процесс и в постсоветский период, приняв еще более разруши-

тельные тенденции. Он оставался таковым на протяжении всего столетия, не удивительны те параллели и ассоциации, которые вызывают произведения Астафьева, наполненные неизбывной болью и тревогой за судьбу России и ее народ.

Литература

1. *Шленская Г.* Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы) // Сибирские огни. 2008. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/6/sh12.html>.
2. *Астафьев В.* Слепой рыбак // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 1991.
3. *Астафьев В.* Ода русскому огороду // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 1991.
4. *Бунин И.А.* Антоновские яблоки // Бунин И.А. Избр. соч. М., 1984.
5. *Астафьев В.* Голубое поле под голубыми небесами // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 1991.
6. *Астафьев В.* Монах в новых штанах // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1991.
7. *Горький М.* Детство // М. Горький. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. Т. 15. М., 1972.
8. *Астафьев В.* Ангел-хранитель // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1991.
9. *Астафьев В.* Старая лошадь // Астафьев В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 1991.

АНТИВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ПРОЗЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА И ВАСИЛЯ БЫКОВА

Не случайно эти даты следуют друг за другом: 100 лет со дня смерти Л.Н. Толстого и 10 лет после кончины В.П. Астафьева. Ведь Толстой тоже бы пацифистом. И даже название его романа «Война и мир» представляет собой гармоничное целое. Да, к сожалению, война, но заканчивается она миром. И даже последняя сюжетная глава в романе-эпопее начинается снова с непримиримой вражды со стороны Наташи Ростовой по отношению к Пьеру: она его упрекает, обвиняет, она огорчена и во всех своих бедах винит Пьера, но все наконец заканчивается примирением.

Теперь обратимся к Астафьеву. Его последнее крупное произведение, над которым он работал больше 20 лет, называется «Прокляты и убиты». Это тяжелый роман, но правдивый. Астафьев доказывает нам, что дедовщина в армии началась не в последнее время, она была и в годы войны. В первой части романа представлена так называемая «учебка», которая готовила новобранцев к военным событиям. И там, во время этой подготовки, уже складывались непростые отношения между молодыми солдатами. Тяжелые армейские будни сменяются военными событиями, когда смерть подстерегает человека на каждом шагу, то есть сначала эти ребята прокляты, а потом уже и убиты. Такова правда Астафьева. В то же время подчеркнем, что мир в романе не представлен так уж беспросветно. Есть и положительные герои, причем автор их не идеализирует, поэтому слово Астафьева звучит вполне убедительно, ему веришь.

Итак, антивоенная тематика. Именно так предлагал формулировать тему войны широко известный автор из Белоруссии Василь Быков. Его очень хорошо знали и высоко ценили и в нашей стране, и за рубежом, считая, что его проза о войне соответствует многим правилам экзистенциализма в литературе. По крайней мере, ситуации, в которые поставлены герои этого писателя, безусловно, имеют пограничный характер. И в этом критическом положении между жизнью и смертью проявляется суть человеческой природы. Герой либо совер-

шает подвиг, либо пасует перед опасностями, и тогда происходит его нравственное падение. Автор показывает восхождение одних (известный фильм Ларисы Шепитько по повести «Сотников» так и назывался «Восхождение») и предательство других героев. То есть Быков, говоря об антивоенной тематике, подчеркивал пацифистский пафос своих произведений. Он против любой войны. Этот же пафос мы обнаруживаем в произведениях Виктора Астафьева и других авторов отечественной литературы, обратившихся к этой теме в своих произведениях. Другое дело, что не все так ПРОНЗИТЕЛЬНО смогли выразить свои чувства, как Астафьев и Быков.

Безусловно, одно из лучших произведений на антивоенную тему в современной литературе вообще – это повесть-пастораль «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева.

Современная пастораль – так определяет сам автор свое произведение. Звучит это довольно неожиданно: война и вдруг – пастораль! Но писатель убедительно доказывает нам, что любовная идиллия может возникнуть в любые времена и в самых неожиданных условиях. Так лейтенант Борис Костяев свою большую и единственную любовь встречает неожиданно в той деревне, в которой им пришлось остановиться накануне решающего боя. Люся, хозяйка дома, выделенного для постоя, оказалась девушкой необыкновенной. И отсюда – новизна и дерзость повествования В. Астафьева, который противопоставляет войну, сеющую смерть, и любовь, олицетворяющую жизнь. Причем, он берет эти понятия в крайних пределах. Беспощадность боя, «выгоревшее на войне сердце» старшины Мохнакова, готового на любую подлость, а с другой стороны – чистое, светлое чувство вечной любви Костяева и Люси, которая через много лет отыскала далеко в степи могилу своего любимого Бориса, и эта сцена не может не вызывать наших слез – все это говорит о просветлении души человека, читающего книги Астафьева. Казалось бы, его проза должна дочерна выжигать душу, а на самом деле она высекает в твоей душе свет. Да, известное слово КАТАРСИС, которое в переводе с древнегреческого означает очищение души трагедией. И тайна этого чувства заключается в сопричастности твоей души всему живому на земле и даже, как это ни звучит парадоксально, продолжению жизни. По крайней мере, именно эти мысли и переживания возникают в тебе, когда ты читаешь произведения Астафьева, например «Печальный детектив», «Прокляты и убиты» и другие произведения этого известного русского писателя.

Обратимся к повести Василя Быкова «Знак беды». Думается, что оно уникально даже в контексте творчестве самого автора. Герои повести – не советские воины или партизаны, нет, это простые жители деревни, оккупированной немцами, Степанида и Петрок. Эти герои разные. Степанида – смелая, отважная, активная, Петрок – спокойный, тихий, забитый, кроткий и в то же время он романтик по своим представлениям о жизни. Однажды, еще в мирное время, Степанида отправила его на базар продавать яблоки, на вырученные деньги он купил скрипку. А время было предвоенное, но уже тяжелое для этой семьи, безденежное, бесхлебное, были дети, которых надо одевать и кормить, поэтому даже эта скрипка была для Степаниды знаком беды. И таких знаков в повести великое множество. Так, еще до войны, семье Степаниды выделили участок на склоне горы, утоптаный, вскопать его было невозможно, и она поставила на этом склоне крест, который сельчане восприняли как знак беды и приходили помогать этой семье на этом участке. Или, например, таким знаком для Степаниды был арест председателя колхоза (начались сталинские репрессии), и она поехала в район спасать его от беды. Не говоря уже о том времени, когда немецкий отряд занял их село и Степаниде пришлось практически в одиночку оказывать сопротивление оккупантам. И в этом не было никакой натяжки со стороны автора, он пишет убедительно, доказывая нам, что бесстрашная Степанида никого и ничего не боится, она добывает снаряд у своего же односельчанина, выкупает его, чтобы взорвать мост. И один в поле воин, если это Степанида. И в финале (здесь кульминация!), когда немцам донесли, указали на Степаниду местные каратели, из своих, она, видя, что к дому уже идут немцы, облила бензином хату и подожгла вместе с собой! Это был и знак беды, и одновременно символ борьбы Степаниды со злом мира. Это тоже катарсис, как и в повести В. Астафьева. Это такое просветление, это высвечивание души человеческой, и это конечно, подвиг самого автора, который может так зажечь наши сердца!

Если говорить о литературном контексте для прозы Виктора Астафьева, то нельзя обойти вниманием и современную военную прозу. В автобиографическом очерке Василь Быков пишет: «Война не отпускает наше поколение, может, еще и потому, что мы были молоды, когда уходили на фронт, и наше мировосприятие было чрезвычайно обостренным... Война глубоко осела в памяти эмоциональной. Я помню свое состояние в определенные моменты – угнетен-

ность, чувство безнадежности или, наоборот, приподнятости, радости». Эти признания В. Быкова ассоциативно напомнили мне прозу современного молодого писателя Аркадия Бабченко. Как и Захар Прилепин, Бабченко воевал на обеих чеченских войнах. Критики зачисляют его в наследники Виктора Некрасова и К. Воробьева. Безусловно, что этот круг можно расширить. По крайней мере, пронзительность, с какой пишет этот молодой автор, напомнила мне и Быкова, и Астафьева. В повести «Маленькая победоносная война» он объясняет, как стал писателем: «Ждешь, что кто-то тебе расскажет, зачем была эта война. Но никто не рассказывает. Тогда ты начинаешь рассказывать сам. В основном, объясняешь сам себе» [1]. При помощи натурализма и психологизма молодой писатель создает НЕЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ психологию, объясняя, что в таких условиях трудно остаться человеком. Автор ведет повествование отстраненно, отрешенно. Мы понимаем: это для того, чтобы выжить и устоять в этих кошмарных условиях новой войны. Думается, что опыт Астафьева и В. Быкова в этом контексте становится бесценным, и мы благодарны всем этим писателям за их стойкость и мужество, с одной стороны, и в то же время за сохранение человечности и гуманности, с другой стороны. Вот уже 10 лет нет с нами Виктора Астафьева, но голос его продолжает звучать, его проза напоминает нам о вечных ценностях любви, дружбы, взаимопонимания и поддержки. Все эти мысли появляются у нас, когда мы перечитываем книги Виктора Петровича Астафьева. Вечная ему память и наша любовь.

Литература

- 1 Бабченко А. Маленькая победоносная война. URL: http://ixbook.net/read_malenmyakaya_pobedonosnaya_vojna_id3630.html. С. 1.

**ВИКТОР АСТАФЬЕВ КАК РАБОТНИК ОДИННАДЦАТОГО ЧАСА
(проблема греха, раскаяния и духовного воскресения
в прозе писателя)**

Критика почти согласна в том, что Виктор Астафьев – писатель от Православия весьма далекий. И если, мол, задевал каким-то боком эту тему, то лишь так, походя. Но как велика на самом деле тайна Божия в человеке, как опрометчиво порою судим мы о других! Как мало оставляем суду Божию!

С чего начинал Виктор Астафьев? С сибирских рассказов о природе, о рыбаках и охотниках. Потом «завелся» с некоторым озлоблением публициста на социальные темы. А Православие? Нет у него ни одной книги, проникнутой собственно Православным настроением. И, правда, нет. Но как трудно судить об отношении человека к Богу. И не по тематике произведений следует в данном случае выносить свои суждения. Хочется обратить внимание на то, как с годами все чаще вспоминал писатель о вечном, как бережно, честно старался говорить о святом в человеческой душе.

В церковь Астафьев не ходил. Да и чего же удивляться этому в те времена? Но стоит ли забывать о другом? Удивительно, но факт: в условиях тотального хрущевского и постхрущевского наступления на христианство в советском государстве целая группа писателей (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев) в основу своего творчества положила принципы Православия – в их чаще всего народном стихийном выражении. Народно-национальное, в течение тысячелетия формировавшееся на православных принципах веры, несло в себе неистребимую сердцевину Православия как традицию, духовную и культурную. Писатели-деревенщики в силу самого обращения к национально укорененному жизненному материалу изображали человека православного склада характера: смиренного, но душевно стойкого, отзывчивого на чужую боль и т. д. То же самое можно обнаружить и в других областях искусства советской эпохи, например, в кино. Недаром известный актер и режиссер Николай Бурляев, выступая на форуме «Православное кино – детям» в Самаре в 2002 г., сказал: «Лучшие фильмы российского кино даже безбожных времен, составившие вершину мирового ки-

ноискусства, по духу в большинстве своем – Православные, даже если о Боге и вере там напрямую не говорилось» [1, с. 2].

Свое особое место занял в этом ряду В. Астафьев. Воспитанный хотя и в атеистическую эпоху, но на образцах народной нравственности, замешенной так или иначе на православном менталитете, он, по-видимому, с благоговением относился к Православным святыням, к вере, хотя и прибавил к этому со временем сугубо интеллигентскую болезнь: веру без Церкви, без священников. Одним из немногих свидетельств об опыте его религиозной жизни в советскую эпоху является интервью 1989 г. После поездки в Грецию В. Астафьев говорил о посещении монастыря, о встрече с сербским священником о. Иеремеем, о том, как посетил пещеру св. Иоанна Богослова, В маленьком отрывке интересно все: даже сам несколько навный, бесхитростный язык, которым говорит о новом тогда для него предмете большой русский писатель: «Я видел «Апокалипсис», был в пещере автора этой бессмертной книги Иоанна Богослова. Видел рукописи, 13 тысяч рукописей хранятся в монастыре. Монастырю 900 лет. Все сохраняется усилиями монахов. Работают они очень много, к истории относятся архибережно. Иконы IX, X, XI, XII веков. Фрески сохраняются. Я смотрел внимательно на иконы и не мог понять, чем они от наших отличаются. Потом догадался. Я же привык с дырками иконы смотреть, все драгоценности-то с них сняты, разграблены, а тут все целые, в богатых окладах, они и смотрятся по-другому. Особое внимание привлекла рукопись на телячьей коже VI века. Спросил, что там написано. Текстологи считают, что там послания доброго нам пути, счастья» [2, с. 9].

Многие его произведения показывают, что писатель органически усвоил народные представления о православии. Лишенные догматической точности, они, эти представления, тем не менее зачастую глубоко и правильно отражают (в прозе В. Астафьева) сущность православных воззрений на человеческую жизнь. Как бесхитростно, несколько наивно, чуть ли не в духе Шагала описывает писатель свои представления о Боге и черте в рассказе «Тельняшка с Тихого океана»: «Бог – он добрый, степенный, ходит босиком по облакам, он высоко и далеко, его не видно и не слышно. А враг-искуситель всегда рядом. Я вот пошевелил босой ногой под столом, он за пятку меня хватя!» Но дело, конечно, не в том, что Астафьев, воспитанный, очевидно, на народном православии, изображает подобные полуфольклорные «картинки». Лишь внешне это «чуждачество». За ним стоит нечто более глубокое и совсем не смешное: «Я все чаще и чаще на

старости лет думаю о назначении нашем, иначе и проще говоря – о житухе нашей на земле, которую мы со всеми на то основаниями, для себя, назвали грешной. Грешники иначе и не могут! Сажай и дерьмом вымазанный человек непременно захочет испачкать все вокруг – таков не закон, нет, таков его, человека, норв или неизлечимый недуг, название которому – зло». Разумеется, критика в былое время не замечала этой стороны астафьевской прозы.

Один из характерных примеров, раскрывающих своеобразие религиозности прозаика, – глава «Царь-рыба» из одноименного произведения В. Астафьева. Казалось бы, о чем оно? В интервью Юрию Ростовцеву в 1977 г. писатель признавался, что в книге «Царь-рыба» касался исключительно моральных тем, связанных со взаимоотношениями человека и природы: «Повесть строится двупланово... Люди, сами рожденные в енисейских деревнях и селах, вроде неплохие, у них – крепкие семьи... Но постепенно, занимаясь грабежом тайги, истреблением природных богатств, безумным отстрелом зверей и птиц – без особой нужды... они теряют какие-то нравственные качества, которые были заложены еще в их предках и переданы отцом с матерью. Браконьеры ведь ниоткуда не приходят, это люди нам близкие...»

Поэтому я не только изобличаю браконьеров, но и наряду со страшными рассказами пытаюсь поэтически высказаться о земле, об общении с рекой, деревьями, полями... Хочу дать людям возможность лишний раз прикоснуться к чистоте».

Но дело не только в теме природы и человека. В этой главе писатель постоянно и настойчиво возвращается к теме Бога («дедушкины наказания»). В патетический момент борьбы со смертью герой обращается с мольбою к Богу: «Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне!» – слабо, без надежды взмолился ловец. – Икон дома не держал, в Бога не веровал, над дедушкиными наказаниями насмехался. И зря. На всякий, ну хоть бы вот на такой, на крайний случай следовало держать иконку, пусть хоть на кухоньке...»

В «Царь-рыбе» В. Астафьев показывает человеческую жизнь так, как будто он век в церкви простоял и знает, что в христианстве человеческая жизнь делится на три главных периода: грех – покаяние – Воскресение во Христе (прощение). Эту модель мы находим во всех крупных произведениях русской классики (вспомним хотя бы «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского!), что, несомненно, свидетельствует о ее глубоко органичном православном духе.

Конечно, В. Астафьев не богослов и не сугубо религиозный писатель. Его герой Игнатич показан в главе «Царь-рыба» как обыкно-

венный человек, грех которого проявляется бытовым образом. Как и у всякого, его грех не бьет в глаза, а тихо живет в нем, полузабытый, не тревожащий совести. Как и всякий «обыкновенный грешник», Игнатич предстает перед нами как «гроб повапленный» (т. е. украшенный): снаружи украшен, а внутри смердит. Но даже сам Игнатич до своего предсмертного часа не ощущает этого смрада греховного. Автор показывает аккуратность, мастеровитость, какую-то привлекательную внутреннюю собранность Игнатича. На людях он – человек не только достойный, но и, пожалуй, один из лучших в своем селе. Но это – суд людской. Над судом Божиим Игнатич до поры до времени не задумывается, греха своего не видит.

А между тем В. Астафьев буквально «тыкает носом» своего героя в его грех. Это браконьерство Игнатича. Есть и грех внутренний, полузабытый, глубоко лежащий, «глухая, враждебная тайна», лежащая меж «двумя человеками». Этот грех – надругательство над Глашей. Природа, Глаша и Рыба – вот те три «женщины» («Природа – она, брат, тоже женского рода!»), над которыми надругался в своей жизни Игнатич. Он отчасти понимает свой грех. Игнатич уже до столкновения с рыбой пытался нести груз покаяния: «Ни на одну женщину он не поднял руку, ни одной никогда не сделал хоть малой пакости, не уезжал из Чуши, осознанно надеясь смирением, услужливостью, безблудьем избыть вину, отмолить прощение». Однако покаяние Игнатича, по мнению В. Астафьева, неполное. И не потому, что покаяние начинается с церковного таинства исповеди, а с церковью Игнатич никак не связан. В этом порою скептически относящийся к церкви писатель не упрекает своего героя. Ведь и сам он в «Затесях» выразил весьма скептическое настроение в понимании церковной жизни: «...Махая кадиллом, попик в старомодном, с Византии еще привезенном одеянии бормочет на одряхлевшем, давно в народе забытом языке молитвы, проповедует примитивные, для многих людей просто смешные, банальные истины... Там, в кадильном дыму, проповедуется покорность и смирение...».

Каясь перед одной женщиной, Глашей, герой «Царь-рыбы» браконьерствует и уничтожает другую «женщину» – природу. В. Астафьев хотя и не акцентирует эту мысль, но она угадывается в его авторской реплике: «Прощенья, пощады ждешь? от кого? Природа, она, брат тоже женского рода!» Поэтому-то покаяние Игнатича названо автором «притворством». А притворства Астафьев не переносит. Покаяние Игнатича в грехе перед Глашей, его попытки изменить свою

жизнь «безблудьем» не совсем справедливо названо автором «притворством». Герой виноват лишь в том, что, винясь перед Глашей, не замечает другую «женщину» – природу. Как и всегда у В. Астафьева, напрямую мысль о существовании Бога приходит в голову герою на грани жизни и смерти, в минуту смертельной опасности. Вспомним, как в его романе «Прокляты и убиты» герои вдруг духовно преображаются в экстремальной ситуации: «Да будь ты хоть раскоммунист, к кому же человеку адресоваться над самою-то бездной?...и все вон потихоньку крестятся да шопчут божецкое. Ночью, на воде кого зваликали? Мусенка? Партия, спаси! А-а! То-то и оно-то...»

Истинное покаяние – с принятием мук смертных – Игнатъич приносит в свой «предсмертный» час, когда уже не остается надежды на спасение и когда вся жизнь встает у него перед глазами. Это покаяние разбойника, раскаявшегося в последний час свои на кресте. Но зато это – полное, от души принесенное покаяние. И не случайно В. Астафьев использует чисто церковное выражение: «муки смертные»: «Не все еще, стало быть, муки я принял». В этот решающий час своей жизни герой В. Астафьева просит прощения у всех людей и особенно у Глаши, «не владея ртом, но все же надеясь, что хоть кто-нибудь да услышит его». Очевидно, что «кто-нибудь» – это Бог.

Здесь не только и не просто яркое изображение больной человеческой совести. Явный, блудный свой грех герой сознает не просто ясно и отчетливо. Здесь писатель наделяет своего героя чуть ли не церковным представлением о грехе и образе покаяния (как высшая ступень – угождение Богу, затем – искреннее и глубокое покаяние с исправлением своей жизни и, наконец, при плохом покаянии – терпение скорбей и даже «мук смертных»).

И Бог услышал Игнатъича, принял на этот раз его покаяние. И послал ему не кого-нибудь, а брата, с которым у него была давняя вражда. Попросив же прощение «у всех», Игнатъич, стало быть, попросил прощения и у брата и простил его. Теперь он ждет его уже не как врага, но как друга-спасителя. Здесь он действует по Евангельской заповеди: «Прощайте и прощены будете» (Лука, 6, 37), «Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Марк, 11, 26).

Бог дает возможность и брату Игнатъича примириться с жизнью, заменяя в его душе вражду (вплоть до желания смерти брату) на милосердие. Царь-рыба снялась с самолова, приобрела свободу, что символизирует ниспосланное прощение Игнатъичу и от природы.

Когда-то В. Астафьев характерно сказал о Чехове, а заодно и о себе: «Слишком тихий интеллигентный Чехов – не мой писатель. Я люблю ярких, броских, люблю бесовщину». Но всему свое время. С годами Виктор Астафьев все же иначе стал воспринимать Божий мир. Какая мудрость появилась у него в конце жизни – особенно в размышлениях о тайне человеческой судьбы и смерти. О гибели столь близкого ему по духу поэта Николая Рубцова Астафьев в 2000 году сказал замечательные слова: «Человеческие сплетения судеб, что вы-то есть? Кто же, когда прочтет, разгадает, объяснит? О, Господи! Прости всех нас за грехи наши тяжкие и не забудь про ту всеми гонимую женщину, наедине живущую в глухой, болотистой Вологодчине, ставшую уже бабушкой, не оставляй ее вовсе без призора. Ты милосерд. Ты все и всех понимаешь. Нам же, с нашим незрелым разумом, этой неслыханной трагедии людской не понять, не объяснить, даже не отмолить – мы никудашные судьи, все судим не по закону Всевышнего, а по Кодексу РСФСР, сотворенному еще безбожниками коммунистами. Нам не дано над злобой своей подняться.

Главное и самое болезненное, о чем свидетельствуют стихи Людмилы Дербиной, – она любила, любит и не перестанет любить так чудовищно погубленного ею человека. Вот эту-то тайну как понять? Как объяснить? Каяться? Но вся ее книга стихов и есть раскаяние, самобичевание, непроходящая боль и мука, вечная мука. Было бы, наверное, легче наложить на себя руки и отрешиться разом ото всего. Но Бог велит этой женщине до дна испить чашу страдания, до конца отмучиться за тот тягчайший грех, который она на себя взвалила.

Пройдут годы. Посмертная слава поэта Рубцова будет на Руси повсеместная, пусть и не очень громкая. Найдется у вологодского поэта много друзей, биографов и поклонников. Они начнут Николая Рубцова возносить до небес, издадут роскошно книги поэта. Не мечталось Рубцову такое отношение к себе при жизни. Все чаще и чаще станут называть Николая Рубцова великим, иногда и гениальным поэтом. Да, в таких стихах, как: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «Видение на холме», «Добрый Филя», «Шумит Катунь», «Прощальное», «Вечерние стихи», «В гостях», «Философские стихи» и в последнем, в чемодане найденном, откровении века: «Село стоит на правом берегу» – он почти восходит до гениальности. Но все же лучшие стихи поэта говорят об огромных, не реализованных возможностях. Он уже пробовал себя в прозе, он приближался к Богу, реденько и потаенно ходил в церковь, застенчиво молился.

Душа его жаждала просветления, жизнь – успокоения. Но она, жизнь, повторюсь, плохо доглядывает талантливых людей. И Господь, наградив человека дарованием, как бы мучает, испытует его этим. И чем больше оно, дарование, тем большие муки и метания человека.

Есть у известного современного скульптора изваянная фигура Сергия Радонежского, установленная на зеленом холме среди зеленой поляны возле Сергиева Посада. В середине фигуры святого не зародышем, но смиренным ангелочком таится маленький, чистый мальчик. Эту идею скульптор заимствовал у древних ваятелей, от старых православных икон.

Вот и в поэте Николае Рубцове помещался этот светлый, непорочный ангелочек, оберегал его от многих пороков, удерживал от совсем уж поганных и безрассудных поступков, но не всегда справлялся со своей задачей. Однажды ангелочек-хранитель упорхнул куда-то, может, в голубые небеса подался – почистить крылышки от скверны нашей жизни, от экологической грязи, и тот архаровец, детдомовский удалец, взял вверх над метущейся, ранимой душой поэта, подтолкнул его к губительной черте, на краю которой он бывал уже не раз.

Свершилась еще одна трагедия в русской литературе, убыла и обеднела жизнь на Руси, умолкнул, так и не набравший своей высоты, пронзительно русский национальный певец».

Сказано как будто не только о Николае Рубцове, но и о самом себе. Поздно заговорил Виктор Астафьев церковным мудрым языком. Но ведь заговорил. Отверзлись уста! Так нам ли судить его, работника одиннадцатого часа?

А совсем недавно случайно узнал я от одного паренька из Красноярска, что Астафьев – его крестный. Вот строчки из его письма: «Виктор Петрович – мой крестный, крестил меня, мою мать, тетку и двоюродного брата у нас на квартире в 1987 году с участием священника Троицкого храма г. Красноярска, с которым дружил»[3].

Возвращаясь к собственно литературоведческой теме, подведем итог сказанному: в творчестве Астафьева православная традиция ощущается как живая и все более крепнущая. Можно говорить о возрастании духовности в его прозе – в рамках традиционно народного мировоззрения. На наш взгляд, время будет со все большей очевидностью обнажать эти самые глубокие пласты его творчества.

Литература

- 1 Благовест. Самара. 2002. № 10.
- 2 Лит. Россия. 7 декабря 2001 г.

ТРАГИЧЕСКИЕ УРОКИ ИСТОРИИ
(по материалам биографии М.Е. Зуева-Ордынца
из фонда Дома-музея П. Васильева)

Творчество поэтов и писателей невозможно изучать вне времени, в котором они жили, а время – это, прежде всего, люди. Их жизнью и деяниями пишется История. Основная особенность художественного реализма Астафьева – изображение жизни в ее первоосновах, когда она не достигает уровня рефлексии и сознания и как бы сама из себя порождает крепящие бытие нравственные опоры добра, бескорыстия, сострадания, справедливости. Это астафьевское «оправдание добра», ценности и осмысленности жизни подвергается писателем самому жестокому испытанию, прежде всего предельными условиями российского существования. Физические и нравственные потрясения, выпавшие на долю русского народа, заставляют нас всегда помнить эти уроки истории. В полной мере это относится и ко многим писателям XX столетия, чьи судьбы сложились драматически, а подчас и трагически. Это С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, О. Мандельштам, П. Васильев, Б.Корнилов и многие другие. К писателям, «обожженным историей», можно отнести и М.Е. Зуева-Ордынца. Дом-музей П. Васильева ведет кропотливую поисковую работу по изучению литературного окружения поэта в 20–30-е гг. В числе его современников и М.Е. Зуев-Ордынец. Но это имя, к сожалению, мало что говорит современному читателю. А ведь произведения «одного из зачинателей советской приключенческой литературы», теперь совершенно забытые, были очень любимы раньше, особенно – роман «Сказание о граде Ново-Китеже» (1930 г.).

В Доме-музее сформирован фонд М.Е. Зуева-Ордынца. Архив представлен первыми копиями документов и фотографий и насчитывает 37 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда, его хронологические рамки охватывают 1933–2008 годы. Все материалы получены из Областного архива г. Караганды, в котором среди писем, фотографий, документов и рукописей имеется дневник, представляющий собой огромную ценность. Фонды нашего музея

располагают ксерокопиями отдельных страниц этого дневника. В нем – самые сокровенные мысли человека, прошедшего все ужасы сталинских лагерей и пережившего страшную трагедию в своей жизни: «Как изуродовали нам души. И с такой изуродованной, больной душой приходится жить».

Родился М.Е. Зуев-Ордынец в Москве, как он сам пишет в автобиографии для Новосибирского книжного издательства, «...на пороге XX века, в 1900 году, в семье большой и бедной. С трудом окончил среднюю школу, летом работал, зимой учился. В 1918 году поступил добровольцем в Красную Армию, в Московскую артиллерийскую школу красных командиров. Всю гражданскую войну на разных фронтах: командир батареи, начальник артрязведки дивизии и др. После демобилизации, в 1922 году, пробовал себя в разных качествах: начальник милиции, актер, инструктор верховой езды в спортшколе и, наконец, репортер уездной газеты» [2]. Самым первым литературным опытом был очерк об одной из схваток с бандитами, напечатанный в газете «Наш край». Таким образом, литературная деятельность Михаила Ефимовича, как и многих советских писателей, началась с журналистики. За рассказ «По разные стороны окна» он получил первую премию на литературном конкурсе московского журнала «Всемирный следопыт». Успех подтолкнул к серьезным занятиям литературой, для чего он и приехал в Ленинград. В этом городе прошли лучшие годы его жизни. Молодого журналиста назначили заведующим отделом прозы литературно-художественного журнала «Резец», Знакомство и постоянное общение с К. Фединым, Н. Тихоновым, В. Саяновым, А. Прокофьевым, О. Берггольц и многими другими известными писателями развивало и совершенствовало мастерство самого Михаила Ефимовича. Он поступил в Ленинградский институт истории искусств и после его успешного окончания в 1932 году был принят в Союз писателей СССР.

Наиболее интенсивная плодотворная работа в литературе, принесшая Зуеву-Ордынцу известность и признание, уместилась, как и у П. Васильева, в одно десятилетие – с 1927 по 1937 год. Его очерки и рассказы печатались в журналах «Звезда», «Ленинград», «Всемирный следопыт», «Всемирный турист», «Борьба миров», «Юный пролетарий», «Мир приключений», «Вокруг света», «Красная панорама» и были особенно популярны среди молодых читателей. В 1927 году в Ленинграде увидела свет его первая книга, сборник приключенческих повестей и рассказов «Желтый тайфун».

Михаила Ефимовича, неумолимого путешественника, влекли дороги, жажда встреч с новыми людьми и жизнь, наполненная романтикой и трудностями. «Полных десять лет я шел тропой приключений, каждый год более полугода я шел, ехал, плыл, жадно смотрел и слушал. И здесь я находил сюжеты для своих произведений... Я шел сибирской тайгой, каракумскими песками, белорусскими болотами, казахскими степями и ямальской тундрой. Я плавал по четырем морям, плавал по Иртышу, Волге и Амударье, карабкался по горным тропам Урала, Кавказа и Алатау... Я люблю писать о красочном разнообразии нашей Родины, о безбрежном море ее кипучей жизни, о ее людях, разных в своем труде, действиях, стремлениях, обычаях и в то же время удивительно схожих в богатстве их душ, – так я понимаю творчество приключенческого писателя», – говорил Зуев-Ордынец. [3.]

В различных издательствах стали выходить его романы «Злая земля», «Гул пустыни», «Сказание о граде Ново-Китеже», повести «Возмутители», «Клад черной пустыни», «Хлопушин поиск», сборники рассказов и очерков «Желтый тайфун», «Каменный пояс», «Крушение экзотики», имевшие огромный успех. И все оборвалось в апреле 1937 года, после ареста по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В своей повести «Дело № 179888», созданной в Караганде в 1963–1964 годах, которая стоила ему, по словам автора, «душевных мук немало», Зуев-Ордынец пишет, что был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, «... в ночь с 9-го на 10 апреля 1937 года закрылась за мной дверь. Меня увезли в пижаме в следственную тюрьму НКВД на бывшей Шпалерной улице города Ленинграда» [1]. А вся контрреволюционная деятельность заключалась в том, что он записал в своем дневнике в 1932 году чью-то эпиграмму по поводу закрытия Российской ассоциации пролетарских писателей: «По мановению восточного сатрапа – Не стало РАППа. Но не ликуй, презренный раб. Ведь жив сатрап!!!» Следовательно, который вел дело Зуева-Ордынца, сразу сообразив, кого подразумевал автор в этом двустишии, пришел в бешенство и обещал расстрелять Михаила Ефимовича собственноручно. Тщетно пытался Зуев-Ордынец доказать, что не имеет никакого отношения к этим стихам, его все равно обвинили в антисталинизме, сделали «врагом народа». Писатель, получивший одобрительные отзывы М. Горького, на 19 лет был вырван из жизни. Сначала он отбывал срок в Сибири, в Тайшетлагере, где для заключенных были созданы поистине адские условия. «В лагерьях

я валил тайгу, обжигал кирпич, таскал кирпичи на третий этаж, работал на прополке, на зерноочистке, хоронил десятки умерших товарищей и подвергался вечным оскорблениям и унижениям» [4]. От недоедания и ужасного холода Михаил Ефимович заболел на лесозаготовках туберкулезом. 2 марта 1940 года он был переведен в Карлаг. Отбывал срок на отделениях Карабас, Чурубай-Нура, Батык, Долинка. Освобожден 21 июня 1950 года: на основании Указа от 14 июня 1944 года срок был сокращен. Но так как в Москве ему жить запретили, то он вынужден был остаться под гласным надзором в поселке Актас, где условия жизни были просто невыносимыми.

Справка о реабилитации, которая хранится в Карагандинском областном архиве, выдана военным трибуналом Ленинградского военного округа лишь в июле 1956 года, после многократных обращений в высокие инстанции. Полковник юстиции Ананьев сообщает, что дело по обвинению Зуева-Ордынца пересмотрено, «постановление особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 октября 1937 года в отношении ЗУЕВА-ОРДЫНЕЦ Михаила Ефимовича ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено». 31 октября 1956 года постановлением секретариата Союза писателей СССР реабилитированному писателю М. Е. Зуеву-Ордынцу выдано пособие в размере трех тысяч рублей...

О своей реабилитации он записал в дневнике: «Недорого ценит наша власть наши страдания. Как говорится – дешево отделяется» (запись 1956 года) [4].

Нельзя не отметить эпистолярное наследие М. Зуева-Ордынца. Карагандинский архив содержит в общей сложности более 600 писем разных лет. Он переписывался с Н. Ановым, другом юности; Ф. Моргуном, бывшим в то время секретарем правления СП Казахстана; поэтами С. Марковым и Н. Пичугиным; редактором издательства «Жазушы» У. Канахиным. Из Ленинграда ему писали О. Берггольц, П. Капица, из Москвы – Е. Вялова... Некоторые пополнили музейный фонд Зуева-Ордынца. Особого внимания заслуживает письмо Михаила Ефимовича в редколлегию «Литературной газеты» от 9 июля 1966 года. Он горько сетует на нежелание и боязнь издательств и редакций напечатать его «Личное дело № 179888» без объяснения причин. «Поколение, которое на себе испытало преступления Сталина-Берия, постепенно уходит из жизни. Но преступления эти оставили след не только в душе тех, кто был их жертвой, но и в душе детей и внуков их жертв... Ради настоящего и счастливого бу-

душего обязаны мы ворошить прошлое. Сталинский культ посеял в душах неустойчивых людей ядовитые семена, и до сей поры мы видим ростки этих недобрых семян в труде, в быту, в науке, в искусстве, в человеческих взаимоотношениях.

Мы обязаны расчистить поле нашей жизни, выполоть страх, угодничество, неуважение к человеку, робость слов и робость мыслей... наши дети и внуки должны знать всю правду о пережитом нами лихолетье, но почему не позволяют сделать это? Может быть, виной этому низкое литературное качество моих воспоминаний? В том-то и странность этих отказов, что признается высокое качество работы». Подтверждением служат хвалебные отзывы редакций с извинениями, что «лишены возможности опубликовать их» [5].

Фонд Дома-музея располагает также машинописной копией письма к О. Ф. Берггольц, в котором писатель вспоминает о ленинградской юности, рассказывает о своей изломанной судьбе и о последней встрече с Б. Корниловым «...в июне-июле 1937 года, в тюрьме на Шпалерной...». Они познакомились в Ленинграде, куда М. Зуев-Ордынец переехал в 27-м году на постоянное местожительство «с двумя парами белья, полпачкой махорки и 44 копейками в кармане». «Нашу камеру выводили на прогулку, он стоял у решетки своей камеры. Увидев меня, засмеялся, закричал что-то веселое, но слов я не разобрал. Обросший, бледный, но веселый, озорной какой-то. Я тоже закричал: «Борис! Здравствуй!» – но конвоир ударил меня в спину, и я повалился на идущего впереди. А с прогулки нас повели другими ходами-переходами. Очень-очень прошу Вас, сообщите о его дальнейшей судьбе. Какой был приговор, как он умер? По напечатанным его стихам вижу, что он реабилитирован посмертно... Может быть, Вам интересно знать мою ... судьбу?.. Из заключения вырвался живым, но со злейшим туберкулезом... На свободе до реабилитации было очень тяжело... Меня упорно не печатали, отказывали или прямо в лоб, грубо, оскорбительно, или под глупейшими, но понятными мне предложениями. А после реабилитации, особенно после восстановления в Союзе – пошло дело!..» [6]. В августе 1956 года М.Е. Зуев-Ордынец обратился с заявлением в СП СССР о восстановлении в членстве. Копии заявления и поздравительной телеграммы с этим счастливым для него событием также имеются в Доме-музее.

Ответного письма О. Берггольц в архиве нет, но имеется ее телеграмма. «Дорогой Миша, прости ... была больна. Вместе всеми старыми сменовцами поздравляю Новым годом скоро пришлю пись-

мо и великолепный однотомник Корнилова моей редакцией. Будь здоров. Не сердись» [7]. И этот факт также зафиксирован в дневнике Михаила Ефимовича: «Последний день года порадовал телеграммой от Ольги Берггольц. Напрасно я плохо думал о ней. Молчание объясняется ее болезнью... У меня гора с плеч! Тяжело плохо думать о людях... Новый год встречаю в школе. Пригласили педагоги, за ... 80 наших кровных целковых! Спасибо тебе, 1957-й! Ты был ласковым для меня!...» [8].

Один из адресатов Михаила Ефимовича, известный советский поэт С. Марков, в письме от 1 апреля 1958 года приводит отрывок из своего «Карагандинского реквиема»:

...Была метель, Караганда...

Буран шумел вокруг.

И я не зря пришел сюда,

В страну колючих выюг;

В забоях, у подземных скал,

В расщелинах кривых,

Своих товарищей искал,

Но их уж нет в живых.

Их нет, но в мире есть печаль

И гнев тяжелых лет,

Тоска, могучая, как сталь,

И бесконечный свет... [9].

В «стране колючих выюг» и произошло знакомство М. Е. Зуева-Ордынца с Е.А. Вяловой, вдовой Павла Васильева. Поселок Актас, где они жили, возник после войны, с началом освоения западного участка Карагандинского угольного бассейна. И здесь же, в этом поселке, селились бывшие узники ГУЛАГа, которых неохотно принимала даже Караганда.

В дневнике писателя среди записей о творческих планах и порой горьких раздумий о жизни и литературе имеются строки и о П. Васильеве.

«1956 г. 5 мая, суббота.

Письмо от Елены Александровны.

... Прописки в Москве добилась. Молодец! Добилась с помощью И.М. Гронского (написавшего письмо В.М. Молотову) полной реабилитации своей и П. Васильева... Но самое главное! Она уже заключила договор на издание Павла. Сначала однотомник, потом будет двухтомник. Лена сидит в библиотеках, собирает, ищет стихи

Павла. Мы ее жалели, а ей можно только позавидовать. У нее есть смысл жизни, и какой смысл! Вернуть народу если не Павла, то его творения. Благородная задача!».

«30 сентября, воскресенье.

Слушали Павла Васильева.

По радио. Нас заранее известила телеграммой Лена. Хорошо! Особенно хороши «Песня», «Елене, жене» и, не разобрал названия, то стихотворение, где строки: «Идешь ты, и облака стоят. Идешь, и соловьи не поют...» Воображаю, каково было Леночке слушать, особенно стихи, посвященные ей. Было очень, очень тяжело. Поэт-то в могиле. Убит Сталиным. Хорошо сказала Регина (супруга Зуева-Ордынца. – З. М.): «Век целый проклинаям Дантеса, а сколько у нас совершено дантесовских преступлений».

«18 октября, четверг.

Получили от Лены № 8 «Октября» с поэмой Павла «Христолюбовские ситцы». Возмущает меня продолжающаяся, узаконенная наша трусость. В коротеньком предисловии к поэме ни слова о его трагическом конце, лишь, как на могиле, даты: 1910–1937. Мерзость!..» [10].

Значительное место в дневнике писателя занимают записи о повести «Вторая весна». Одно из лучших произведений советской литературы об освоении целины в Казахстане было создано Зуевым-Ордынцем после поездки в Егиндыбулакский район в апреле 1957 г., когда писатель, остро чувствующий рождение нового времени, наблюдавший раскрепощение людей от сталинских догм, не послушавшись врачей, которые были против поездки, опасной для его здоровья, отправился по бездорожью на целину в последнюю писательскую командировку, которую сам себе устроил. Вернувшись с богатым материалом, под свежими впечатлениями от поездки, он приступил к работе над повестью, за которую был удостоен медали «За освоение целинных и залежных земель».

Хотелось бы отметить, что М.Е. Зуев-Ордынец был чрезмерно взыскательным, строгим к себе, к каждой своей строчке. «Как маятник, качаюсь между двумя мнениями. Первое: написал дрянь, вещь холодная, не художественная и что самое страшное, не надуманная даже, а выдуманная. Жизни нет, есть холодная выдумка. Второе: написал очень серьезную вещь, жизненную. И нужную, написал. Не имея ни таланта, ни просто умения, написал каким-то чутьем, ощупью...» Эту запись в своем дневнике он сделал 24 марта. И не успев окончить повесть, стал ее снова переделывать. 26 марта: «Не утерпел

и начал обрабатывать вещь в последний раз...». 5 апреля: «Кончил и переработку последней трети в 3-й редакции... Теперь читка по машинке и – в Новосибирск, в «Сибирские огни», на суд!» 9 мая он пишет: «Из читки-перепечатки ничего не получается. Получается серьезная переделка. Боже, когда же этому будет конец?.. Содержание, особенно вторая часть куска, интересно. Но язык скверный, путаный, многословный, без прозрачности и точности». 9 июля, вторник: «Восторженное, поистине восторженное письмо от Анатолия Васильевича. Благодарит горячо за «Вторую весну»: «Умно, слаженно, взволнованно! Очень много хороших людей!.. За куст шиповника – низкий поклон! Это здорово! Повесть партийна!» Повесть намечена к печати в № 6. Мне надо бы танцевать, а я в ужасе схватился за голову. Я же вижу, как она слаба, я же хотел ее переделать с ног до головы!» 8 августа: «Господи, благослови! Начал переработку «Второй весны». 21 августа: «Усиленно работаю, каждый день до двух – трех ночи. Интересно получается! Лучше, намного лучше! Все выпуклее, четче. Но по-прежнему не совсем доволен...» Такого рода записи сплошь и рядом встречаются в дневнике писателя и свидетельствуют о его завидном трудолюбии и упорстве, и еще о чрезмерной строгости к себе. Запись от 16 декабря: «Москва о «Второй весне». Ховряков прислал мне сюда рецензии о «Второй весне» в «Октябре» Яновского и в «Москве» – Т. Громовой. Обе великолепны, обе очень высоко расценивают повесть. Мне особенно дорога оценка Громовой моего языка: «М. Зувев пишет ядреным, сочным русским языком». Она же кончает статью такими словами: «Повесть, безусловно, заслуживает выхода на всесоюзную арену» [11]. После выхода в свет этой книги стали издаваться новые произведения писателя. В их числе роман «Последний год» (1961 г.), сборники рассказов «Вызывайте 5... 5... 5», «Панургово стадо» (1961 г.), «Остров потопленных кораблей» (1963 г.), «Хлопушин поиск» (1966 г.).

М.Е. Зувев-Ордынец прожил очень трудную жизнь, мужественно выдержал все тяжкие испытания, выпавшие на его долю, оставаясь в жизни и в своих книгах жизнелюбным человеколюбом. Его произведения утверждают красоту жизни, ее глубокий смысл. Об этом свидетельствуют и материалы из архива Дома-музея, отражающие некоторые наиболее важные факты жизни и творчества писателя и представляющие несомненный интерес для будущих исследователей.

Литература

1. *Зуев-Ордынец М.Е.* Дело № 179888 // Простор. 1989. № 1. С. 97.
2. *Архив М.Е. Зуева-Ордынца* // Дело № 90. Инв. № 17.
3. Там же. Инв. № 26.
4. Там же. Инв. № 1.
5. Там же. Инв. № 18.
6. Там же. Инв. № 15.
7. Там же. Инв. № 16.
8. Там же. Инв. № 19.
9. Там же. Инв. № 8.
10. Там же. Инв. № 1 – 2.
11. Там же. Инв. № 19.

**ВЕЛИЧИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПОДВИГА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
ФИЛЬМА «ТАЕЖНАЯ ПОВЕСТЬ»
(по повествованию в рассказах
В.П. Астафьева «Царь-рыба»)**

Беспощадный анализ нравственного состояния общества, принятый замечательным сибирским писателем Виктором Астафьевым в повести «Царь-рыба», приводит к углубленному вниманию читателя к «нравственным отношениям с природой, к нравственному строю души современника». Тема произведения определяется как «размышления о чистоте нашего бытия, о чистом доме, о чистых людях, о чистой, незамутненной природе» [1, с. 35]. Она созвучна всечеловеческой теме личной ответственности человека за все, что совершается в этом мире, поднятой в свое время Экзюпери. Этому мотиву созвучна проблема экологии человеческого бытия, человечности, духовности, направленной на то, чтобы «каждое мгновение человеческой жизни» посвятить «борьбе за красоту и постижению главных и вечных проблем бытия». Такова концепция В. Астафьева, близкая философским размышлениям Д.С. Лихачева. В определенной степени мы обнаруживаем близость творчества В. Астафьева идеям нравственного очищения души писателя, режиссера и актера В. Шукшина («Нравственность есть правда»), поэтов Н. Рубцова и А. Кутилова, других современников писателя. На основе сюжетной линии второй части книги (повести «Сон о белых горах», новеллы «Царь-рыба») поставлен художественный фильм «Таежная повесть». Не случайно поэтому ее основа коренится в преодолении некоторой «инерции бездуховности», инерции отключения от того, что называется нравственным началом» [2, с. 12].

В основу сюжета фильма положена история встречи охотника Акима (М. Кононов) и девушки Эли (А. Смехнова-Благоевич). Подкупает величие гражданского подвига Акима, его несгибаемость, мужество, воля к жизни, чувство долга, ответственность за близкого. Просто, уверенно, со знанием своего дела охотник Аким «приручает» гибнущую девушку, найденную в сторожке, спасает ее и становится

верным другом на время пребывания в тайге. Вероятно, ему больше, чем кому бы то ни было, известно, что в тайге можно выжить только в согласии и благодаря «душевной связи людей» (В. Астафьев): любой конфликт – путь к гибели. Показ сложнейших экстремальных, экстраординарных ситуаций выхода из тайги в фильме показано через суровый драматизм игры актеров: в спасении девушки Эли нельзя не видеть естественный акт милосердия и сострадания, на который пошел Аким без раздумий, так как он любого встреченного в тайге человека считал своим – и в этом его нравственная заповедь, идущая от народных корней.

В сюжетной линии фильма есть два фрагмента: воспоминания Эли о знакомстве с Гогой, о злопамятной встрече Акима с «хозяином тайги», переплавившим медаль на блесну. Эти вкрапления в сюжет расширяют круг представлений о героях фильма, вводятся другие персонажи, характеризующие, с одной стороны, Акима как непреклонного борца за справедливость, которым движет чувство нетерпения против попрания не только памяти о войне, но и человеческого достоинства вообще. В фильме четко определена нравственная идея, воплощенная в образах Акима и Гоги, символизирующих собой столкновение доброты и бессердечности, товарищеского отношения к людям и воинствующего эгоизма, «мещанский индивидуализм и бездуховность».

В этом отношении показательна история дружбы Эли с Гогой Герцевым (Евгением Киндиновым). Девушка по молодости и наивности привязывается к мужчине, но он не способен дать ей ничего, кроме словесной шелухи, бравады и беспрестанного балагурства, однако при этом успевает завоевать любовь и уважением этой прекрасной романтической особы. Героя ждет возмездие: Гога глупо гибнет из-за нелепой случайности (падение о камень после неудачного вытягивания огромной рыбины. Здесь она – символ возмездия, воздаяния, которое ожидает всякого непутевого, распутного человека, вздумавшего «шутки шутить» с матушкой-природой.

В кинодраме умело передано критическое отношение В. Астафьева к пьянству и браконьерству – порокам, неизбежно уродующим человеческую душу, способствующим обмельчанию и ограблению натуры человека, утрате совести, чистоты и достоинства, которое соединяется с чувством сострадания к героям и оставляет такое чувство у зрителей фильма.

Гога мечтает о богатырском улове, занимается золотоискательством. Не случайно при этом его обращение к философии Ницше, которое мы находим в его дневнике, отражающем образ этой «гордой одинокой личности». Это, увы, не стремление к духовности – отсюда и возмездие. Здесь вспоминается образ одинокого волка: Гога «не считал людей ни друзьями, ни товарищами, он сам по себе и для себя жил» (В. Астафьев) и самого себя считал Богом. У него напрочь отсутствовали понятия совести, чести, родственной привязанности к земле, отечеству. Поэтому наказала Гогу сама жизнь.

Итак, что же показано в фильме: «зловещий праздник бытия» или следование нравственной заповеди «надлежащего поведения человечества» по отношению к Матушке-природе и человеку как ее частице Халдора Шепли?! Смятение облика природы и души человеческой, поругание священных устоев человеческой нравственности никак не противоречит стремлению В. Астафьева, а вслед за ним и режиссера фильма, наладить гармоничные отношения с природным миром, уничтожить браконьерство как социальное и духовное зло» [1, с. 36].

В жанровом отношении фильм может считаться социальной драмой, хотя, как и в повести, здесь соседствуют юмор и гротеск, грустные воспоминания и поэтические впечатления, размышления о судьбе мира и человечества. Композиция картины чем-то созвучна образным смыслам первоисточника в том отношении, что в ней органично переплетается реализм и символизм астафьевского повествования – и это режиссеру в определенной степени удалось.

В некотором роде перед нами своеобразная философская драма. Благодаря операторской работе Евгения Шапиро перед зрителем предстает образ суровой таежной красоты летнего, осеннего и зимнего таежного пейзажа, наполненного звуками птиц, завыванием вьюги, шумом таежных рек. Эти образы как бы подчеркивают красоту и поэтическое осмысление природы В. Астафьевым, которое распространяется на человеческие отношения, любовь и противостоит теме браконьерства и бездуховности. Все это становится все более актуальным и в наши дни, «когда размах нерадивого отношения к природе становится все более масштабным, а красота естественного бытия все более хрупкой, беззащитной» [1, с. 43].

Завораживает взор «колдовская красотища» вереницей проплывающих горных вершин, тропинок и «вонзающихся в небо» сосен (съемки с вертолета). На фоне этой неопишуемой красоты разво-

рачивается романтика таежной жизни, показанная с помощью смелых ракурсов и панорам. В начале фильма преобладает мажорная окраска звуко-зрительной атмосферы (вплоть до сцены нашествия россомахи). Далее повествование становится более суровым, кадры по композиции более строгими, почти черно-белыми. Темпоритм экранного повествования резко замедляется, и в таком стиле зритель доходит до финала. Особое внимание оператор уделяет деталям: болтающаяся на таежной могиле шапочка Гоги, грузило с надписью «ГГ», следы в лесу – все это говорит о тонкой наблюдательности Акима. Интересны крупные планы Акима и Эльвиры – образы, полные контрастов и раздумий, сосредоточенности и мирозерцания.

Нужно отметить, что чисто человеческие отношения, изначально заложенные Акимом, сохраняются до самого момента прибытия в опустевшую деревню. Здесь хорошо раскрывается стихийная и в чем-то наивная натура Акима, которому свойственны и некоторая «разгульность, и расхлябанность, и даже комическое тщеславие». Но вместе с тем – главное, что привлекает зрителя в этом герое, – его «доброта, неизбывная душевная щедрость», которые идут от народа и формируются в нем [1, с. 46]. Это человек из народа, как и сам Астафьев, как и другие люди из сибирских глубин, всегда и во все времена собирающие и несущие миру «народную правду жизни».

Ужас отчаяния и близость гибели, казалось, сломали обоих, и Эля набросилась на Акима с обвинениями в том, что он ее обманул. Аким не растерялся в этих условиях, и трезвость ума сыграла спасительную роль: он нашел способ вызвать вертолет. Показательна в фильме эволюция речи главной героини Эли – от «маминой дочки», которой свойственны взвинченная игривость, ирония. Стилизованная под ворчливую бабушку-хозяйку («Шляешься целый день по лесу, голодный, холодный, таскают тебя лешаки непутевого!») до замученной жизненными невзгодами неженки («Гад! Ты куда меня привел? Я к маме хочу! В Москву!...») [1, с. 52–53].

Актерский дуэт Михаила Кононова и А. Смехновой-Благодеевич поистине неподражаем: в нем преобладает драматическая окраска, истинно человеческая духовная красота, проявляющаяся во взаимной заботе, подкупающая зрителя своей простотой и незатейливостью. Трогает чуткость взаимоотношений людей, ставших близкими по воле обстоятельств, находящихся на изломе судьбы. Поражает их стремление к преодолению трудностей, желание выразить себя в больших и малых необходимых для преодоления препятствий делах.

Аким, мастерски сыгранный Михаилом Кононовым, (до этого актер с комедийной окраской), предстает перед зрителем как смелый, мужественный человек, идущий на «ты» с таежной опасностью, воюющий с открытым забралом. Им движет поистине несгибаемая воля к жизни, чувство долга, которые не позволяют расслабиться, спасовать перед неудачей. Ему свойствен трезвый и глубокий рассудок, полный опыта таежной жизни, о чем мы узнаем из его богатой афоризмами философской речи. Народная фактура этого героя выразительна главным образом за счет сибирского колорита речи, исповедальной, житейской мудрости старого бывалого охотника и человека из народа. Разговорно-бытовой текст героев фильма пронизан народным юмором, пословицами, поговорками, присказками, частушками и местными (сибирскими) диалектными словами и выражениями («День меркнет ночью – человек печалью», «Горе крепит, счастье слепит»).

Музыкально-звуковое оформление фильма дает серьезный настрой на драматическое восприятие событий. Симфоническая музыка В. Соловьева- Седого усиливает напряжение хода событий, как бы отражая душевные искания героев, поиск ими своего места в суровом мире, сложные перипетии выхода из суровых обстоятельств таежной обители.

В монтажной структуре фильма режиссер попытался соединить предысторию скитаний главных героев фильма, включив в качестве воспоминаний их психологические характеристики, которые плавно перетекают в ход стремительно усиливающейся динамики действия. Эти вставки как бы углубляют психологизм восприятия человеческих качеств героев фильма, за которыми стоит их среда, их создавшая и серьезно повлиявшая на становление характеров.

Синтез богатого визуального материала и звукового оформления фильма, ориентированный на полноту восприятия, достигается за счет общей накаленной атмосферы, настроения победить любыми силами. В этом смысле картина чем-то напоминает экранизации произведений других советских писателей: Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», Н. Островского «Как закалялась сталь» и др. Эти фильмы не могли не воспитывать у молодого поколения стойкость, волю к Победе.

В этом смысле можно сказать, что идея патриотизма в фильмах по мотивам произведений В. Астафьева соседствует с «идеей сохранения природы, нравственной красоты самого человека и душевного

здоровья нации» [1, с. 53]. Здесь переплетаются и отражаются личные и глобальные, всечеловеческие проблемы, определяющие исход противостояния добра и зла, жизни и смерти, радости и сострадания, любви и ненависти, которые еще больше волнуют все цивилизованное человечество и в XXI веке.

Литература

1. *Вахитова Г.М.* Повествования в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба» : уч. пособие. М., 1988.
2. *Астафьев В.* Стержневой корень. Стародуб. М., 1990.

КАТЕГОРИИ ДОБРА И ЗЛА В РОМАНЕ В. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Роман В.Астафьева «Печальный детектив», вышедший в 1986 году, сразу же обратил на себя внимание критики и читателей. Впервые, это было, пожалуй, первое «перестроечное» произведение, наряду с повестью В.Распутина «Пожар» и романом Ч.Айтматова «Плаха», в котором сказана горькая правда о нашем обществе. Вторых, новая книга писателя оказалась во многих отношениях необычной, начиная от тематики и заканчивая жанром. «Печальный детектив» представляет сплав публицистики и беллетристики. Новая жанровая форма, найденная писателем, помогла ему уйти от сложившихся к тому времени стиливых рамок «деревенской прозы». Кроме того, выбранный жанр позволил писателю использовать разные стиливые начала, расширить художественное пространство произведения. Это происходит за счет усиления публицистичности и благодаря ее индивидуальной природе – силе астафьевской искренности, подлинности его боли и чувства, ответственности за человека и за народ. Роман Астафьева, в котором художественное и публицистическое начала не всегда образуют гармоническое единство, отразил поиски рубежного периода, когда из-под глыб стало вырисовываться какое-то новое общество. Может быть, отсюда и художественное несовершенство романа при четкости авторской позиции. Сам автор позднее признается, что было бы неплохо, если бы книга какое-то время «отлежалась» в столе, чтобы потом он мог что-то поправить. Но это было бы уже совсем иное произведение.

Не случайно и название романа, которое можно трактовать и как пародию на детективный роман, и как печальную историю жизни главного героя, бывшего оперуполномоченного, начинающего писателя Леонида Сошнина. Здесь же усматриваются определенные аллюзии с бессмертным романом Сервантеса, ибо образ Сошнина можно воспринимать как вариант современного Дон-Кихота, борца со злом, которое, к сожалению, неистребимо. Не отсюда ли авторская нос-

тальгия по духовной жизни, которая стала для современного человека какой-то утопией.

Новизна произведения поначалу вызывала недоумение и самого автора. «Вещь странная, самому мне непонятная, зачем и что я написал – сам не знаю», – говорил Астафьев. Возможно, причиной его недоумения послужил осязаемый в «Печальном детективе» новый для писателя взгляд на русскую душу и русский характер. Критики также не смогли дать однозначную оценку роману, о чем свидетельствует дискуссия на страницах журнала «Вопросы литературы». Заметим, что редакция подобрала статьи разнополюсные: от резкого неприятия романа Астафьева, заявленного в публикации А. Кучерского с характерным названием «Печальный негатив», до комплиментарной статьи Соколова «Мой друг Сошнин». А между этими полюсами находилась наиболее взвешенная аналитическая статья Е.Стариковой «Колокол тревоги». В этих публикациях, как в лакмусовой бумажке, отразилось неоднозначное восприятие творчества Астафьева: от обвинения в антисемитизме, в национальном нигилизме, стилевой неряшливости до признания его большим русским писателем, идущим по стопам Достоевского, Толстого и Бунина.

Если говорить об особенностях художественного реализма Астафьева, то это в первую очередь поиски Правды. Он никогда не подлаживался под политическую конъюнктуру, начиная уже с первых произведений. Вспомним шукшинское «Нравственность есть Правда» Именно этот тезис лежит в основе художественного метода Астафьева, о чем свидетельствуют «Последний поклон», «Царь-рыба», «Пастух и пастушка» и многие другие произведения. В «Печальном детективе» автор пишет: «Правда – самое естественное состояние человека, ее не выкрикнуть, ни выстонать, не выплакать, хотя в любом крике, в любом стоне, песне, плаче она стонет, плачет, вздыхает, смеется, умирает и рождается» <...> «Постижение правды есть высочайшая цель человеческой жизни, и на пути к ней человек создает, не может не создать ту правду, которая станет его лестницей, его путеводной звездой к высшему свету и созидающему разуму» [1]. Война, русская деревня, природа и человек, распад и деградация личности – вот те проблемы, к которым на протяжении всего творческого пути обращался писатель. Как отмечал критик А. Макаров, Астафьев, «по натуре своей – моралист и певец человечности», в судьбах своих героев «выделяет этические моменты, какие понятны всякому времени, и нынешнему, и завтрашнему».

«Печальный детектив» – произведение многоаспектное. Здесь в один узел сплелись проблемы философские, этические, социальные. В романе торжество зла утверждается как повсеместное состояние общества. Писателя волновало противоречие русского национально-го характера. С одной стороны, в русском человеке остаются извечная «русская жалость», «жажда сострадания», стремление к добру. С другой стороны, преобладают «безалаберность», попустительствующая злу, «покорность», нравственная пассивность. В одном из интервью писателя спросили: «Любите ли вы русский народ?». И неожиданный ответ: «А за что его любить?». Не отсюда ли астафьевская боль и злость, ибо не дают ему покоя, терзают душу мучительные проблемы, раздирающие наше общество, калечащие умы и сердца людей, делающие их физическими и моральными уродами: это и Урна, потерявшая свой человеческий облик, это и экз, набегавший за полжизни срок на две жизни, это и «родители», чуть не уморившие с голоду ребенка, это и взрослые «дети», забывшие по пьянке похоронить своего отца и оставившие его гроб на кладбище незарытым под дождем, это и обиженный кавалер, который убил молодую беременную женщину, это и отморозки, изнасиловавшие тетю Граню. Тщательная фиксация автором и его героем многочисленных примеров патологической преступности, ежедневного и ежечасного «преступания» человеческих и гражданских законов, морали призвана показать бездуховность современной жизни, где произошла трагическая переоценка ценностей и бездуховность стала нормой. Нет ни Бога, ни будущего, ни общих надежд. Категория зла в художественной картине мира Астафьева связана с этической позицией писателя, который пытается исследовать социальные и философские аспекты зла. Не случайно упоминание в романе имен Ницше и Достоевского, величайших психоаналитиков своего времени.

Виктор Астафьев в романе «Печальный детектив» обращается к теме нравственности. Он пишет о серой и будничной жизни людей, что типично для мирного времени. Сама атмосфера провинциального Вейска словно подчеркивает какую-то вселенскую усталость и безразличие. «Люди сидели по домам, работать предпочитали под крышей, сверху лило, хлюпало всюду, текло, вода бежала не ручьями, не речками, как-то бесцветно, сплошно, плоско, неорганизованно: лежала, кружилась, переливалась из лужи в лужу, из щели в щель. Всюду обнажился прикрытый было мусор: бумага, окурки, раскисшие коробки, трепыхающийся на ветру целлофан. На черных липах, на се-

рых тополях лепились вороны и галки, их шевелило, иную птицу роняло ветром, и она тут же слепо и тяжело цеплялась за ветку, сонно, со старческим ворчаньем мостилась на нее и, словно подавившись косточкой, клекнув, смолкала. И мысли Сошнина под стать погоде, медленно, загустело, едва шевелись в голове, не текли, не бежали, а вот именно шевелились, и в этом шевелении ни света дальнего, ни мечты, одна лишь тревога, одна забота – как дальше жить» [1, с. 11]. Астафьевские героини не выделяются из серой толпы, а сливаются с нею. Исчезло поколение героев. Застойная эпоха породила людей слабых, безвольных, живущих агрессией и истерическими протестами. Обывательский быт сформировал обывательское мировоззрение.

Показывая простых людей, страдающих от несовершенства окружающей жизни, Астафьев ставит вопрос о русской душе, о своеобразии русского характера. Эти проблемы были характерны и для творчества таких самобытных мастеров слова, как В. Белов, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Шукшин. Их объединяет постижение в своем художественном мире христианской сущности человека и христианской картины мира. Все писатели так или иначе пытались решить этот вопрос. Леонид Сошнин также пытается разгадать загадку русской души. За мелочами, описанными в романе, скрывается поставленная проблема: как помочь людям? Вместе с В. Астафьевым мы задумываемся над судьбами людей и задаемся вопросом: как мы дошли до такой жизни? Астафьев рассказывает о детстве Сошнина, о том, как он рос без родителей у тети Лины, потом у тети Грани. Описывается и период, когда Сошнин был милиционером, ловил преступников, рискуя жизнью. Сошнин вспоминает о прожитых годах, хочет написать книгу об окружающем его мире. В главном герое немало от самого автора. Это и трудное детство без родителей, и не менее сложное вхождение в литературу. Но главное – это мучительные размышления над «проклятыми» вопросами: преступление и наказание, добро и зло, культура и интеллигентность, современная русская деревня и многие другие. Автор и его герой размышляют о мотивах человеческих поступков Леонид Сошнин всегда думает о людях, мотивах их поступков. Зачем и почему люди совершают преступления? Он читает много философских книг, чтобы понять природу добра и зла. «Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечиска, до того места, где прет, зреет, набирается вони и отращивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А

на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной, и рождается он чаще всего покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью, желанием избранных, точнее, самих себя зачисливших в избранные, жить лучше, сытей ближних своих, выделиться среди них, выщелкнуться, но чаще всего – жить, будто вниз по речке плыть» [1, с. 39]. В чем природа зла – социальное это явление или же природное? В романе автор приходит к выводу, что зло, как и добро, – это категории духовные (антидуховные), не объясняемые ни семьей, ни воспитанием, ни образованием. Примером тому является образ тети Грани. Ее терпимость, доброта и трудолюбие достойны восхищения. Она посвятила свою жизнь воспитанию детей, хотя своих у нее не было. Никогда тетя Граня не жила в достатке, не имела больших радостей и счастья, но она отдавала все лучшее, что у нее было, сиротам. «Никогда не имевшая своих детей, тетя Граня и не обладала учеными способностями детского воспитателя. Она детей просто любила...» [1, с. 21]. И не случайно Астафьев называет ее «родней всех угнетенных и осиротевших возле железной дороги народов, нуждавшихся в догляде, участии и трудоустройстве» [1, с. 20]. Тетя Граня не просто любила детей, она создала особый дух трудолюбия и братства. Она просто растила мужиков и баб, которых не баловала своей заботой и опекой, а готовила к честной трудовой жизни. Даже в конце своей жизни, старая, с надорванным здоровьем, она продолжала работать в Доме ребенка, ухаживая и заботясь об осиротевших или брошенных детях. Так и прожила свою жизнь тетя Граня «с давним согласием на страдание, не мечтая о счастье, в труде, в вечной заботе о людях».

Маркел Тихонович Чашин тоже внучку свою Светку не мучил культурой, а приучал ее «не бояться пчелок, дымить на них из баночки, различать цветы и травы, подбирать щепки, скрести сено грабельками, пасти теленка, выбирать из куриных гнезд яйца, водил внучку по грибы, по ягоды, гряды полоть, с ведерком по воду на речку, зимой снежок огребать, подметать в ограде, на салазках с горы кататься, с живой собакой играть, кошку гладить, гераньки на окне поливать» [1, с. 65]. Это то, что мы зовем народной педагогикой. Как писал в свое время К.Ушинский, «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа».

С другой стороны, в романе выведена целая галерея псевдоинтеллигентов: это и редактор Сыроквасова, и Евстолия Сергеевна Чащина, и супруги Пестеревы, и попавшая не в свою струю Паша Силакова. Есть в городе Вейске свои Добчинский и Бобчинский. Воистину, что с нами происходит? Десятилетия атеистического вакуума не могли не повлиять на духовную атмосферу в обществе. Автор показывает глубину падения современного человека. Не случайно характерной чертой романа В. Астафьева «Печальный детектив» исследователи называют «жестокий реализм», присущий этому произведению. Писатель беспощаден в изображении ужасов повседневной жизни. В романе сконцентрированы криминальные эпизоды из жизни провинциального городка Вейска, причем в таком количестве, что кажется неправдоподобным, чтобы на столь малом географическом пространстве было сосредоточено столько негативного, столько грязи, крови. Здесь собраны чудовищные проявления распада и деградации общества. Писатель открывает в человеке жуткого, «самого себя пожирающего зверя». Здесь и история молодого парня, убившего молодую женщину, и дети, забывшие похоронить своего отца, и родители, по сути убившие своего младенца. Рядом с уголовными преступлениями преступления моральные. В. Астафьев пытается понять, почему русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к ближнему; готовы простить убийцу и в то же время исполнены ненависти к соседу, забывшему всего-то выключить свет. И он приходит к выводу, что преступниками рождаются, а не становятся. Главная тема романа – это одиночество современного человека, стремление выделиться из серой массы. Вечные вопросы добра и зла, преступления и наказания, справедливости уже давно заставили человека искать на них ответы. Но это оказалось делом очень сложным, потому что ответы кроются в самом человеке. Именно душа человеческая, как в свое время говорил Достоевский, является полем борьбы Бога и дьявола. Становится страшно от мысли о том, что исчезают понятия честности, порядочности и любви. Может быть, именно такая непримиримая к житейской неустроенности, жестокости и равнодушию проза и есть подлинная православная проза?! Ведь именно праведность – основа Православия. Жить по правде, жить по совести всегда было для русского человека первой заповедью. Поэтому остается надежда художественным словом возродить христианство в душах наших. Современная литература возвращает себе место в душах людей, уставших от потока насилия,

духовного разрушения и всепоглощающего потребительства. Роман заставляет задуматься над своими поступками, оглянуться назад и посмотреть, что ты сделал за прожитые годы.

«Жить дальше и помнить тех, кто жил до них», – такова одна из итоговых мыслей главного героя, которую, разумеется, разделяет сам автор произведения. «Помнить» – значит хранить и передавать от поколения к поколению духовно-нравственные традиции предков, восстановить разорванную «связь времен» и как-то налаживать расколотую, надтреснутую жизнь. Астафьев приходит к той же мысли, что и Распутин: спасение может быть найдено в любви к жизни и людям, по сравнению с которой «все остальное в мире – пыль, хлам, дешевка «Важно только услышать эти призывы современных писателей и прислушаться к их тревожным голосам.

Литература

1. *Астафьев В.П.* Печальный детектив; *Можзаев Б.А.* Полтора квадратных метра; *Распутин В.Г.* Пожар. Омск, 1988. С. 69–90. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию с указанием страницы в тексте.

**ТВОРЧЕСТВО В.П. АСТАФЬЕВА
В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ
(по повести В.П. Астафьева «Сон о белых горах»)**

Эта статья не претендует на серьезное исследование, в ней я взял на себя дерзость порассуждать о творчестве удивительного писателя земли русской Виктора Петровича Астафьева в свете Христовой правды. И даже не о творчестве, лишь о повести «Сон о белых горах» из повествования в рассказах «Царь-рыба». В одной из своих лекций литературовед В.М. Еремина обронила, говоря с симпатией о писателях-деревенщиках, что и лба-то они, дескать, перекрестить не умели. Сказано это, скорее всего, в запале. Уверен, Астафьев «лоб перекрестить» мог. Он вышел из среды деревенской, крестьянской, которая не один век жила с верой в Бога и не утратила ее, в отличие от дворянского сословия, к XX веку. Он прекрасно понимал, что такое человек, который несет в себе свет православия, живет, памятуя о Боге, не сужает мир до куцевого материализма. Будучи в Омске в 1991 году, Астафьев на одной из встреч с читателями, когда разговор зашел о бездуховности, рассказал, как однажды его пригласили на научную конференцию по атеизму (одно словосочетание «научный атеизм» чего стоит). Пригласили, надо полагать, как «тяжелую артиллерию», авторитетного писателя, а он с трибуны возьми и скажи: «Бога вы отменили, душу отменили, а взамен ничего не дали».

Душа самого писателя, о чем говорят его книги, всю жизнь болела за человека, поставившего материализм на божничку, ломающего свою натуру под философию от лукавого («человек – царь природы»), коверкающего себя: коль ты «царь», значит, «все дозволено».

Достоевский однажды сказал: «Жизнь есть непрестанная битва, в которой дьявол борется с Богом. Поле этой битвы – сердце человека». Исходя из этого постулата, обращаюсь к героям повести «Сон о белых горах». Их трое – Гога Герцев, Эля и Аким. Отношение Астафьева к Герцеву уже в его имени. Это не Георгий, не Юрий, а именно Гога. В его сердце дьяволу попущено одержать полную победу. Еще в детстве прилепился к Гоге бес гордыни и начал взращи-

вать в сердце мальчика, а потом юноши чувство собственной исключительности. Гога не мечтатель, не фантазер, он человек деятельный. Ему не нужна карьера, житейский успех, по его разумению, это все суета, главное – внутренняя свобода, полная независимость от окружающего мира, для чего нужно жить своим умом и все уметь делать своими руками. И он умеет. Что еще нужно для свободы? Здоровье. Гога немало лет отдал спорту. В том числе стрельбе, ведь свобода, как он считает, и мегаполис несовместимы, независимость возможна при слиянии с природой – в лесу, тайге. Окончив институт, «отдает государству долг» – отработывает положенный срок по распределению, а дальше он – «свободный художник».

Астафьев рисует Герцева только одной краской, не оставляя светлых тонов. У Олега Кураева в «Территории» есть персонаж, в какой-то степени созвучный Герцеву, – Андрей Гурин, который называет себя «единичным философом». Тот также строит жизнь, держа максимальную дистанцию от окружающих, и все же куваевский герой вызывает большее сочувствие, чем астафьевский. Гога одержим непомерной гордыней. «Я сам себе бог!» – заявляет он Акиму в сцене, которая едва не привела к дуэли Гоги и Акима. Точнее, привела к отложенной дуэли, стороны решили: раньше или позже жизнь столкнет их в тайге, и вот тогда можно будет поставить точку в конфликте без свидетелей и уголовных последствий для победителя. Причина смертельной ссоры тоже показательна: Аким узнал, что Гога за «путилку» выторговал у Киряги-деревяги медаль «За отвагу» и сделал из серебряного сплава боевой награды великолепную блесну. Киряга-деревяга ветеран Великой Отечественной войны, воевал снайпером, вернулся с войны инвалидом. И единственная ценная вещь у этого отчасти блаженного человека – медаль «За отвагу», которую всегда носил. Были ордена, но осталась одна медаль. Он не бродяга, не бомж, сам зарабатывает на кусок хлеба, но семьи нет и быть не может по причине ранения. «Ну ты и падаль, – покачал головой Аким. – Кирку старухи зовут Божьим человеком. Да он Божий и есть! Бог тебя накажет! – Плевать мне на старух и на калеку этого грязного. Я сам себе бог!»

Фигура Герцева символична. Астафьев как бы говорит: вот она крайняя степень эгоцентризма, когда «Я» возведено в абсолют. В «Пастухе и пастушке» Астафьев рисует в сцене боя символический образ фашиста: безумные глаза, горит одежда, он бросается врукопашную с ломом, крушит все вокруг себя. Гога разрушает всех, к ко-

му приближается. Бросает жену с ребенком. Брак считает своей ошибкой, но алименты, надо заметить, когда жизнь заставляет на какое-то время устроиться на работу, платит аккуратно. На женщин смотрит сугубо потребительски. Бросает Людочку библиотекаря. Такая же участь была уготована москвичке Эле, с которой случайно столкнула Гогу судьба. С пренебрежением относится к своим родителям, считая их неудачниками.

Погибает Гога, этот сильный, уверенный в себе человек, казалось бы, нелепо, по воле досадного случая: на рыбалке оступился на мокром камне, ударился головой. Однако этой смертью Астафьев говорит: ничего случайного нет, и Божий суд возможен даже и в этой жизни.

Если Гога и Аким – люди глубинно сформировавшиеся, то москвичка Эля – человек теплохладный, с кашей книжности в голове, ее несет по жизни в переносном и буквальном смысле. Как она встретила Гогу? Вдруг взбрело в голову найти отца, который уехал с экспедицией на Крайний Север. И вот, ничего толком не зная про экспедицию отца, плывет на теплоходе по Енисею. Шукшин не любил женщин-продавцов, это видно по его рассказам, Астафьев не скрывал неприязни к другому типу женщин – книжным редакторам. Стоит вспомнить одну из них – Октябрину Перфильевну Сыроквасову, которую писатель красочно изобразил в «Печальном детективе». Мать Эли тоже представитель этой профессии. Она профессионал в своем деле, но, что называется, в остальном без царя в голове. Некогда ей растить дочь, следить за домашним очагом. Всю жизнь «спасает русскую литературу», пестует «непризнанных гениев» из глубинки. В их квартире постоянно живут провинциальные поэты, писатели. Муж не выдержал полубогемной круговерти, сбежал, Эля росла без отца в атмосфере окололитературного шалмана. Кстати, Гога тоже воспитывался в среде если и не богемной, то близкой к ней – родители были провинциальными артистами.

Однако в глубине Эли, под наслоением книжности, теплится настоящее. Робкий родничок может пробиться, а может (борьба за сердце дьявола с Богом идет непрестанно) заглохнуть, но он есть. Вот картинка из повести. Гога уходит на последнюю в своей жизни рыбалку и, оставляя болящую Элю в охотничьей избушке, пытается приободрить: «Поцеловав кончики пальцев, Гога перекрестил ее, и она, помнится, поехала: «Ну зачем он так? Нехорошо». Нутром

она чувствует: нельзя хулить Бога, кощунствовать, упоминая Его. Есть вещи, которые переступить недопустимо.

Размышляя о положении, в которое попала, Эля, находясь в охотничьей избушке, говорит себе: «Напутала я что-то в жизни, наплела... – еще помолчала и усмешливо вздохнула: – сочли бы при царе Горохе – Бога прогневила. И верно, – она еще раз, но коротко, как бы поставив точку, вздохнула: – Бога не Бога, но кого-то прогневила...»

Как бы это ни показалось кому-то странным, напрашивается параллель между матерями Эли и Акима. Что одна, что другая – мамы непутевые. Мать Эли со всеми своими институтами и книгами, мать Акима – без намека на оные. Последняя – долганка, безжалостное время вырвало ее из жизненного уклада своего народа, бросило в мясорубку «цивилизации». Однако Аким, рожденный этой шалопутной женщиной, не знающий отца, не имеющий в свои 27 лет ни кола ни двора, не задумываясь об этом, живет по христианским заповедям. Воспитанный артелью на Боганиде, а затем работой под началом Парамона Парамоньча на обстановочном пароходе «Бедовый» (повесть «Уха на Боганиде»), уяснил, впитал это. Приведу цитату из рассказа Чехова «День за городом»: «Да и не один Терентий так разумен. Силантий Силыч, кабатчик, огородник, пастух, вообще вся деревня, знают столько же, сколько и он. Учились эти люди не по книгам, а в поле, в лесу, на берегу реки. Учили их сами птицы, когда пели им песни, солнце, когда, заходя, оставляло после себя багровую зарю, сами деревья и травы». Чехов говорит здесь, насколько я понимаю, не только об утилитарных знаниях особенностей окружающей природы, но и о мировосприятии, миропонимании крестьянина.

Есть сцена в повести «Уха на Боганиде»: Аким подростком ловит с матерью рыбу и рассуждает, как будет заботиться о ней, когда мать станет старой и немощной. Аким прощает ей непутевость, бесшабашное поведение в молодости и, сам того не подозревая, следует заповеди Евангельских блаженств: «Блаженнии, милостивии, яко тии помилованы будут» и 5-й заповеди Закона Божьего: «Чти отца своего и мать свою...»

Нельзя не отметить целомудренность Акима. Молодой мужчина, находясь в непосредственности близости с молодой женщиной много дней и ночей, не претендует на телесную близость. Она случится между ними всего один раз по инициативе Эли (так она пыталась отблагодарить спасителя), и потом обоим будет стыдно от ми-

нутной слабости. В «Затесях» Астафьев приводит факт: немцы были крайне удивлены и озадачены, когда медицинские обследования показали невинность подавляющего большинства русских девушек, угнанных в Германию. И делают вывод о целомудренности нации и ее особом духе.

Аким, не задумываясь об этом, исповедует Евангельскую заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Повесть свидетельство тому! Астафьев пишет об Эле: «До сего момента она хоть и говорила ему спасибо, однако воспринимала все как само собой разумеющееся, как должное – одна в тайге, больная, беспомощная, так спасай, помогай, посвяти себя, раз ты человек. А где, собственно, и кем это написано или указано – спасай, помогай, забудь о себе и делах своих, да и все ли способны помогать-то бескорыстно?»

А написано это в Книге книг – в Библии. Повесть «Сон о белых горах» напоминает евангельский сюжет. Законник спрашивает Иисуса Христа: «Что делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» А надо поступать, как учит Иисус Христос: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоей и всем разумом твоим. Возлюби ближнего твоего, как самого себя». На что законник спрашивает: «А кто есть ближний?» Христос рассказывает притчу об иудее, который ехал из Иерусалима в Иерихон и на него напали разбойники – избили, ограбили и едва живого бросили. Безучастно прошел мимо священник, как и левит, оказавшийся вскоре на том же месте. И только самарянин проявил участие, оказал первую помощь пострадавшему, а затем доставил в гостиницу, заплатил за него...

Так кто, спрашивается, ближний ограбленному? Тот, кто оказал милость, – самарянин, человек низшей касты для иудеев.

Едва не погибнув сам, промысловик-охотник Аким спасает Элю. Обнаружив в своей охотничьей избушке серьезно больную женщину, он ставит перед собой сверхтяжелую задачу: спасти ее, вывезти к людям. Хотя прекрасно понимает, насколько это трудно, грядет жестокая полярная зима. И помощи ждать неоткуда. На сотни километров вокруг нет ни жилья, ни дорог, еды у него только-только на одного человека. Он лечит, готовит еду, запасается дровами. Об охоте на пушного зверя, под которую взят крупный аванс, приходится забыть. Планы о заработке рушатся.

Попытка, покинув избушку, выйти к людям до начала лютых морозов, оканчивается неудачей. Более того – Аким заболевает в пути. И, обессилев вконец, отчаивается, единственный раз за все время

теряет надежду на спасение. И тогда Эля начинает молиться. Когда-то в Москве заходила поглазеть в Елоховский храм. Это было пижонство, двигало одно любопытство, но какие-то отрывки молитв запали в память. Поистине «как тревога, так до Бога», она пытается молиться: «Боже милостив буде мне, грешному, Отче наш, иже еси на Небеси... Да святится имя Твое!... Ради Пречистыя Твоя Матери, помилуй нас!.. Отврати лице Твое от грех моих... не отвергни... Воздаждь ми радость спасения...» – «Молись! Молись ишшо», – просит сквозь бред Аким».

Эта горячая сбивчивая молитва, эта жажда жизни женщины поднимает его, в бреду Аким идет к спасительной избушке.

Не приходится говорить о душевной близости этих людей. Они совершенно разные. На последнем этапе их одиссеи между ними наступает резкое отчуждение, практически перестают разговаривать, общение сведено до минимума. Выбравшись к людям, Аким определяет Элю в больницу, сам лечится народными средствами, но по-прежнему продолжает опекать Элю, быть в курсе ее состояния.

Знаменательна сцена прощания на аэродроме северного поселка. Аким пришел проводить Элю с пятирублевой купюрой, зажатой в кулаке. Весь в долгах, на нем висит крупная сумма аванса, который взял под охотничий сезон и который неизвестно когда удастся вернуть, тем не менее где-то перехватил пятерку, чтобы молча сунуть Эле деньги, дабы в Красноярске в лютый мороз не простудилась снoва – поехала на такси, а не на троллейбuse.

Аким спас не только жизнь Эле. Уместно в связи с этим вспомнить рассказ-притчу. Рыбак, поймав много рыбы, возвращается на лодке ночью домой и вдруг видит в море гибнущего человека – своего врага. Выбрасывает весь улов, втаскивает тонущего в лодку, доставляет его на берег. Спасенный протягивает в благодарность деньги. Спаситель категорически отказывается. «Ты выбросил в море улов, понес убытки, – убеждает взять деньги спасенный. – Тебя никто бы не осудил, поступи иначе. Стояла ночь, полная лодка рыбы...» На что звучит ответ: «Я поступил, как должен поступать христианин». И тогда спасенный говорит: «Ты спас не только мое тело, но и мою душу».

Случившееся с Эльвирой не может не стать бесценным опытом для ее души, преобразующе подействовать на нее. Не так прямолинейно, как в выше пересказанной притче (на то она и притча), но, может быть, в дальнейшем этот опыт послужит нравственно-

духовным ориентиром в движении Эльвиры к Христу. Великая русская литература девятнадцатого века хотя и была светской, эстетически воздействуя на душу читателя, обращала ее в сторону православия, указывала единственно правильный путь духовного развития личности в ее стремлении к Истине, в ее жажде Бога. В безбожное советское время Астафьев продолжал традиции православных писателей Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого (если брать его романы «Война и мир», «Анна Каренина»), Чехова.

ДРАМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА

С середины XX века, особенно в момент выдвижения литературного направления, условно названного «деревенской прозой», русской литературой был заново поставлен вопрос о национальном характере, что вылилось в мощную лавину художественных произведений и вызвало оживленные дискуссии на страницах журналов и газет. Эти размышления, теснейшим образом связанные с решением вопроса о судьбе России, привели к пристальному художественно-философскому исследованию нравственных основ народной жизни, важнейших слагаемых национального бытия. Осмысление выработанного в народе веками и запечатленного в национальном характере миропонимания определило и вектор отечественной литературы и публицистики конца XX – начала XXI вв.

Художественное наследие В. Астафьева отразило всю глубину противоречий национального характера, драму мятущейся русской души. Начиная в русле «деревенской прозы», с ее установкой на воспевание поэзии народного быта и идеализацию патриархального уклада жизни, он уходит в горькие размышления о невозможности возвращения к истокам национального самосознания. По сути, это и предуготовило эволюцию творческих исканий и стиль позднего Астафьева – от социальной проблематики к нравственно-психологической и этико-философской. В продолжение развития темы крестьянской России, в его прозе зазвучит уже совсем иная интонация, трагический пафос которой достигнет крещендо и в «Людочке», и в «Печальном детективе», и в «Царь-рыбе».

Лейтмотив произведений В. Астафьева – генетическая связь человека с родной землей, близкими людьми, и боль утраты этой связи. Так, если первые главы «Последнего поклона» лиричны и полны надежды и веры, то в конце книги автор не скрывает горечи исчезновения крестьянской России. Повесть «Ода русскому огороду», близкая к содержанию «Последнего поклона», еще пронизана светом. Тонкий прозаик Евгений Носов с восторгом признается автору в

письме: «Оду русскому огороду читал как великое откровение... Это не рассказано, а пропето – пропето на такой высокой и чистой ноте, что становится уму непостижимо, как это могут обыкновенные, грубые, корявые руки российского писателя-мужика... сотворить такое чудо» [1]. Астафьев сам вышел из глубинки и не понаслышке знал, на ком и на чем держится мир русской деревни. Мы видим окружающий мир глазами маленького мальчика, влюбленного в свой край, остро чувствующего его красоту. Здесь еще жива память о соборности, патриархальном укладе деревенской жизни, хотя уже чувствуются приметы времени. Именно детский, восторженный наивный взгляд помогает автору, а вслед за ним и читателю, окунуться в идеальный (или идеализированный) мир русской деревни: притихший скот на подворье, соседская взаимовыручка, традиция субботних бань, отсутствие заборов между огородами, описание пашни под паром, пение птиц. Здесь все – история, все – память. Но спустя несколько лет в прозе Астафьева уже иная интонация, иной пафос.

В 1976 году на страницах журнала «Наш современник» выходит повествование в рассказах «Царь-рыба», в котором аккумулировались и по-новому трансформировались художнические поиски Астафьева в исследовании русского национального характера, начатые им в «Последнем поклоне» и «Оде русскому огороду». Несмотря на то, что между «Одой» и «Царь-рыбой» небольшой временной промежуток, это уже «другой» Астафьев. Сюжет построен вокруг путешествия лирического героя по родным местам в Сибири, и цементирующей основой произведения, объединяющей все 12 рассказов, становится сквозной образ автора, его размышления, воспоминания, публицистические отступления, прямые обращения к читателю. Несмотря на то, что исследователями творчества В. Астафьева чаще всего в этой связи затрагивается тема губительного воздействия человека на природу, проблемы экологии, и лишь вскользь упоминаются проблемы мировоззрения современного человека, проблемы нравственности, это произведение намного глубже. В условиях распада общества, потери ориентиров, духовного оскудения, тезис «Нравственность – это экология души» требует серьезного осмысления. И для Астафьева проблема экологии, проблема спасения среды обитания – это прежде всего путь к совершенствованию нравственности. Он поднимает извечную проблему, бич русского человека – пьянство. Ко времени выхода «Царь-рыбы» антиалкогольная пропаганда в стране еще не была широко развернута, но писатель не боится затра-

гивать эту тему. Более того, он в красках показывает, как гибнет русский народ от пьянства, как оно губит сильных и талантливых людей, калечит судьбы, семьи, души подрастающего поколения, обнажает в человеке самые низменные инстинкты.

В рассказе «Слепой рыбак», основные события выстраиваются вокруг бригады горгаза, работающей в тайге и останавливающейся на ночевку в селе с угрюмым названием Мурыжиха. «Стояло оно на холме с молчаливой многоглавой церковью посередине. В Мурыжихе еще жило несколько семей, но большей частью одиноких старушек, этих бессменных хранителей умолкшей русской деревни и заросших пашен. Остальные деревушки кругом были пусты, развалены, заросшие хламом, в глуби леса превращенные в лесозаготовительные «опорные пункты» и сплавные лесоучастки». Астафьев рисует картину погибающей современной деревни: «Некому было косить, копать, граблить – народ в приозерном краю, доживая век, постепенно забывал землю, ремесла, обряды, труд; снова, как при царе Горохе, мылись в русских печах славяне, в огородах тыкали выродившуюся, малоурожайную картошку, чернеющую в середке, кое-где морковь и редьку, за капустой, луком и чесноком и за яблоками ездили осенью на сплавщицком тракторе в ближний городишко. Бабы забыли, как и что варить, разучились стряпать и ткать, шить и молиться, но все люто матерились, сплетничали и смекали «средствия» на выпивку, добывая копейку сдачей потребсоюзу клюквы, грибов и лекарственных трав, пуская «на фатеру» пьющих сплавщиков, летами – диких туристов и отпускников, под видом рыбалки браконьерствующих по пустым избам в поисках икон, прялок, половиков, керосиновых ламп, самоваров, братин и прочей старины» [2]. И здесь он тоже обращается к проблеме пьянства русского народа: самый сладостный товар и ходовой на селе – «бормотуха да фигурные кокетливые бутылки, чуть не до пробки налитые слезою детской, светленькой, с не порусски написанной бумажкой: «Россиян водка». Даже известие о смерти односельчанина не трогает жителей: «Царство ему небесное!» – перекрестятся земляки его или ее возле магазина, да тут же и забудут о покойном, потому как есть дела поважней: магазинной очереди соблюдение, слушанье новостей, принесенных издалека, приближение к оглушающей памяти, отбивающей почки, печенки и селезенки «бормотухе» – Господь им судья, этим покинутым нами людям» [2].

Астафьев дает почувствовать, что еще сохраняется связующая нить времен: на подсознательном уровне чтятся религиозные празд-

ники (например, Пасха), но она настолько тонка, что того сокровенного смысла, который вкладывали в него наши предки, нет, и со свойственной иронией Астафьев неоднократно подчеркивает это. «Газовики смотали удочки, прихватили с собою Жору и подались праздновать пасху. Узнав от хозяйки, что с сего дни начинается нынешняя, ранняя пасха, уважительная трудовая бригада решила отметить этот святой праздник – бригада почитала и любила почитать праздники, как старые, так и новые». «Иконы были покрыты чистыми рушниками. Под помещенной в центр иконостаса Матерью-Богородицей плодородия, хотя ничего здесь давно не сеяли и Богу негде было молиться, Богородицу все равно чтили, под раскрошившейся по углам доской иконы светилась лампада. Поскольку елейное масло давно в доме вывелось, в лампаде чадно горело и трещало подсолнечное масло, привезенное сплавщиками в бочке. Среди круглой, широкой столешницы с обломанными зубцами резьбы в узорчатом деревенском блюде красовались нарядные, в отваре луковой шелухи крашенные мелкие яйца инкубаторских куриц, привезенные газовиками» [2].

С болью в сердце, он обращает свой горький монолог к читателю: «Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на дерева в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим» [2].

В. Астафьев связывал негативные явления в нравственном состоянии общества с влиянием массовой культуры. С едкой иронией, но вместе с тем с потаенной болью, он дает портреты модных девиц, прокуренных, истасканных, вульгарных, доморощенных деревенских пижонов, разряженных под кумиров эстрады, бряцающих на гитарах бессмысленные попсовые песни. В позднем творчестве он еще больше углубит прорисовку этих типажей.

К вопросу о литературных традициях: в 2009 году увидела свет книга Р. Сенчина «Елтышевы», вошедшая в шорт-лист литературной премии «Русский Букер».

Сюжет романа строится вокруг семьи некогда благополучных госслужащих. Волей судьбы герои вынуждены покинуть город и переехать в деревню: отец семейства, увольняется из органов милиции в связи с должностным преступлением. Осознав, что переезд в глубинку не временная мера, Елтышевы поначалу пытаются обзавестись хозяйством и наладить крестьянский быт. Читатель, воспитанный на отечественной классике XIX века и героической советской литературе, неосознанно идеализирует русского человека, надеется на хэппи-энд: жизнь в деревне вернет заблудших в русло праведного бытия, к созидательному труду, к генетической связи с матерью-землей. Но чудо не произойдет. В «Елтышевых» Сенчин подхватывает эстафету у позднего Астафьева, оставаясь верным традициям «нового реализма». Это не только и не столько картина современной российской глубинки с беспробудным пьянством, драками, криминалом, безденежьем, беспорядочными половыми связями среди молодежи. Это хроника жизни реальных людей, история упадка, разложения и гибели (духовной и физической) обычной современной семьи. Это так называемая новая деревенская проза, и как бы это ни было горько осознавать – не просто очередная нашумевшая книга, а правдивый документ эпохи.

Конец XX века Виктор Астафьев называет предельной гранью развала национальных укладов, нравственных устоев. Народ и нация в понимании писателя синонимичны, но не тождественны: народ выступает как носитель нравственного облика нации, национального сознания. Современный человек в прозе Астафьева находится в состоянии духовного кризиса. Темы, которые он затрагивал, продолжают и современные писатели, пророчества, которыми он пытался предостеречь, сбываются.

Литература

1. *Платонов О.А.* Большая энциклопедия русского народа. Русская цивилизация. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=3742>
2. *Астафьев В.* Слепой рыбак. URL: <http://lib.rus.ec/b/132675/read>.

МУЗЫКА В ПРОЗЕ АСТАФЬЕВА

В сознании современников Астафьев и музыка неразделимы. Когда мы вспоминаем Виктора Петровича, то не можем не отметить его любовь к музыке и знание ее – классической и народной. Так, в своей анкете он назвал любимых композиторов: Мусоргского, Свиридова, Баха, Верди. Люди, знакомые с писателем лично, отмечали музыкальный слух, лирический дар, которыми щедро наделила его природа. «Наиболее любимая мною из астафьевских книг – «Затеси», самая, мне кажется, его светлая, самая поэтичная <...>. И я подозреваю, что именно этой из всех его книг достанется самая долгая и счастливая жизнь», – таково мнение Александра Астраханцева, назвавшего себя младшим коллегой и современником Астафьева, «знакомым с ним ровно двадцать лет» [2].

Говоря о музыке в прозе Астафьева, следует выделить два аспекта. Это собственно музыкальные произведения в структуре текста и музыкальные ассоциации, вызываемые художественным словом, его звучанием, соответствующей синтаксической структурой, особой ритмической организацией текста и т.д. Обе темы заслуживают внимания и серьезного изучения, чего, конечно же, нельзя сделать в рамках статьи. Однако без понимания музыкальных кодов, которые вольно или невольно автор вкрапляет в ткань произведения, невозможно до конца осмыслить прочитанное и постичь тайны мастерства Астафьева.

Обратимся к тому, что лежит, как говорится, на поверхности, – к содержанию лирического цикла «Затеси». Уже перечисление заглавий рассказов и миниатюр напоминает программу концерта, поскольку в них звучит музыка: «Мелодия», «Хрустальный звон», «Раньше здесь звонил колокол», «Щелкунчик», «Аве Мария». Встречаются среди названий указания на авторство («Шопениана», «Мелодия Чайковского»), ссылки на жанр («Тоска по вальсу», «Последняя народная симфония» – название «тетради б» и одноименного рассказа в ней). Заглавия отвечают на вопросы «кто поет?» («Поэты поют») и «кого поют?» («Есенина поют»).

Редко встретишь у Астафьева рассказ без музыки, без песни. Это связано с фольклорным сознанием писателя, с детства впитавшего народные традиции, в том числе музыкальные. Герои Астафьева поют и лирические народные песни (русские, украинские, цыганские), и блатные песни, и частушки, и романсы, и авторские лирические и военные песни. Есть в цикле «Затеси» произведения, в которых строка из песни вынесена в заглавие, например: «Зачем меня окликнул ты?», «Ах ты, но-о-очень-ка» («Ах ты, но-о-очень-ка, / Но-о-очка те-о-омная...») Я забыл о своем напарнике, о рыбе, которую пора спускать в котелок, обо всем на свете. Унимаются кулички, замирает все вокруг, только темная ночка слушает, как я славлю ее» [1], или «Миленький ты мой» («А в приморском парке, под цветущей акацией, до самого утра, ежась от холода, все будут сидеть те двое, отрешенные от людей и от мира, и он будет петь ей песню о том, что ни женой, ни сестрой не возьмет ее в далекую страну...») [1]. Как видим из названий и последних строк рассказов, тексты имеют кольцевую композицию, а песня играет и структурную, и семантическую роль. Нельзя в прозе Астафьева ни заменить, ни убрать не только фразу, даже слово – нарушается гармония, исчезает мелодия.

Когда читаешь, например, рассказ «Есенина поют», возникает понимание того, что не слова песни вкрапляются в ткань рассуждения, а размышления автора неожиданно прерывают песню, даже не прерывают, нет, а живут параллельно в его сознании, переплетаясь с песней, взаимопроникая: «Над окошком месяц. Под окошком ветер. Облетевший тополь серебрист и светел...» Сколько собственных ощущений («от пальцев ног, рук, от корешков волос, из каждой клеточки тела поднимается к сердцу капелька крови <...>, наполняет слезами и горьким восторгом, хочется куда-то побежать, обнять кого-нибудь живого, покаяться перед всем миром...») [1], сколько чувств, добрых устремлений пробуждают в душе эти бесхитростные слова и мелодия! Лирическому герою хочется «утешить», «пожалеть» и «обнадежить» голосистых «песнопевцев», которые «с тихим вздохом ведут и ведут про месяц за окошком, про тальянку, что плачет за околицей» [1]. Так, обращением к тальянке, а значит, к песне, завершается первый эпизод рассказа. Звучит вывод – фраза, стоящая особняком, выделенная Астафьевым в отдельный абзац: «Какая очищающая скорбь!»

Начало второго эпизода построено на антонимии песне: «На дворе нету месяца». А дальше размышления о погоде, которая так важна для сельчанина-хлебороба, и роли песни в его жизни. Русский

человек всегда поет: и в горе, и в радости, и в поле, и на отдыхе. «И голоса единого не слышно. Ничего не слышно, ничего не видно, отдалилась песня от села, гложет жизнь без нее», – заключает автор.

Следующий эпизод – рассказ о тяжелой жизни старушек, чьи дети давно выросли, разъехались и приезжают на отдых летом. А зима «и вовсе отрежет их от мира. Пробовали на лыжах – падают, стары больно» [Там же]. И новая строка-абзац, как вздох между куплетами, как всхлип: «Плачет тальянка, плачет» [Там же]. И далее: «Только не там, не за рекою, а в моем сердце» – фраза, связывающая третий и четвертый эпизоды. Повествование о тяжелой вдовьей доле Анны, «молодой годами и старой ликом женщины», заключают горькие раздумья: «Кричи людей зимней порой – не докличешься...». И снова звучит песня: «Дальний плач тальянки, голос одинокий...» [1].

Так, постепенно автор подводит своего читателя к размышлению о С. Есенине, об одиночестве поэта, о его творчестве, о том, «почему так мало пели и поют у нас Есенина-то? Самого певучего поэта!», почему, несмотря ни на что, тянулась и тянется к его стихам русская душа. «За окошком месяц...» Тьма за окошком, пустые села и пустая земля. Слушать здесь Есенина невыносимо» [1]. Подводит к мысли о Родине: «Я и сам когда-то пел не уставая: где ты, моя липа, липа вековая?» И в самом деле, где ты, наша липа, липа вековая? Теплый очаг? Месяц? Родина моя, Русь – где ты?»

В ткани повествования переплетаются жизни старых одиноких людей, умирающих деревень и России, которая «лежит без конца и края, в лесах и перелесках, среди хлебов и льнов, возле рек и озер, с умолкнувшей церковью посередине, оплаканная русским певцом». Кульминация рассказа: «... умолк за деревней трактор. И Россия» – звучит призыв, как панацея от бед: «Смолкни, военная труба! Уймись, велеречивый оратор! Не кривляйтесь, новомодные ревуны! Выключите магнитофоны и транзисторы, ребята! Шапки долой, Россия! Есенина поют!»

Некоторые тексты Астафьева, на первый взгляд, не имеют ничего общего с музыкой. Однако структурой своей такие рассказы напоминают песню. Например, в «Хлебозарах», как в песне припев, звучит рефреном: «Зарницы. Зарницы. Зарницы». А в «Домском соборе», кроме рефрена «Дом... Дом... Дом...», «Домский собор! Домский собор!», читатель слышит пение органа и окружающего мира. Ключевые слова выполняют и структурообразующую функцию, объединяя «куплеты» в единый текст: «Домский собор, с петушком на

шпиле. Высокий, каменный, он по-над Ригой звучит. Пением органа наполнены своды собора <...> Зачем так напряженно и трудно живем мы на земле нашей? Зачем? Почему?» Дом. Дом. Дом...», «Пусть <...> унесут люди в сердце музыку гения, а не звериный рев убийцы. Домский собор! Домский собор! Музыка! Что ты сделала со мною?», «...и жизнь, и смерть. Домский собор. Домский собор»...

Отдельные фрагменты наделены ритмом стиха: «Дом. Дом. Дом... Благовест. Музыка. Мрак исчез».

О поэтичности прозы Астафьева, а следовательно, о ее музыкальности вряд ли можно сказать лучше, чем сделал это Александр Астраханцев: «Тексты Астафьева по большей части и в первую очередь – поэтическая проза. Чтобы живописать словом, передать словом аромат цветка, красоту пейзажа или человека, он умеет использовать все имеющиеся художественные средства языка, что в прозе вообще встречается довольно редко – этим больше занимаются стихотворцы; он просто захлебывается от удовольствия, пользуясь всеми этими средствами сразу; он получает наслаждение от музыки слова, от музыкальности и ритмики фразы; он виртуозно владеет звукописью, аллитерациями» [2]. В подтверждение своих слов Астраханцев приводит два примера звукописи Мастера – «оба из одного короткого рассказа «Тихая птица» (из цикла «Затеси»). Описание вороны, например, сопровождается звонкими, «каркающими» звуками. И заключает: «Уверяю: это не случайно получается – это достигается кропотливой работой над фразой, поиском нужного слова, пробой вариантов. Это, как правило, самая трудная, самая мучительная часть писательской работы, об изнурительности которой, кстати, он сам часто говорил, от которой страшно уставал...» [2].

О первичности звука говорил еще В. Маяковский. Делясь своими секретами, он сообщил, что вначале ходит по комнате, пока не услышит звук, не почувствует ритм рождающегося стиха. Лишь потом ритмично повторяющиеся звуки сами собой обретают словесную форму. Об этом же узнаем от Астафьева: «Слова без звука нет. Прежде чем появиться слову, возник звук». В кропотливой работе Астафьева над словом убеждают даже те немногие астафьевские строки, которые уже процитированы. Поэтому не случайно все его произведения музыкальны.

У каждого из нас свой Астафьев и своя музыка. Некоторыми музыкальными ассоциациями, навеянными его прозой, решила поделиться. Читаем:

«Пестрый лист. Красный шиповник. Искры обклеванной калины в серых кустах. Желтая хвойная опадь с лиственниц. Черная, обнаженная в полях земля под горою.

Зачем так скоро?!» [2].

Крошечный, с точки зрения количества слов, текст. Колоссальный, с позиции философии, смысл.

Это миниатюра «Мелодия». Она вызывает в моей памяти «Поэтическую картинку» Э. Грига, где первая часть исполняется очень тихо, но подвижно. В тексте «Мелодии» динамика обеспечивается благодаря нанизыванию назывных предложений, а тишина и гармония проистекают из семантики «подготовка к зимнему сну». Равновесию в природе соответствует примерно одинаковое количество звонких и глухих согласных в отрывке.

И неожиданный поворот. Кульминация: «ff – очень громко, *con fuoco* – с огнем», а в тексте – риторический вопрос-восклицание, звучащий с надрывом... «Мелодия» Астафьева на этом аккорде не умолкает, она повторяется вместе с музыкой Грига, как повторяется смена времен года в природе, как продолжается человеческая жизнь, то размеренная, то кипучая от первого крика до последнего вздоха.

«Последняя народная симфония». Почему вдруг Астафьев, знаток и ценитель музыки, соединил в названии фольклорное и авторское? Возможно, хотел подчеркнуть значительность, многогранность, фундаментальность народной музыки. Какие музыкальные ассоциации после прочтения? «Полонез» Огинского: в нотах есть подзаголовок – «Тоска по Родине». Рискну процитировать рассказ целиком:

«Когда я смотрю и слушаю по телевидению дивное действо под названием «Играй, гармонь», меня всегда душат слезы.

А душат меня слезы не только от восторга, но и от горестного сознания того, что братья Заволокины вместе с остатками нашего замороченного народа творят последнюю радостную симфонию России.

«А Русь в сиреневом дыму и плачет, и поет», – не раз про себя повторил я слова поэта, слушая русскую гармонь, а она переборы льет-заливается, а из груди стон: «Да куда же? Зачем? Почему все это уходит?!»

И братья-крепыши, сибиряки, и подвиг их творческий ужли напрасны? Где, из чего взять веру в завтрашний день, ведь она без народной музыки, без пляски, песни и радости невозможна.

Сброд и шпана рожают сбродное злобное искусство, народ – народное, ликующее.

Где же наш народ? Куда он улетел? Куда уехал? Убыл надолго ли и песни с собой унес?» [1].

Хочется верить, что проснется наш народ, «исполненный сил», заменит стон на песню, и создаст еще много светлых, жизнеутверждающих мелодий, и возродит старинные напевы, и не забудет тех, кто воспевал его, кто был и навсегда останется его сыном, и не забудет уроков истории, отраженных, в том числе, и в музыке прозы Виктора Петровича Астафьева.

Литература

1. *Астафьев В.П.* Зареси. URL: http://bookz.ru/authors/astaf_ev-viktor/zatesi
2. *Астраханцев А. О В.П.* Астафьеве, человеке и писателе. URL: <http://www.sibogni.ru/archive/40/46>

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. АСТАФЬЕВА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Быстрицкая Г.Г.

КНИГА В.П. АСТАФЬЕВА «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ» В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ИЗУЧЕНИИ (от «криминального чтива» к «мысли семейной»)

Изучение русской литературы второй половины XX века, рубежа XX-XXI вв. связано со значительными трудностями. Это знает каждый преподаватель, работающий и в школе, и в вузе. И проблема не в том, что «человек читающий» (читающий качественно, системно) перевелся на постсоветском пространстве. Прежде всего, нет определенности в отборе тех произведений, которые смогли бы наилучшим образом представить школьнику, студенту лицо современной словесности. Это вполне объяснимо: многие произведения написаны не на злобу дня, но для будущего, а такие книги не сразу распознаются как подлинная культурная ценность даже учеными-филологами, но следует признать, что в нынешней литературе есть имена несомненные, без которых представить ее уже не сможем ни мы, ни потомки. Одно из таких имен – Виктор Петрович Астафьев.

Творчество В.П.Астафьева сохранило даже в эпоху застоя достигнутый ранее русской литературой «градус художественности и нравственности». «Писатель пересматривает многие проблемы, имеющие традиционное толкование в русской классической литературе, соотносит их с опытом действительности XX века, не оставляющей возможностей для нравственной утопии» [1, с. 63]. Жить не по лжи для Астафьева означало отойти как можно дальше от институтов власти и связанных с ней сфер, уйти в глубину России.

Сегодня как никогда очевидно, что «наиболее выдающиеся не только в художественном, но добросовестные в этическом смысле произведения созданы писателями, обратившимися к судьбам лично-

сти в потоке истории. «В прозе В.П. Астафьева находим развитие традиций русской литературы, выросших из векового осмысления сущности русского национального характера, получившего совершеннейшее воплощение в образе Иванушки-дурачка, мнимого глупца, живущего, в отличие от других персонажей сказки, не в мифологическом, а реальном времени» [2, с. 10].

По верному замечанию Г.Л. Нефагиной, Астафьев в отношении к русскому характеру наиболее близок к М. Горькому «Несвоевременных мыслей», который писал: «Мы, Русь – анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь» [3, с. 145].

Особенно важны для школьников, студентов гуманитарных вузов, изучающих творчество Астафьева, те произведения, в которых автор рассуждает, заставляя задуматься читателя, о том, когда был сломлен человек, возможно ли его нравственное «выздоровление».

Роман «Печальный детектив» – начало в новой литературе конца 80-х годов. Именно с этого произведения начинается знакомство старшеклассников и студентов филологического факультета, изучающих курс «История русской литературы: 2 половина 20 в.», с Астафьевым, продолжателем традиций «учительной литературы». Если в курсе литературы 5-8-х классов средней школы писатель предстает как бытописец русской жизни, то сейчас он открывается как философ, беспристрастный аналитик, «выкладывающий такие кровоточащие черты, куски, с такой беспощадностью, что невольная реакция – отвернуться, забыть и не знать» [4, с. 212].

Едва появившись, роман В.П. Астафьева вызвал возмущенные отклики, причем с противоположных сторон. Одни увидели в нем «клевету на русский народ» и «поклеп на советскую действительность». Других возмутил антисемитский выпад писателя: в четвертой главе романа содержалась фраза о «еврейчатах», изучающих в пединституте провинциального Вейска лермонтовские переводы с немецкого.

Слово «еврейчата» было воспринято как некое проявление антисемизма, которого, по официальной версии, в Советском Союзе не существовало.

В.П. Астафьев задолго до открытого объявления гласности обратился к материалу современной жизни.

Перед читателем раскрывались неприглядные картины современного быта и духовное обнищание человека. Такой материал, безусловно, определил и жанр «Печального детектива» – вариант пуб-

лицистического обличительного дневника. Стилистика романа переключается с принципами письма писателей-шестидесятников XIX века, которые провозгласили своей целью и назначением литературы воспитание в человеке свободы, сознательности, ответственности за свои слова и поступки.

В.П. Астафьев обращается к одной из актуальных тем не только конца 80-х годов, но и нашего времени, первой четверти XXI в., – теме нравственного здоровья общества.

Почему мы бываем равнодушными, а порой бездушными? Почему мы бываем бессердечными, особенно по отношению к беззащитным представителям общества: детям, женщинам, старикам, зверью, природе? Астафьев пишет о будничной жизни своих героев, типичных представителей российского общества. Показывая простых людей, страдающих от несовершенства окружающей жизни, автор ставит вопрос о русском характере, о русской душе. Герой романа Сошнин считает, что эту загадку души мы придумали сами, чтобы «отмолчаться от других». У Астафьева нет идеалического изображения русской натуры, напротив, показаны самые темные ее стороны: то четверо мерзавцев насилуют пожилую женщину, то «молодец, двадцати двух лет от роду, откушав в молодежном кафе горячительного, пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек» [5, с. 29].

Мы видим бесчисленные столкновения астафьевских персонажей и самого повествователя с многоликой бесчеловечностью, равнодушием и жестокостью. И недоумение автора: отчего это? «Ведь не родились же русские люди с помутненным от злобы разумом». Астафьев в конце 20 века «пишет «Печальный детектив» в предощущении грядущих перемен. Он показывает срез жизни, в котором погрязло общество, и перед глазами предстает другой Астафьев» [6, с. 315]. Он мучительно ищет объяснение тому, отчего убывает в мире более беззащитное добро и непрестанно прибывает многоликое, беспричинное зло; что это: излом природы, временная порча человека? Или бездумность, хищничество, жестокость, «спрятавшийся под покровом человеческой кожи и модных одежд жуткий зверь» и есть его суть, лишь загнанная вглубь внешней силой порядка или внутренней силой совести молитвы?!

У вейских милиционеро-работы по горло. Происшествие за происшествием, одно страшнее другого. С горечью замечаем, что молодые отморозки, беспредельщики, не боятся наказания, возмездия, им «до лампочки» и суд людской, и суд закона. Главное дейст-

вующее лицо романа – один из жителей города, персонаж, представляющий для Астафьева в известном смысле героя своего времени. Многое его удивляет, тревожит, заставляет долго и мучительно думать о нравственном здоровье окружающих его людей. Например, во время погони за убийцей по горячим следам выясняется, что преступник охлаждается после «горячей работы» мороженым и не спешит прятаться от заслуженного наказания. Более того, оно его не пугает, не тревожит, не приводит к раскаянию. «Таких людей порождает среда обитания, тот жизненный пласт, который образуют отнюдь не одни закоренелые урки, а люди совсем обычные, живущие по тем же правилам и законам, что и большинство населения» [6, с. 316]. Когда же мы позволили прорваться злу?

Есть в романе и другие эпизоды, в которых проявляется необъяснимая, ничем не оправданная жестокость. Среди них – драка Сошнина на лестничной площадке с тремя мерзавцами, не знающими укорота. Леонид «испортил им хари», смог постоять за себя, хотя действовал ветхозаветными способами – «око за око, зуб за зуб». Как тут не вспомнить героя кинофильма С. Говорухина «Ворошиловский стрелок», блистательно сыгранного М. Ульяновым. Видя, как торжествует зло, бесчинствуют «великовозрастные недоумки», он против зла направляет иную силу, которую никак нельзя назвать доброй, так как она не сознательна. Негодяи наказаны, но нет у героя Ульянова ни радости, ни удовлетворения. Так мучается и Сошнин, которому противостоят не только преступники, но и равнодушные, заблудившиеся, потерявшие себя люди. Это и бомжиха Урна, давно утратившая человеческий облик, и редакторша Октябрина Сыроквасова, «горящая на работе». В «Печальном детективе» Астафьев, по определению В. Кожина, высказанному на дискуссии в 1986 году, обнаружил новый тип преступника, появившегося в России. Преступность как форма оголтелого самоутверждения, пусть даже по пути самоуничтожения.

При этом Астафьев дал очень точное определение психическому настрою на «самоуничтожение», назвав это «культурно-массовым разгулом». Сыроквасова – типичный чиновник от культуры. Ей поручено выбирать, чьи произведения печатать, а чьи нет. Она убеждена, что, если человек – милиционер, он и писать должен на милицмейские темы, а не делиться с читателями своим пониманием человеческих проблем времени. «Любая выстрадавшая в народе мысль не находит выхода, тонет в пустоте, окружающей людей типа Сыроквасовой» [6, с. 317].

Есть в городе Вейске свои Добчинский и Бобчинский. Астафьев даже не изменяет фамилии этим героям, дает им характеристики цитатой из «Ревизора» Гоголя, опровергая тем самым известное изречение о том, что ничто не вечно под луной. Все течет, все изменяется, а такие люди остаются, меняя лишь покроем одежды.

Неблагополучие жизни «кочует» со страницы на страницу. Главный герой Леонид Сошнин действительно похож на печального детектива. Отзывчивый и сердобольный, он готов откликнуться на любую беду, крик о помощи, пожертвовать собой ради блага совершенно незнакомых ему людей, хотя у самого Леонида судьба не устроена: от него ушла жена. Сошнин не может быть не печальным, потому что видит, как разрушаются жизни дорогих ему людей, умирает деревня, а жизнь в городе ограничена и замкнута. Более всего печально то, что рушатся многовековые устои, на которых извечно держалась доброта.

Сошнин, в силу своей профессии, ежедневно сталкивался с неприглядными сторонами жизни, уйдя на заслуженный отдых, начинает писать, пытается разобраться, отчего в русском человеке так много злости и жестокости, существует в русских людях жалость к арестантам и равнодушие к самим себе, к соседу, почему «вольготно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа...». «Культурно-массовый разгул» – вот перед чем почувствовал себя беспомощным Леонид Сошнин, современный рыцарь без страха и упрека.

В поисках истоков зла герой, как истинный правдолюбец, обращается к Достоевскому, читает в подлиннике Ницше и Экклезиаст. В итоге он приходит к выводу, что «зверь в человеческом облике рождается покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью, желанием жить сытнее ближних своих».

«Концепция милиционера-философа выглядит довольно мрачно. Впрочем, со временем мы убедились, что роман с его акцентом на темных сторонах бытия оказался вполне адекватным действительности и во многом предвосхитил то, что вскоре так выпукло проявилось в нашей жизни. Сейчас уже никто не сомневается, что граница, разделяющая современное общество на преступников и пострадавших, воров и обворованных, становится все более зримой [6, с. 318].

Писатель завершает повествование на мажорной ноте: если есть зло, то существует добро. Леонид Сошнин мирится с женой, и

она снова возвращается к нему вместе с дочерью, возрождается надежда на восстановление семьи – «малой церкви».

«...Рассвет сырым, снежным комом вкатывался уже и в кухонное окно, когда насладившийся покоем, среди тихо спящей семьи, с чувством давно неведомой ему уверенности в своих возможных силах, без раздражения и тоски в сердце Сошнин прилепился к столу, придерживая его расхлебанное тело руками, чтобы не скрипел и не крякал, потянулся к давней и тоже конторской лампе, шибко изогнул ее шею с железной чашечкой на конце, поместил в пятно света чистый лист бумаги и надолго замер над ним».

Таков финал романа. И получается уже не роман – «криминальное чтение», а книга семейная. И это не случайно, что в «странных эпизодах романа фигурируют те, кто потерял свой человеческий облик, потому что был лишен семейного тепла и заботы близких... А чтобы не забыть о своем человеческом предназначении, человек должен жить в семье и интересами семьи» [6, с. 321].

По мысли автора, семья – это фундамент не только государства, но и цивилизации: «Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья» [5, с. 27]. Именно поэтому в конце романа «Печальный детектив» Астафьев написал с заглавной буквы слово Семья.

Итак, изучение романа «Печальный детектив» не заканчивается его разбором. Ведь слово «детектив» в названии романа указывает на те проблемы, которые «человек, ищущий единства с окружающим миром, стремящийся его понять и быть понятым сам, должен постигнуть через личный опыт, работу собственной души».

Литература

1. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX в. М., 2003.
2. Недзвецкий В.А., Филиппов В.В. Русская деревенская проза. М., 2001.
3. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990.
4. Цит. по: Современная русская литература. 1970–1990-е годы. М., 2001.
5. Астафьев В.П. Печальный детектив. М., 1987.
6. Ростовцев Ю.А. Виктор Астафьев». М., 2009.
7. Астафьев В.П. Печальный детектив. М., 1987.

ПУБЛИЦИСТИКА В.П. АСТАФЬЕВА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ

Изучение творческого наследия В.П. Астафьева не только на уроках литературы в рамках школьной программы, но и в процессе преподавания русского языка, на наш взгляд, закономерно. Художественный, публицистический, литературно-критический талант писателя XX века, мастера как небольшого очерка, так и крупного романа, поднявшего в своей прозе огромный пласт проблем, актуальных для нашего современника, позволяет использовать отрывки из его текстов как дидактический материал при освоении разных разделов русского языка и подготовке к итоговой аттестации в 9 и 11 классах. Предложения и отрывки из художественных произведений автора, особенно включенных в программу по литературе соответствующего класса, прочно вошли в школьные учебники русского языка, наряду с отрывками из произведений других авторов классической и современной русской литературы. На их материале школьникам предлагается выполнить различные орфографические, пунктуационные, лексические, стилистические задания, написать изложения или диктанты, развивать связную речь. В частности, можно обратиться к произведениям В.П. Астафьева как к источникам неологизмов при изучении различных пластов лексики русского языка или использовать его описания природы на уроках развития речи.

Интересными представляются уроки подготовки к ЕГЭ на основе текстов из книги миниатюр В.П. Астафьева «Затеси», разработанные О.М. Семеновой [6]. Учитель предлагает школьникам комплексный анализ текстов: определение темы, идеи, типа речи, а также работу с художественным словом, выявление средств выразительности. Заключительное задание – написание сочинения «Нравственность есть правда». Несколько в ином ключе строит комплексную работу над текстом миниатюры «Постскрипtum» из той же книги «Затеси» на своем уроке А.В. Ноздрин [5]. Этот учитель предлагает сделать интегрированный урок с музыкой и выбирает групповую форму работы.

Предметом же нашего интереса является публицистическая проза В.П. Астафьева и возможности ее использования на уроках

русского языка в старших классах. В методической литературе на этом материале предлагаются самые разнообразные задания, позволяющие углубить и систематизировать знания по теории языка и языковой системе, орфографии и пунктуации при подготовке к итоговой аттестации. Так, Т.М. Пахнова в методическом издании «Русский язык. Интенсивная подготовка к ЕГЭ в процессе работы с текстом» предлагает комплексный анализ отрывка из очерка В.П. Астафьева «Звуки Родины» на основании заданий по выразительному чтению, определению темы и идеи текста, поиску ключевых слов и средств связи, подбору синонимов и антонимов к отдельным словам, выписыванию однокоренных слов, созданию словарного диктанта, составлению схем сложных предложений, комментарию орфограмм и пунктограмм, подбору синонимичных конструкций и даже написанию размышления в формате части С [2, с. 212].

Аналогичным образом можно построить работу с любым текстом. В публицистике В.П. Астафьева затрагиваются самые разнообразные темы: искусство и его роль в обществе; мера красоты и человечности; культ природы и противопоставление ее губительной городской цивилизации; проблема экологии; страх, недоверие, а иногда и ненависть к городу; детство; семья; сентиментальность; мировоззренческие и философские проблемы; пацифистское неприятие войны; героизм; проблемы современной молодежи; духовное обнищание нации; пороки современного общества; история и исторический путь России; политика и многие другие. Отрывки из прозы В.П. Астафьева были представлены в тестах итоговой аттестации прошлых лет, поэтому необходимо включать их в систему уроков.

Кроме комплексной аналитической работы над текстом, написания изложений и сочинений, подготовка к выполнению части С предполагает подбор аргументации. Публицистика В.П. Астафьева в этом смысле является богатым источником аргументов. В сети Интернет создан «Банк аргументов из художественной и публицистической литературы», где перечислены некоторые примеры из произведений В.П. Астафьева на темы семьи, взаимоотношений человека и природы, а также по проблемам личности [4]. К сожалению, ресурс не содержит цитат, а в качестве аргумента приводит краткое изложение ситуации, представленной в определенном произведении. Цитаты же предложены авторами «Словаря афоризмов русских писателей», где 7 единиц на темы любви, семьи, смысла жизни, человеческой природы взяты из произведений В.П. Астафьева, например: «Любовь – это творчество. Всегда творчество. Мы любим в других то, чего нет в

нас, если нет этого и в других – выдумываем, внедряем...», «Как на свете жить? Одиному? Трудно на свете...», «Человек есть человек, и страсти его непоборимы» [1, с. 19]. К сожалению, авторы словаря не указывают произведений, из которых взяты цитаты. Мы с учениками собираем аргументы и цитаты из публицистических произведений В.П. Астафьева, среди них такие: «В работе, и только в работе душа человеческая» («Русская мелодия»), «А ты ж художник, инженер человеческих душ, обостренно чувствующий действительность...» («Вивальди за пятак»), «Публицистика сама по себе есть уже комментарий к жизни, или точнее, авторский взгляд на нее...» («Дорога домой»: «Комментарии»), «Но пока человек жив, стало быть, главное для него все же – жизнь его» («Да пребудет вечно»).

Публицистику В.П. Астафьева целесообразно также использовать в 10 и 11 классах при повторении и углублении знаний о стилях речи, показывая школьникам взаимопроникновение стилей, а также отрабатывая навык определения стиля текста на основе комплекса признаков. Это связано с тем, что нехудожественные произведения В.П. Астафьева имеют неповторимый стилистический рисунок, который создается актуальной, в первую очередь, нравственной, проблематикой, сочетанием в одном тексте различных коммуникативных задач и высокой выразительностью слова. Своеобразием речи автора является соединение разностилевой лексики: книжных и разговорных единиц, нейтральных и эмоционально-оценочных, нормативных и нелитературных, например: «То, что мы именуем гармонией, вообще недостижимо при таком хозяине Земли, как хомо сапиенс, существе, на мой взгляд, лишь во взлетах отдельных гениев и мыслителей, доказавшем, что он мог бы образумить варваров словом, искусством, мыслью, но, увы, на одного мыслящего и трудового человека во все века наваливались тучи кровожадных насильников, дармоедов, лжецов, и они в конце концов добились своего, растоптали святое, реалистическое искусство, надругались над словом, над здравым смыслом, с приплясом, визгом, хохотом двигаются к краю пропасти» («Хомо Технократус») [3]. Анализ языковых средств таких текстов дает возможность на практике увидеть различия языка и речи, позволяет создать у школьников представление об индивидуально-авторском стиле, закрепить навык определения стилистической окраски.

Публицистика В.П. Астафьева разнообразна по жанрам и подстилям: здесь представлены как образцы художественно-публицистического подстиля, так называемой высокой публицистики (например, статьи и эссе сборника «Награды и муки»), так и газетно-публи-

цистические жанры (например, интервью газете «Комсомольская правда» «Край жизни»). Поэтому можно использовать его произведения при знакомстве в 11 классе с подстилями и жанрами. Вид задания здесь будет зависеть от уровня подготовленности класса. Можно предложить либо иллюстративное использование текстов при ознакомительном изучении жанров на базовом репродуктивном уровне, либо сопоставительно-аналитические задания по определению жанра каждого из группы предложенных текстов с опорой на жанровые признаки при углубленном изучении материала на продвинутом или профильном уровне.

Необходимо заметить, что некоторые тексты написаны с большим пафосом и носят резко обличительный характер, автор порой не выбирает выражения, негативно высказываясь о политике или проблемах современного общества, поэтому далеко не каждый текст можно использовать в школе. Есть и темы, и мысли, которые не соответствуют возрасту школьников, могут быть неверно поняты даже старшеклассниками, поэтому должен быть четкий отбор произведений. Тем не менее публицистические тексты В.П. Астафьева и других авторов XX века позволяют школьникам, на наш взгляд, не только изучить языковой материал или отработать конкретные речевые навыки, но и глубже осознать проблемы современного общества, а значит стать его полноправным членом, а также полноценной личностью, адаптированной к современным условиям жизни, что является одной из основных задач современного школьного образования.

Литература

1. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей / под рук. д-ра филол. наук, проф. А.Н. Тихонова. М., 2005.
2. *Пахнова Т.М.* Русский язык. Интенсивная подготовка к ЕГЭ в процессе работы с текстом. М., 2011
3. *Астафьев В.П.* Русская мелодия. URL http://royallib.com/book/astafev_viktor/russkaya_melodiya_publitsistika.html
4. Банк аргументов из художественной и публицистической литературы. URL: <http://bugaga.net.ru/ege/rus/bank-argumentov>.
5. *Ноздрина А.В.* Анализ текста В.П. Астафьева «Постскрипtum» как основной вид работы при подготовке к экзаменам. URL: <http://festival.1september.ru/articles/512699>.
6. *Семенова О.М.* Учимся у Астафьева. Подготовка к ЕГЭ на миниатюрах из книги «Затеси». URL: <http://festival.1september.ru/articles/525617>.

**СИСТЕМА УРОКОВ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ
ПО ТВОРЧЕСТВУ В.П. АСТАФЬЕВА
В 5–9 КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

Современная русская литература изучается в 11 классе в конце учебного года. И в этом одна из проблем ее изучения: будущие выпускники ориентированы больше на те предметы, что им придется сдавать на экзаменах; на ЕГЭ по литературе современная литература рассматривается лишь обзорно, поэтому часто за счет сокращения часов, отведенных на изучение современных произведений, идет коррекция программы в связи с карантинами, праздниками и т.п. И становится обидно, что произведения авторов конца 20 – начала 21 века оказываются «второстепеннее» произведений русских классиков.

В начале нового 21 века список классиков русской литературы 20 века еще не определился: какие-то имена выдвигаются на первый план, какие-то отступают. Но, я думаю, к современным классикам обязательно должен быть отнесен В.П. Астафьев. В.М. Михайлюк пишет: «В его произведениях звучит страстный призыв к осознанию ответственности человека за все, что происходит на Земле и в его личной жизни, предупреждение об угрозе экологической катастрофы и нравственной дистрофии современного общества» [1]. А не об этом ли мы говорим в последнее время? И именно над этими вопросами должно задуматься будущее поколение, наши нынешние ученики. Поэтому, считаю, творчество В.П. Астафьева надо изучать с 5 по 11 класс.

В программу по литературе под редакцией В.Я. Коровиной, по которой работает наша гимназия, включены следующие произведения В.П. Астафьева:

<i>Класс</i>	<i>Произведения для изучения</i>	<i>Произведения для самостоятельного чтения</i>
5	Васюткино озеро	
6	Конь с розовой гривой	Деревья растут для всех. Бабушкин праздник
8	Фотография, на которой меня нет	Ангел-хранитель
11	Царь-рыба	

И это одна из причин, по которой возникла потребность создания серии уроков внеклассного чтения по изучению творчества В.П. Астафьева.

Другой причиной оказалась необходимость подготовки учащихся к сдаче экзамена по русскому языку в формате ЕГЭ (задание части С предполагает аргументацию собственной позиции на материале прочитанных учащимися художественных и публицистических произведений).

Наработанный материал сложился в следующую систему:

<i>Проблематика</i>	<i>Произведения В.П. Астафьева</i>	<i>Класс</i>
Проблемы экологии Проблема бережного отношения человека к природе	Белогрудка, Стрижонок Скрип, Яшка-лось	5
Проблема взаимоотношений детей и взрослых	Захарка, Жил на свете Толька	6
Проблемы нравственности Проблема ответственности человека за свои поступки	Кража	7
Проблемы семьи Проблема памяти своих предков, оценки такого периода жизни человека, как детство	Последний поклон (Монах в новых штанах, Ангел-хранитель, Бабушкин праздник)	8
Проблемы восприятия войны	Веселый солдат (Солдат лечится), Так хочется жить (День Победы), Многообразие войны	9

Урок внеклассного чтения в 5 классе
«О чем ты плачешь, ель?»

(Взаимоотношения человека и природы
в произведениях В.П. Астафьева.)

1. Вступительное слово учителя.

2. Работа в группах:

«Лингвисты-лексикографы»: составить словарь «непонятных» слов, дать им толкование.

Например, косогор, густолесье, валежник (по рассказу «Белогрудка»); гомон, спикировал (по рассказу «Стрижонок Скрип»); вислогубая, пегая, свояченица (по рассказу «Яшка-лось»).

«Биологи»: рассказать о животных, представленных в рассматриваемых рассказах В.П. Астафьева, сопроводив иллюстрациями (куница, конь, лось, стриж) – домашнее задание

«Зоопсихологи»: объяснить мотивы поведения Белогрудки и Яшки

«Белогрудка»

- Почему куница поселилась в чашобе косогора?
- Каким стало поведение Белогрудки после рождения котят? Как ее называет автор?
- Какой случай перевернул жизнь Белогрудки?
- Какова первая реакция куницы на пустое гнездо?
- Почему один из дней писатель назвал «страшный день»? Что последовало за этим?
- Почему Белогрудка «принялась разбойничать пуше прежнего»?
- Можем ли мы обвинять куницу в ее жестокости?

«Яшка-лось»

- Почему Яшка ушел из села?
- Как лесник объяснил, что стали попадаться следы лосихи и рядом следы лошадиных копыт?
- Что заставило Яшку вновь вернуться в село?
- Почему Яшка позволил оседлать себя только колхозному бригадиру?
- Как писатель показывает гибель Яшки?

«Психологи»: дайте оценку поведению людей в рассказах В.П. Астафьева

«Белогрудка»

- Почему мальчишки забрали котят?
- Считали ли люди виноватой Белогрудку? Почему?
- Почему мальчишка бросил кунят в овражке? Что с ними произошло?
- Послужила ли история с Белогрудкой уроком для жителей деревень Вереино и Зуяты?

«Яшка-лось»

- Как люди в селе относились к лошадям?
- Как был встречен Яшка по возвращении в село? Почему именно такой была «встреча»?
- Куда бригадир решил поехать второго мая? Почему он погнал Яшку по тонкому льду?

- Как повели себя жители села после гибели Яшки?
- Каков финал рассказа? Можно ли считать его трагичным и почему?

3. Выводы по двум рассказам. (Приходим к мысли, что главную беду животным приносят люди, их бездумное поведение, неспособность видеть в животных равных себе существ.)

4. Чтение учителем отрывка из рассказа «О чем ты плачешь, ель?» с комментарием. (Со слов «Что же это за человек такой появился...» до слов «Такие вот примерно мысли все чаще и чаще появлялись у дяди Петра».)

5. Фронтальная беседа по рассказу «**Стриженок Скрип**»:

- Почему у стриженка Скрипа и его братьев и сестер не было папы?
- Как погибла мать Скрипа? Как повели себя другие стрижи после ее гибели?
- Каких врагов маленьких стрижей называет писатель?
- Какой из врагов самый страшный? Почему?
- Объясните, как вы поняли последние строки рассказа «Стриженок Скрип»? Какие выводы сделали для себя на уроке?

Урок внеклассного чтения в 6 классе

«Два мира?»

(Взаимоотношения детей и взрослых.)

1. Вступительное слово учителя (детские годы В.П. Астафьева, сиротство, детский дом в Игарке).

2. Беседа:

- Всегда ли взрослые и дети понимают друг друга? Почему это происходит?
- Может ли ребенок обойтись без взрослых?
- А могут ли дети что-то дать старшему поколению?

3. Анализ рассказов

«Захарка»

- Что мы знаем о семье Захарки?
- Как Захарка помогал матери прокормить младших братьев и сестер?
- Почему мать попросила пекаря взять Захарку с собой на охоту?
- Почему пекарь согласился?

- Работа в парах: сопоставьте поведение Захарки и пекаря во время охоты

	Захарка	пекарь
Подготовка к охоте: одежда, ружье, необходимые вещи		
Подготовка места (скрада)		
Поведение ночью		
Поведение во время охоты		
Итог охоты		

- Почему пекарь рассердился на Захарку после охоты?
- Как приведенная история охоты характеризует Захарку? Каким человеком он мог бы вырасти?
- Зачем писатель ввел в финал рассказа встречу со взрослым Захаром Тунеговым? Что мы о нем узнаем?

«Жил на свете Толька»

- Как Толька остался один?
- Расскажите, как жилось Тольке в первый месяц свободы. (Пересказ – домашнее задание)
- Как Толька пробовал прокормить себя? Дайте оценку следующим эпизодам: кража хлеба, кража овса на конюшне.
- Как ребята пытались помочь однокласснику? Почему Толька отвергал их помощь?
- Почему Толька не хотел идти в детдом?
- Кто из взрослых пытался помочь Тольке? Каким образом?
- Как вы оцениваете поведение Веры Семеновны?
- Расскажите о приходе Тольки в детдом. (Пересказ – домашнее задание.)
- Почему ребята в детдоме во время обеда делали вид, что Тольки «тут вовсе нет»?
- Какой была первая ночь Тольки в детдоме? О чем он думал? Что ему снилось? Что чувствовал?
- «Цветовые ассоциации» взрослых людей: мачеха, учителя школы, Вера Семеновна, старик сторож, милиционер, няня Уля, Анна Павловна. (Как правило, отрицательные герои рисуются детьми в темных цветах, а положительные – в светлых, ярких. Соединив все цвета, видим, что все-таки светлых больше – и взрослых, которые желали бы добра детям, хотели им помочь, тоже больше.)

4. Заключительная беседа:

• Можем ли мы говорить о том, что существует два мира – мир взрослых и мир детей? (Если нет, то почему? Если да, то какие между ними взаимоотношения?)

• О чем бы вы хотели поговорить со взрослыми? Что хотели бы им сказать? Что пожелать? (либо индивидуально, либо в группе) (Хорошо результат этой работы отдать классному руководителю, чтобы обсудить на родительском собрании.)

Урок внеклассного чтения в 7 классе

«Каждый выбирает для себя...»

(Проблема ответственности за свои поступки
в повести В.П. Астафьева «Кража»)

1. Вступительное слово учителя:

– голодные 30-е годы, жизнь В.Астафьева в детдоме, трудности в учебе, взаимоотношениях с учителями;

– В.П. Астафьев: «Но очень уж трудна, очень сложна была наша жизнь. То, что мы сделали, то, что мы повидали за тридцать-сорок лет, иным поколениям и в триста не уложить» [2, с. 10];

– рассказы «Жил-был Толька», «Без приюта».

2. Беседа по содержанию повести.

• Валериан Иванович Репнин, заведующий детским домом, наблюдая за Толей Мазовым, заключил: «Таков удел этих детей – рано становятся взрослыми. Но сколько в нем [Толе] неразберихи, злости и доброты! Все в куче». Как вы понимаете эти слова и справедливы ли они?

• Подтвердите мысли Репнина, рассказав о судьбах отдельных детдомовцев (ряд индивидуальных заданий – «Судьба...»: Гошки Воробьева, Паралитика, Попика, Деменкова, Толи Мазова, Зины Кондаковой).

• С чего начинается повесть «Кража»?

• Какими оказались последствия смерти Гошки Воробьева?

• Что произошло в «тревожный четверг»?

• Как ребята отнеслись к своему поступку? Считали ли они, что совершили преступление?

• Сколько краж было в повести? Каковы причины их совершения?

• Анализ образа Толи Мазова:

– Назовите эпизоды повести, отражающие изменения в личности Толи Мазова.

– Какой из поступков оказался для Толи самым трудным? Почему?

• – Что помогло Толе одолеть Деменкова? Можем ли мы сказать, что Толя победил еще и самого себя? (При обсуждении двух последних вопросов обратить внимание учащихся на слова Репнина, сказанные им в разговоре с Толей: «Жизнь наступает с той поры, когда человек начинает задумываться над поступками и отвечать за них».)

• Почему повесть называется «Кража»?

• Чем заканчивается повесть? Сравните с началом повести.

3. Сочинение-миниатюра: предложите свое продолжение повести.

Урок внеклассного чтения в 8 классе

«Последний поклон»

(Уроки любви и добра в книге В.П. Астафьева «Последний поклон»)

1. Вступительная беседа:

• Понравились ли вам рассказы? Чем особо запомнились?

• Знакомы ли вам герои этих рассказов? Где мы с ними уже встречались?

• Как вы поняли тему нашего урока – «Последний поклон»?

• Рассказ о бабушке писателя (индивидуальное задание)

• Пересказ главы «Последний поклон» (индивидуальное задание)

2. Групповой анализ образа бабушки Катерины Петровны:

• портрет;

• речевая характеристика;

• отношение к членам семьи;

• отношение к односельчанам;

• отношение односельчан к Катерине Петровне;

• оценка бабушки внуком.

3. Анализ отдельных эпизодов:

• обещание внуку шить штаны («**Монах в новых штанах**»);

• продажа машинки «Зингер», обман с хлебом, принесение годового щенка («**Ангел-хранитель**»);

• подготовка к приезду детей и ссора с дедом, поведение во время празднества («**Бабушкин праздник**»).

4. Беседа:

- Кого же на самом деле стоило бы назвать ангелом-хранителем в семье Потылицыных? Почему?

- В каких произведениях русских писателей вы встречались с образами бабушек, тепло вспоминаемых своими внуками? Есть ли у них что-то общее с Катериной Петровной? А есть ли что-то общее между внуками?

- Расскажите о своих «ангелах-хранителях» (мамы, бабушки, папы, дедушки и пр.) – домашнее задание

Материал этих рассказов может быть использован и для обсуждения других проблем. Данная разработка акцентирует внимание на образе бабушки как самом памятном образе из детства главного героя.

Урок внеклассного чтения для девятиклассников очень спорен, и рекомендуется его проводить только с подготовленными учениками. Материал требует не только хороший читательский уровень, но и, главное, высокий уровень развития личности учащегося. Поэтому возможно проведения данного урока в 11 классе.

Дома предлагается прочитать первую часть «Солдат лечится» из повести «Веселый солдат»; два других отрывка даются на уроке в качестве раздаточного материала, где читаются и обсуждаются.

Урок внеклассного чтения в 9 классе

«Истинное лицо» войны в произведениях В.П. Астафьева

1. Вступительная беседа:

- Рассказ учителя об участии В.П. Астафьева в Великой Отечественной войне, произведениях писателя, в которых нашла отражение тема войны

- Анализ эпиграфа урока: «Что бы я хотел видеть в прозе о войне? Правду! Всю жестокую, но необходимую правду, для того, чтобы человечество, узнав ее, было благоразумней».

- Какие произведения о Великой Отечественной войне вы читали?

- Какой изображена война в известных вам художественных произведениях, в фильмах?

2. Анализ отрывков из произведений В.П. Астафьева:

«Веселый солдат» («Солдат лечится»)

- Какие автобиографические черты вы нашли в герое повести Астафьева?

- Повесть начинается с описания боя. Как проявляет себя герой во время боя? Чем можно объяснить его удачливость в бою?
- Что оказалось для героя главным событием в этом бою? Как об этом сообщается?
- Почему именно с этого убийства начинается повествование? Чем оно запомнилось герою-фронтовику?

«Так хочется жить» (отрывок «День Победы»)

- Чем необычно для вас повествование о Дне Победы?
- Какими мы видим здесь солдат? Младшее военное начальство?
- За что герой оказался на гауптвахте?

«Многообразие войны»

- Какую правду «открывает» Астафьев в своей статье?
- О каком событии рассказал В.П. Астафьеву М. Дудин? И почему после этого разговора он больше никогда не говорил с писателем о войне?

3. Заполнение таблицы (примерный вариант)

<i>Традиционный взгляд на изображение Великой Отечественной войны</i>	<i>Изображение Великой Отечественной войны в произведениях В.П. Астафьева</i>
Победа Героизм Жестокость фашистов Героический труд во имя победы и др.	Усталость от войны Трусость Разобщенность солдат и военачальников и др.

- Почему В.П. Астафьев решил показать «истинное лицо» войны, открыть «всю жестокую, но необходимую правду»?

Литература

В.М. Михайлюк, Великий труженик пера. Урал, 2004, №5 / [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/mih10.html>
Стрелкова И.И., В.Астафьев, В.Белов, В.Распутин, В.Шукшин в жизни и творчестве: Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М., 2005

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТА
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА В.П. АСТАФЬЕВА
«КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ»**

Тайну Божию постигнешь в вещах... И полюбишь наконец весь мир уже всецело, всемирною любовью.

Ф.М. Достоевский [1, с. 289]

Виктор Петрович Астафьев – наш старший современник, теперь уже классик, наследник мощнейшей традиции русской литературы, оставивший нам в дар свой особый мир, в котором «душа тает от восторга и любви» и «хочется перецеловать каждую хвоинку», завещавший творить и утверждать добро, в программе школьного курса занимает свое достойное место по праву. Язык его прозы прост, точен и понятен. Темы его творчества – детство, война, природа, человек – актуальны, как только может быть актуальна настоящая литература.

С какими проблемами сталкивается учитель при изучении произведений Астафьева? Во-первых, это ставшее уже общим местом сетование «дети совсем перестали читать», во-вторых, приходится признать, что, несмотря на небольшую временную удаленность, подросткам XXI века совсем не просто понять реалии послевоенного мира советской деревни. Современный урок располагает самым широким спектром возможностей для решения указанных проблем.

Практико-ориентированные технологии позволяют учителю успешно справляться с трудностями, способствуют повышению учебной мотивации, помогают в значительной степени активизировать наиболее востребованные сегодня исследовательские умения. Известно, что в основе исследовательской деятельности человека лежит неизменная потребность в новой информации, новых впечатлениях и знаниях. Эта потребность является одной из главных составляющих личности. В.А. Иванников [2] относит исследователь-

скую потребность к числу тех, что имеют «вертикальный» характер, то есть пронизывают все уровни потребностей, поскольку направлены на создание картины мира и обслуживают созидательную деятельность в целом, а на уровне нравственном исследовательская потребность реализуется в поисках смысла жизни. Сегодня обществу нужен не бездумный исполнитель, но исследователь, творец. Одной из эффективных технологий, наиболее, на наш взгляд, оптимально решающих проблему познавательной мотивации, можно признать технологию проекта.

Рассмотрим один из видов проектной технологии – создание на уроке литературы выставки «Вещный мир произведения» на материале рассказа В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой». В литературоведении вещный мир произведения традиционно рассматривается как элемент поэтики. Вещь многофункциональна в художественном тексте:

- она создает антураж, атмосферу времени («Всякий художник говорит на вещном языке своей эпохи» [3, с. 47]),
- обладает характерологической функцией,
- может быть знаком эволюции персонажа,
- может служить метафорой человек-вещь,
- а может быть и одухотворенной вещью.

Важно также помнить о миромоделирующей функции вещи, когда через вещь нам становится понятной авторская концепция мира. Почти всегда в художественном тексте вещь наделена даром «говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что более связано с человеческим, нежели с вещным. Следовательно, вещь свидетельствует и о человеке в ряде важных аспектов его бытия» [4].

Способность вещи к «веществованию» (по Хайдеггеру [5, с. 49]) исследуется в реалогии, или вещьведении, новой гуманитарной дисциплине, появившейся в 1980-х годах (от латинского «res» – вещь), «Следовательно, вещь свидетельствует и о человеке в ряде важных аспектов его бытия и самосознанием человека» [4].

Идея выставки «Вещный мир произведения» может быть соотнесена с «лирическим музеем–мемориалом вещей» из книги М. Эпштейна «Парадоксы новизны» (в главе «Вещь и слово» говорится об экспозиции, где «слова так же нужны вещам, как вещи – словам» [6]). Что представляет собой такая выставка? Это набор вещей (предметов), упоминаемых в тексте того или иного автора, с обязательными экспликациями-цитатами. Ученикам эти экспонаты необ-

ходимо подобрать (или создать самим по описанию) и на уроке провести экскурсию по своему импровизированному музею.

Мир рассказа Астафьева «Конь с розовой гривой» полон ярких деталей, удивительных и зачастую не вполне понятных сегодняшнему подростку вещей:

– бабушкин пряник «конем» («Он белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, копыта тоже розовые» [7], его никак не может забыть герой повествования),

– туесок земляники (свидетель и участник постыдного поступка),

– чиж (в которого играют),

– рогатка (у левонтьевских),

– рубль (его бабушка давала Левонтьихе в долг),

– «малютка-облизьяна из Африки» (про нее поет пьяный дядя Левонтий),

– медная пуговица с двумя орлами (единственная, на ней держались штаны непутевого соседа),

– осколки стекол (которыми наутро после «праздника» Левонтий, «полный мрака и раскаяния», стеклил окна),

– бокал с отбитыми краями и ковшик без ручки (с этим левонтьевские ходили по землянику),

– калачи (что таскал ненасытному вымогателю герой рассказа),

– жареная рыбка (на прутике, без соли),

– камешки (плоские, ими «блинают» по воде),

– крашенная в бордовый цвет бабушкина кофта («вынималась из сундука по большим праздникам и по случаю поездки в город»),

– крошки хлебushка, серебрушки, лоскутки, вырванные, скрученные вокруг пальца волосы (бабушка пускала по течению, «надеялась задобрить реку, умилостивить Господа», когда утонула мама героя).

Чтобы в процессе деятельности не потерялось главное и шестиклассники сумели выйти на идею Астафьева о необходимости раскаяния и важности прощения, учитель обычно направляет выбор, обозначив задачи поиска.

При выполнении домашнего задания (а это традиционно разноуровневые задания, где создание выставки – одно из предложенных, наряду с прочими, творческими и обычными, – на выбор) ученики проводят серьезную поисковую работу. Варианты заданий могут быть такими (также это могут быть задания для групп или задания-загадки, когда команда-соперник должна угадать, что это за вещь и в какой связи упоминается):

– собрать вещи, связанные с героем-рассказчиком и его бабушкой,

– найти приметы жизни левонтьевских,

– выбрать вещи-символы,

– отобрать знаки эпохи.

Если задание выполняется командой, роли в ней, как правило, распределяются самими участниками (тоже важный момент, если иметь в виду актуальную сегодня необходимость социализации наших детей):

– исследователь (разбирается, как должна выглядеть именно эта вещь),

– изготовитель или искатель (находит или делает сам),

– оформитель (изготавливает этикетки-экспликации – в средних классах предпочтительнее, чтобы они писались от руки: развиваем грамотность),

– экскурсовод (развиваем говорение).

Создание выставки «Вещный мир произведения» на уроке литературы в школе с определенной долей уверенности можно признать сегодня одним из наиболее эффективных способов постижения литературного текста, поскольку позволяет решать целый комплекс проблем:

– вовлекает в интересную, конкретную, с реальным выходом деятельность,

– в поисках подписи к экспонату ребенок просто вынужден читать,

– в поисках вещи, описанной в произведении, приобретает метапредметные знания и умения (особенно если экспонат воссоздается своими руками),

– дети, как правило, чаще визуалы, поэтому увиденное воспринимают полноценнее.

Особо следует отметить, что, проверяя вещь на смысл, учениквольно или невольно приобретает аналитические навыки и САМ приходит к пониманию писательского замысла. И вот тогда может произойти то, ради чего, собственно, и стоит УЧИТЬ литературе: школьник начинает осознавать, что наш мир лишь тогда по совести оправдан для человека, если все, что в нем есть, не случайно и не напрасно.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 14. Л., 1976.
2. *Иванников В.А.* Психические механизмы волевой регуляции. М., 1998.
3. *Чудаков А.* Слово – вещь – мир. М., 1992.
4. *Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспектив // Aequinox. М., 1993. URL: <http://deja-vu4.narod.ru/Vesh.html>.
5. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
6. *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XX–XXI вв. М., 1988.
7. *Астафьев В.П.* Собр. соч. : в 15 т. Т. 4. Красноярск, 1997.

**ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ
ПРОБЛЕМНО-ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ
НА УРОКАХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА В.П. АСТАФЬЕВА
(литература, 11 класс, повесть «Последний поклон»)**

Повесть Астафьева «Последний поклон»...20 лет работы. Прекрасная, глубокая, мудрая книга о нелегком процессе становления человеческого характера, пропущенная через равнодушное сердце писателя. Ее нравственные уроки пригодятся в неразберихе сегодняшней жизни каждому.

Но оставим профессиональные и человеческие эмоции и честно посмотрим на то, что останется в сухом остатке процесса преподавания произведений В.П.Астафьева в общеобразовательной школе.

В.Астафьев – автор для молодых непростой. Он писатель-дидакт, его откровенное морализирование понравится далеко не всем. Строгость и принципиальность гражданской позиции писателя и та высокая планка ценностей, с которой подходит он к нашему испорченному миру, тоже, выражаясь языком современности, не добавляет ему «бонусов» в симпатиях молодежной читательской аудитории. Философичность его сюжетов кажется ей скучной, самобытный язык писателя, художественная манера его письма – сложными и не всегда понятными для восприятия. Добавим к сказанному общую нелюбовь молодежи к вдумчивому чтению (нам бы что побыстрее, где рассуждений поменьше), к анализу прочитанного, скудость лексикона, бедность эмоций (когда весь спектр чувств – одним словом) и придем к нелицеприятному, но честному выводу: изучать произведения В.Астафьева в современной школе очень сложно. Но никто не говорит, что не нужно! Нужно, но как пробиться через эту броню равнодушия и интеллектуальной лени? Как увлечь?

Назрела реальная необходимость что-то менять в традиционном преподавании литературы. Но нужно понимать, что ломать привычные приемы и методы ради того, чтобы поинтересничать, поиграть в учителей-реформаторов, рассыпая налево и направо трескучие фразы об инновациях в педагогике, но не видя за формой сути дела, –

по меньшей мере не умно. Изменять что-то нужно только ради ясной и разумной цели: чтобы было интересно, чтобы стало понятно, чтобы захотели читать и сложную литературу, Волна интереса должна буквально «накрыть» школьника хотя бы на 40 минут урочного времени, а затем подарить ему радость самостоятельного открытия новых знаний. В этом и есть цель новых технологий в изучении литературы: не преподносить готовые знания «на блюдечке», а заставлять добывать их самому, приближать к личному жизненному опыту.

Технология проблемно-диалогического обучения (разработана доктором психологических наук, профессором Алексеем Михайловичем Матюшкиным) обеспечивает более прочное и качественное усвоение учебного материала, развивает аналитические и творческие способности ученика, воспитывает активную личность, способствует, что немаловажно, сбережению психического здоровья. Ребята перестают нервничать из-за того, что скажут что-то не так, вызовут недовольство учителя. На уроках с применением этой технологии не выносится оценка «ты не прав», здесь значимо любое аргументированное мнение.

К уроку, который я хочу предложить вниманию коллег, ребята прочитали три рассказа из повести «Последний поклон» – «Конь с розовой гривой», «Пеструха», «Бурундук на кресте», главный герой которых – мальчик-сирота из сибирской деревни Овсянки, Витя Пытылицын. Изменив фамилию, В.Астафьев рассказывает о самом себе.

Первый этап урока : постановка проблемы.

Что такое проблема? Это какое-то явное, бросающееся в глаза противоречие. Чтобы помочь ученикам увидеть и осознать его, нужен подводящий к проблеме диалог.

Итак, название технологии говорит само за себя, в нем два ключевых слова: проблема и диалог. Ученики должны самостоятельно поставить проблему, затронутую в литературном произведении, и решить ее в диалоге с учителем.

Подводящий диалог:

– Вы прочитали рассказы из автобиографической повести В. Астафьева, увидели в них мир сибирской деревни 20–30-х годов 20 века. Каким он вам показался? Что вас в нем удивило?

Учащиеся могут говорить о гармоничности и умиротворенности этого мира, его теплоте и особенном укладе. Мы словно побывали в нем, слышали его звуки, почувствовали запахи, восхитились красками. Ребята должны понять, что в этом сила настоящей литера-

туры. Но не все так гладко. За красотой прячутся неприглядные, мерзостные стороны: нищая жизнь, пьянство, грубость, озлобленность. Достаточно вспомнить семейство деревенского дебошира Левонтия (рассказ «Конь с розовой гривой»).

Попросим ребят сделать вывод.

Мир деревни противоречив, неоднозначен, он разный.

– Как вы думаете, нужны ли были ему какие-то преобразования, перемены?

Да, нужны. Нельзя жить так, как Левонтий.

– Перемены произошли, их принесли с собой революция, война, коллективизация. И что мы увидели?

Перемены произошли, но лучше жить не стало.

– Может коллективизация – это все-таки благо для новой советской деревни? Ведь нужно было как-то прокормить огромную, лежащую в разрухе страну? Время трудное, голодное. Теперь вы видите противоречие? Сформулируйте проблему.

Проблема: Нужны ли были советские преобразования деревенской жизни? Стало ли от них легче жить труженику?

– Теперь сформулируйте сами тему нашего урока.

Преобразования советской деревни в повести В. Астафьева «Последний поклон». Нужны ли они были?

Второй этап урока : выдвижение рабочих гипотез.

– Какие есть у вас мнения?

Учитель должен помнить, что гипотез может быть несколько, но только одна из них превращается в решение проблемы. Планируя урок, следует предусмотреть ошибочную гипотезу. Например, кто-то выскажет мнение, что коллективизация нищей деревни была исторической необходимостью, снять острые социальные противоречия можно было только решительными мерами, «железной рукой», что и делали деревенские «партейцы». Цель оправдывала средства. Несправедливо, когда рядом с зажиточными Витиными дедом и прадедом, державшими в Овсянках мельницу, живут вечно голодные и обездоленные дети Левонтия.

Итак, версия «взять и все поделить» вполне может возникнуть на этом уроке. Но художественная идея повести ей противоречит, и в процессе работы ребята найдут подтверждение обратному.

Решающая гипотеза: Перемены были нужны, но не такие бездумные. Труженикам стало хуже, а горлопанам-лодырям – лучше.

– Вы согласны с этим? Как это доказать?

Третий этап урока : поиск решения, проверка правильности гипотезы, в ходе которой открываются новые знания.

На этом этапе урока начинается работа в творческих группах, именно в ней раскроется не только основная проблема, но и другие мини-проблемы (подпроблемы), ведь в любом произведении мы всегда говорим о проблематике.

– Что поможет вам в вашем исследовании?

Эпизоды, художественные образы, позиция автора, даже язык произведения.

Чтобы не возникало повторений, на которые тратится время, лучше оговорить заранее, кто какой эпизод проанализирует.

Например, **первая группа** будет доказывать рабочую гипотезу на материале рассказа «Пеструха». Ребята могут остановиться на эпизодах и сценах, раскрывающих отношение деда и бабушки главного героя к корове Пеструхе.

Эти эпизоды показывают, чем была корова для крестьянина. Это теперь в нашем сытом мире она стала унижительным КРС. А тогда корова была «матушкой», «родной», «золотком», «доченькой». Люди словно уравнивали ее с собой в кровных, родственных связях, отношение к ней было жалостным, любовным и бережным. Рождение телочки – событие, равное по значимости рождению человека. Вспомним эмоциональный эпизод посещения семьей отелившейся Пеструхи. За здоровье коровы, съевшей один раз осиное гнездо, бабушка Катерина Петровна молится перед иконостасом. Дойка коров хозяйками в тихую пору деревенского предвечерья – священнодействие. Когда корову убивали, то не подпускали к этому месту детей, оберегали от вида крови и жестокости. Корова – кормилица, основа благосостояния семьи, ею цементируется весь оборот крестьянского хозяйства.

– Почему мы обратились к этим сценам?

По отношению к животному можно судить о нравственном здоровье людей и обо всем общем укладе крестьянской жизни – теплом, светлом, гармоничном.

– К какому выводу пришла группа? Помогли вам эти сцены подтвердить рабочую гипотезу урока?

Конечно, помогли. Деревенский мир в основе своей гармоничен, в нем были свои, веками складывающиеся нравственные приоритеты, традиции, на которых держался весь уклад жизни тружеников. Вывод такой: нельзя было ломать и крушить их так грубо и бездарно, так безжалостно. Корову силой обобществили, забили на мясо

и нажарили котлет для столовой при школе. Бездумно, ради «галочки» в отчете партийному начальству выдрали «корень», смысл существования трудовой семьи. Вот так рыжая Пеструха всю себя честно отдала делу коллективизации.

Вторая группа остановится на эпизоде «бунта» Витиного деда Ильи Ефграфовича. Всегда старательный и трудолюбивый, дед начал задумываться и однажды, напившись с Левонтием, не пошел открывать ворота вернувшимся из стада коровам. Молодая Пеструха возмущенно мычала, а потом взбрыкнула и убежала в лес, где чудом попала в лапы медведя. Как объяснить такой неестественный для деда поступок? Ему жалко отдавать коров в чужие, безразличные руки. Это протест не против коров, а против тех, кто, незаконно отнимая частную собственность, ломает жизнь крестьянина, отучает его быть хозяином родной земли, разводить скот, растить хлеб.

– К какому выводу пришла группа?

Такие перемены не просто ломают сложившиеся отношения, уклад жизни, они морально разлагают самого труженика: не случайно трудолюбивый дед Ильи уподобился деревенскому лоботрясу и пьянице Левонтию.

И сколько таких развелось в Овсянках! Ребята могут вспомнить бабушкину сноху тетку Татьяну. Вместо того чтобы вести дом, воспитывать детей, полуграмотная колхозная активистка бьет себя кулаком в грудь на собраниях, орет призывные речи, и ее боится даже строгая Катерина Петровна. Верх взяли бездельники, желающие решить свои проблемы за счет других.

Третья группа остановится на эпизодах рассказа «Бурундук на кресте». В нем привлекает печальная судьба Витиных деда и прадеда по отцу, а в любой частной истории нужно видеть масштаб. Теперь уже без тени иронии, с душевной болью, с нескрываемым презрением рассказывает Астафьев о том, как оказалось погублена новой властью большая, крепкая, работающая крестьянская семья.

Деревенская гольтыба распустила слух о том, что Витин дед Павел Яковлевич в бревнах своего лиственничного дома прячет золото. Этого оказалось достаточным, чтобы арестовать его и сослать на север, в далекую Игарку, вместе со старым отцом, Яковом Максимовичем, прадедом Вити, который там, в чужой земле, умер от горя. Добротный дом раскатали по бревну, правда, золота так и не нашли. Отцу Вити не разрешили жить даже в полуразрушенной пристройке.

– Оцените «преобразования», сделайте вывод.

Вывод такой: коллективизация – это узаконенное беззаконие. Как мы видим, принцип добровольного вступления в новое колхозное хозяйство существовал только на бумаге. Новая власть, борясь за светлые цели, не гнушалась откровенным бандитизмом. Попирались все права и свободы, человеческая жизнь ничего не стоила: светлое будущее тружеников возводилось на их же костях.

Уместно в этом диалоге проанализировать эпизод с мельницей, принадлежавшей репрессированному деду Вити. Припомним, во что превратилась она при новой власти? После ареста деда мельницу отняли, и скоро она стала значным местом для выбитых из привычной рабочей колеи овсянкинских мужиков: здесь напивались, дрались, давили крыс и до смерти загоняли не своих уже лошадей. (Вспомним, какое трепетное отношение к животным мы видели изначально и что видим теперь.) Что крыса, что лошадь – все едино, не жаль ничего. Кончилось тем, что перепившийся мельник, разухабистый отец Вити, сломал ее ось, за что получил пять лет лагерей на Беломорканале. Мельницу закрыли, молот зерно стало негде. Его запаривали в крынках, и дети маялись животами.

– К какому выводу пришла группа?

Политика власти отучала человека созидать: никто не видел в этом смысла. Люди вели себя дико, теряли человеческий облик, деградировали. Перемены быстро обесценили все, что раньше в крестьянской жизни свято оберегалось: отношение к труду, к его результатам, к скотине.

Четвертая группа может обратить внимание на художественные образы произведения и поразмышлять, какие человеческие характеры породило это время?

Например, Витин отец, Павел Петрович Потылицын. Полная противоположность тихой, безответной и рано ушедшей из жизни матери. Плясун, красавец, разбитной гуляка, не жалующий работу. С Беломорканала вернулся как герой с войны, вскоре после смерти жены вновь женился. Молодая мачеха, злая, истеричная, невзлюбила Витю. Прослышав об огромных заработках, Потылицын завербовался на север, в Игарку. Работу нашел по себе: устроился продавцом в овощной ларек. Когда к нему приходит в гости живший у сосланного деда и сильно обносившийся Витя, отец дает ему рубль на конфеты и отправляет от себя.

Казалось бы, новое время породило новый характер – человека вольного, свободного, легкого на подъем, вспоминается босяцкая

романтика героев молодого Горького. Можно ли с этим согласиться? Ребята понимают, что, если отучить трудиться, уничтожить корни, будешь вольным и свободным, но нельзя же быть свободным от всего, нельзя жить, как хочется. Беспечность Витиного отца становится синонимом равнодушия к человеку вообще. От его жестокости и бессердечия страдает бабушка Катерина Петровна. По большому счету из-за его пьяных выходок и разгильдяйства утонула в реке мать Вити. Петр Павлович вряд ли понимает, что теперь от его неумемного желания найти себя в лихой жизни страдает родной сын.

– К какому выводу пришла группа?

Новые веяния сформировали тип человека-авантюриста, перекапти-поле, без привязанностей и ценностей, без корней, честный труд его вовсе не привлекает. Особенных симпатий такие люди у автора не вызывают.

Четвертый этап урока – подведение итогов, выводы.

– Какая проблема была заявлена?

Стало ли легче труженикам от преобразований деревенской жизни? Нужны ли они были?

– Решили мы ее?

Да, решили.

– Какой ответ мы нашли?

Перемены были нужны, но продуманные и разумные. Нет ничего разумного в том, что поля зарастают бурьяном, скотина воеет от голода, а ретивые «партейцы», отправив в ссылки кулаков, бросаются калечить их сеялки. Наши выводы по уроку совпадают с позицией самого автора. В.П.Астафьев подводит нас к мысли, что коллективизация, которая прокатилась по человеческим судьбам в 20 – 30е годы, была фактически узаконенным развалом деревни, сопровождающимся физическим истреблением крепких хозяев и добросовестных тружеников, объявленных кулаками и врагами народа.

– Какие мини-проблемы, кроме основной, поднимают рассказы из повести Астафьева?

- судьба человека в тоталитарном государстве;
- разрушение родственных связей;
- ответственность людей за свои поступки;
- проблема гуманного отношения к животным.

Много воды утекло, много произошло в нашей стране различных событий, а произведения В.П.Астафьева продолжают поражать

нас, взрослых читателей, своей жизненностью, актуальностью, мудрым провидением, неуспокоенностью в противостоянии злу. Юный читатель идет к нему нелегко, и задача учителя русской литературы сделать так, чтобы у каждого его ученика был «свой», открытый только им Астафьев, несмотря на все трудности, стоящие на пути этих открытий.

Литература

1. *Мельникова Е.Л.* Проблемный урок, или Как открывать знания с учениками. М., 2002.
2. *Мельникова Е.Л.* Технологии проблемного диалога: методы, формы, средства обучения // Образовательные технологии : сборник материалов. М., 2008.
3. *Яновский Н.* Виктор Астафьев. Очерки творчества. М., 1982.
4. *Чалмаев В.А., Зинин С.А.* Русская литература XX века : учебник для 11 класса в 2 ч. 3-е изд. М., 2004.

«ДРУГАЯ ПРОЗА»: ПРОБЛЕМНЫЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА «ЛЮДОЧКА» В.П. АСТАФЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Цель урока: выявить несоответствие традиционных образов, мотивов, тем в классической литературе и «другой прозе» (на примере рассказа «Людочка» В.П. Астафьева), понять причины возникновения этого явления в современной литературе, показать пути решения проблем художником.

Тип урока: урок-дискуссия с элементами интеграции.

Место урока в теме: «Другая проза» представлена изучением ряда произведений (Л. Петрушевская «Свой круг», В. Астафьев «Людочка», Ю. Трифонов «Обмен», С. Алексиевич «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва» – отдельные главы) и показана как явление литературы XX века. 2 урок в теме.

Оборудование: мультимедийный проектор.

Оформление: Портрет В.П.Астафьева и любительские фотографии, выставка изданий произведений писателя, на доске эпиграф, чуть позже включается проектор.

Ход урока.

Слово учителя (создание проблемной ситуации).

– Равнодушие... Безразличие... Нейтральность... Что это такое? Откуда берется в людях? И есть ли средства исцеления от этого недуга? А может, это вполне здоровое чувство? Защитная реакция организма на агрессию окружающего мира?

В. Шаламов писал: «Великая русская литература – великая обманщица молодежи, потому что она настраивает и мобилизует на такую жизнь, которой не может быть никогда».

Попробуем понять его точку зрения, обратившись к рассказу В.П.Астафьева «Людочка» (1989г.) Он относится к так называемой «другой прозе», иногда ее называют «плохой».

Для начала беседы вспомним, в чем истинные ценности и как найти к ним путь в классической литературе.

Предполагаемые ответы ребят:

- Классическая литература стремится к гармонии.
- Классическая литература очень психологична.
- В классических произведениях герой – высокообразованная личность, постоянно рефлексирующая.
- Классическая литература использует определенные языковые средства, произведения написаны красивым художественным языком.

Учитель:

– Теперь соотнесите ваши высказывания с конкретными литературными персонажами: Онегиным, Базаровым, Раскольниковым, Пьером Безуховым.

Предполагаемые ответы учащихся:

• Мы знакомимся с Онегиным в период хандры, но к концу романа, пройдя испытания дружбой, любовью, вернувшись из путешествия, он обретает великое счастье любить. И пусть его чувство останется без ответа, мы понимаем, что, если герой полюбил, значит его душа жива и готова к новым испытаниям.

• Базаров, пройдя через отрицание всего (нигилизм), перед смертью обретает самое высокое чувство – откроет для себя чудо любви.

• Раскольников, пройдя через грех гордыни, страдание, муки, обретает любовь к человеку.

• Пьер Безухов мечется на жизненном пути и вдруг почувствует завысь к обычному мужику, живущему без тоски и душевных терзаний, без сомнений, разъедающих душу. Он найдет естественный путь в жизни.

Учитель:

Из всего сказанного вами следует, что классическая литература стремится к гармонии. Это ее фундамент – гармонизация жизни, когда человек находит естественное душевное равновесие с миром и Богом. Чем же отличается, на ваш взгляд, классическая литература с ее подходом к человеку и его проблемам от «другой» прозы?

Совместная работа по заполнению таблицы.

<i>Образы, темы, мотивы</i>	<i>Классическая литература</i>	<i>«другая» проза</i>
детство	Традиционно светлая пора жизни (семья Ростовых, детство Илюши Обломова)	«Девочка была ушиблена нездоровой плотью отца и родилась слабенькой, болезненной и плаксивой», «росла, как вялая, придорожная трава, мало играла, редко пела и улыбалась, в школе не выходила из троечниц, но была молчаливо-старательная и до сплошных двоек не опускалась».

Продолжение табл.

Родной дом	Олицетворение счастья, безмятежного детства, родовое гнездо	«Отец Людочки исчез из жизни давно и незаметно. Мать и дочь без него жили свободнее, лучше и бодрее...Постоялец никак не относился к Людочке, ни хорошо, ни плохо, не ругал ее, не обижал, куском не корил, но она все равно побаивалась его.»
город	Город – часть жизни героев, место, с которым связана работа, перспективы, учеба	Город собрал отвратительные, бесчеловечные черты, жизнь в нем уродует человека
пейзаж	Помогал раскрыть духовный мир человека	«Черная, с кривыми коленами, будто растоптанный скотом уж, лежала труба в распаренной глине, шипела, парила, бурлила горячей бурдой... потекла горячая речка, кружа радужно-ядовитые кольца мазута и разные предметы бытового пользования. Деревья над канавой заболели, сникли, облупились», «С годами к канаве приползло и разрослось, как ему хотелось, всякое дурнолесье и дурнотравье... и всюду – развешенная полынь, жизнерадостные лопух и колючки. Кое-где дурнину эту непролазную пробивало кривоствольными черемухами, две-три вербы, одна почерневшая от плесени упрямая береза росла, и, отпрянув сажен на десять, вежливо пошумливая листьями, цвели в середине лета кособокие липы»
песня	Традиционно выражала русскую душу, ее тонкость, глубину, способность испытать радость и горе.	«Одна особа, отдаленно похожая на женщину, совсем почти раздетая, кричала в фигурный микрофон, держа его в руке с каким-то срамным вывертом»
танец	Показывал красоту человека, гармонию его души (танец Наташи Ростовой)	«Бесилось, неистовствовало стадо, творя из танцев телесный срам и бред. Взмокшие, горячие от разнузданности, от распоясавшейся плоти, издевающиеся надо всем, что было человеческого вокруг них»
работа	Труд раскрывает истинное в человеке.	«В парикмахерской она прирабатывала уборщицей и осталась в штате, продолжала практику – стригла машинкой наголо допризывников, карнала электроножницами школьников, оставляя на оголившейся башке хвостик надо лбом. Фасонные же стрижки училась делать «на дому», подстригала под

Окончание табл.

		раскольников страшных модников из поселка Вэлэвэрээ... сооружала прически на головах вертлявых дискотечных девочек, как у заграничных хит-звезд, не беря за это никакой платы».
праведник	Выразитель истинной народной мудрости	Гавриловна действительно учит Людочку, даже обещает ей и хорошему жениху домик отдать, только не забывает о себе («А они, глядишь, на старости лет ее доглядят. Ногито, вон они, совсем ходить перестают»).
любовь	В любви раскрываются самые главные, глубинные, красивые качества человека.	Не будет любви у Людочки – будет грязный парк и насильник Стрекач, а парень Артемка не только не заступится, но даже с трудом будет удерживать себя, чтобы не заглянуть туда, где терзает девушку мерзавец.
мать	Самый близкий и родной человек, который поймет и примет всегда, поможет в беде.	Мать сделает вид, что нет беды. Так рушится надежда на чуткое материнское сердце

Учитель:

– В рассказе есть вставная новелла. В чем ее смысл?

Предполагаемые ответы ребят:

- Показывает лживость молитвы, основанной не на истинном сострадании.

- Людочка ощутила всю отверженность умирающего человека и теперь проводила параллель с собой. Зачем она притворялась тогда? Автор показывает муки совести героини.

- Астафьев показывает, как страшно, когда в мире нет Бога, нет красоты, нет любви, сострадания.

Учитель:

– Может быть, финальная сцена (победа отчима над Стрекачом) и есть торжество добра, которое всегда предсказывала русская литература?

Предполагаемые ответы ребят:

- Какая же тут победа, когда одно зло поглощает другое, менее сильное?

- В нашем мире добро бессильно, об это говорит писатель.

- Автор разрушает все ценности русской классической литературы и показывает, что впереди мрак.

Учитель:

– Ваши наблюдения верны. Мы понимаем, что страшен мир, изображенный писателем. Автор объективен: он не находит ценностей в убогой жизни героев. Но в конце произведения он все же зажигает свечу надежды в наших сердцах.

Комментированное чтение финала рассказа: «Мать Людочки всегда чувала в «самом» затаенную, ей неведомую страхотищу, какую-то чудовищную мощь, которую он ни разу, слава Богу, не оказал при ней, да, может, и не окажет. Отходя от жути, почему-то ее охватившей, думала про себя, о себе, творила что-то похожее на молитву: «Господи, помоги хоть эту дитю полноценную родить и сохранить. Дитя не в тягость нам будет, хоть мы и старые, дитя нам будет уж как сын и как дочка, и как внук, и как внучка, оно скрепит нас, на плаву жизни удержит... А за тую доченьку, кровиночку алую, жертву жизни невинную, прости меня, Господи, если можешь... Я зла никому не делала и ее погубила не со зла... Прости, прости, прости...»

Мать Людочки и не заметила, что давно уже громко шепчет, выговаривая пляшущими губами слова, что все лицо ее снова залито слезами, но «сам» вроде бы и не слышал ее, даже курить в тамбур не выходил. И она несмело положила голову на его плечо, слабо прислонилась к нему, и показалось ей, или на самом деле так было, он приспустил плечо, чтоб ловчее и покойней ей было, и даже вроде бы локтем ее к боку прижал, пригрел».

Ученики:

- Мать Людочки ждет ребенка. Ребенок в русской литературе – символ чистоты, света, надежды. Молитва матери – залог спасения души, нашего мира. Она спасет мир от бесчеловечности.

Запись в тетрадях:

В.П. Астафьев проводит нас по излюбленным, «заповедным» местам классической литературы, чтобы показать, как страшно исказились они в нашей жизни. Убедивший нас, что ни один завет русской литературы не сохранен в нашем мире, через убогость быта, бездуховность жизни он ведет нас к вечному образу ребенка и материнской молитве.

Заключительное слово учителя. Итоги урока:

– Мир несовершенен. Принять его – значит примириться со злом, которое творится вокруг. На зло можно закрыть глаза, можно замкнуться в своем маленьком мирке, но нельзя при этом остаться человеком: «Того и гляди, хрюкнешь в одеяло». (А.П.Чехов) Поэтому

совершенно верно сказал тот же Антон Павлович: «Равнодушие- паралич души, преждевременная смерть». В рассказе Астафьева поднимаются проблемы, которые не могут оставить равнодушными никого.

Домашнее задание: посмотрите скульптуру «Дети – жертвы пороков взрослых» М.Шемякина (изображение равнодушия). Ответьте на вопросы: 1) место этого порока в композиции памятника; 2) отличие этого порока от остальных в интерпретации художника; 3) почему именно этот порок считает Шемякин самым страшным?

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А.П. Чехов прозорливо утверждал: «В жизни нет сюжетов, в ней все смешано – глубокое с мелким, великое с ничтожным». Жизнь и человек на редкость богаты, противоречивы, поэтому главным критерием при оценке того или иного произведения должна стать многогранность авторского мировосприятия. В картине одного дня (даже момента) может быть выражено (и выражалось Чеховым, например) неизмеримо больше, чем в ином длинном романе. Очень важна позиция автора, его идеалы, склонности. Но подлинный художник не может узаконить то, что причиняет другим боль, страдание.

В.П. Астафьев понимал, что в наше тяжкое время нельзя отстраняться от проявлений зла и писать о нем нужно, только не возводить темное начало в единственный смысл сущего.

Как построить урок литературы, чтобы задеть за живое каждого и вызвать желание не только высказаться устно, но и дать развернутый ответ на проблемный вопрос, чтобы любой ученик чувствовал свою сопричастность тому, о чем так заинтересованно говорят на уроке? Часто, даже прочитав, ученик не может до конца познать все секреты обаяния произведения, все тайны текста (в единстве формы и содержания), поэтому совместная деятельность учителя и учеников на уроке должна быть построена на основе радости того, что учитель незаметно дает возможность ученикам самим быть первооткрывателями загадок, которые таит произведение, а ученик чувствует себя личностью, духовно равной учителю.

Современная технология развития критического мышления через чтение и письмо активизирует всех учеников, вызывает интерес к произведению и инициирует чтение, что исходит от самого ученика. Учитель же создает условия: ученик не просто получает готовую информацию, а открывает ее в деятельности. Работа с текстом по этой технологии происходит в три этапа: вызов – осмысление – рефлексия.

Урок «Исповедальное слово В.П. Астафьева» (по рассказу «Записка» из сборника «Затеси»).

Оформление доски: фотография писателя на берегу Енисея; слова «исповедь» и «затесь»

исповедь (по Ожегову) – откровенное признание, рассказ о своих сокровенных мыслях;

затесь (в предисловии к сборнику «Затеси») – стес, сделанный на дереве топором или другим острым предметом, делали его таежники, чтобы не потерять дорогу. Затесь – отметина, зарубка в сердце писателя, сделанная самой жизнью.

Работа ведется в 3-х группах по 8 человек. Перед каждым учеником распечатанный текст рассказа В.Астафьева «Записка».

I. Слово учителя.

– Человеку всегда хочется рассказать в доверительной беседе о том, что видел, слышал, что поразило воображение, интересные факты из жизни, явлений природы, просто поделиться интересной мыслью. Жажда исповеди томит и писателей, заставляет их искать новые пути к читателю. В суетный наш век люди читают мало, и писатели стали обращаться к жанру коротких рассказов-миниатюр, например, «Мгновения» Ю.Бондарева, «Зерна» В.Крупина, «Камешки на ладони» В.Солоухина, «Крохотки» А.Солженицына. «Таким образом скорее можно «настичь» бегущего, вечно занятого работой, «затурканного» бытом современного читателя», – пишет В.П.Астафьев в предисловии к сборнику «Затеси». Писатель хочет донести до нас сокровенные мысли, которые не дают ему покоя, мучают его. Ему хочется поделиться с нами и найти отклик на них.

II. Работа в группах начинается с **вызова** – осмысления названия рассказа.

Вопросы для размышления:

- что обычно пишут в записке,
- кому и когда пишут записку?
- о чем может быть рассказ с таким названием?

Ответы: в записке пишут коротко, точно самую суть сообщения; это сообщение обычно адресовано друзьям, родным. Рассказ с таким названием, наверное, содержит загадочную записку, с которой начнутся невероятные события.

Далее читается начало рассказа: «На прокорм легка, хотя и объесть может. Но не зловредна». Каждая группа, посоветовавшись, выдвигает свою версию, кто бы мог написать эту записку, кому.

Возможные ответы:

- уезжая в отпуск, человек оставляет другу, соседу свою кошку, собаку, чтоб присмотрели;
- судя по записке, речь идет о существовании женского рода;
- слово «прокорм» обычно относится к животному – это значит нужно иметь много еды.

После этого читаем весь текст рассказа «Записка».

«На прокорм легка, хотя и объесть может. Но не зловредна». Нет, это не из Гоголя и не из Салтыкова-Щедрина, и не из прошлого века. В наши дни, в век, так сказать, энтэра, из старой русской деревни родной сынок привез в город собственную мать, неграмотную, изношенную в работе, и «забыл» ее на вокзале. В карман выходной плюшевой жакетки матери вместо денег сынок вложил эту самую записку как рекомендательное письмо в няньки, сторожихи, домработницы.

Все же жаль порою бывает, что отменена публичная порка. Для автора этой записки я сам нарубил бы виц и порол бы его, порол до крови, до визга, чтоб далеко и всем было слышно.

Как видно, рассказ совсем небольшой по объему, но не оставляет равнодушным никого. Сразу после прочтения у учеников на лицах недоумение. Как же так: мы ожидали, что будут интересные события, а тут – грустные... В своих выступлениях представители групп говорят об этом.

Далее **осмысление проблемы**, поднятой в рассказе: сын бросил мать на вокзале. У учеников это вызывает растерянность – так нельзя обращаться с матерью! Какое-то небрежное, нечеловеческое отношение, подлое, бездушное, безразличное, как к вещи. Неродное отношение «родного сынка». Так не бывает!

Каждая группа получает вопросы, обсуждает, совещается, готовится выступать. Выступления групп:

- оценка поступка сына: ученики пытаются понять, что же натолкнуло его на такой шаг, можно ли его оправдать или такие поступки невозможно ни понять, ни оправдать;
- сочувственное отношение к матери; представим, что будет с матерью дальше, найдутся ли добрые сердца, которые не пройдут мимо нее, откликнутся на ее беду; почему такое могло случиться в жизни матери?

Звучат разные версии-объяснения. Самое страшное слово в рассказе – «забыл» мать. Почему тогда привез ее? Стесняется своей

матери, ее вида? Или он очень занятый человек, и ему мать (!) будет мешать?

Следующий этап работы – в тетрадях записываются ключевые слова текста. Что говорится о матери, что – о сыне?

Мать

- неграмотная
- изношенная в работе
- выходная плюшевая жакетка
- из старой русской деревни

Родной сынок

- привез в город
- вложил записку
- «забыл» на вокзале
- рекомендательное письмо

Выступления групп – делается вывод по этим словам. «Изношенная» – так обычно говорят об одежде, а здесь – о матери. Плюшевая жакетка сохранилась на выход, – все та же, на всю жизнь одна, не изнасилась, а мать в деревенской работе «износила» себя, истратила всю, вырастила «родного сынка». Удивительно, но в описании матери автор использовал только полные прилагательные, они определяют ее человеческие качества, но не употребил ни одного глагола, что выражало бы ее трудолюбие, и только причастие «изношенная» от глагола «износить» выражает суть ее деревенской жизни.

Говоря о сыне, писатель использовал только глаголы – они обозначают действия, по ним видно, что сын деловой, расчетливый. Сынок не знает и не ценит своей матери, его отношение к ней отличается от отношения автора. В записке о матери «сынок» пишет краткие прилагательные «легка» и «не зловредна». От этих слов веет холодом, отчуждением!

III. Рефлексия.

На этом этапе ученики говорят о проблеме, поднятой в тексте, об авторской позиции. Группы анализируют проблемную ситуацию: сын отказался от старой матери. Какова авторская позиция? То, что предлагает писатель – «пороть», – это от безысходности. Взрослого сына таким образом невозможно наказать. Что же делать? Завершая работу, ученики пишут в тетрадях свое мнение (пишут в тетрадях товарищей по группе – «по кругу»). Эти записи подводят итог обсуждения, затем будут оценены учителем.

Рефлексия заканчивается выступлением групп:

1. Первая группа выполняет задание: по словарю Ожегова найти слово «долг», выписать из этой словарной статьи фразеологизмы и объяснить их. Автор предлагает пороть публично таких людей, в которых заглохло чувство милосердия. Сынок, «забыв» мать на вокзале, не вспомнил и народную мудрость об отношении детей к родителям.

Фразеологизмы: сыновний долг, быть в неоплатном долгу перед матерью, отдать последний долг

В этих фразеологизмах обобщение опыта жизни многих поколений, они напоминают о долге взрослых детей перед постаревшими родителями. Отказавшись от своей матери, сын потерял все: он остался один. Придет ли время, когда он осознает это?

2. Вторая группа отвечает на вопрос: что будет с матерью? Без денег, одна, робкая, стеснительная, старая, неуклюжая – стоит и ищет глазами сына, где же он. Кругом люди, торопятся по своим делам. Хочется верить, что найдутся среди них милосердные, которые не пройдут мимо, приютят или помогут ей уехать в деревню.

3. Третья группа отвечает на вопрос: какую зарубку в сердце оставил рассказ? В.П.Астафьев напомнил, что есть такие поступки в жизни, совершать которые мы не имеем права, несмотря ни на какие оправдания!

Вернемся к теме урока. О наболевшем, как на исповеди, откровенно сказал писатель в рассказе-миниатюре и не оставил читателя равнодушным.

На заключительном этапе пишется синквейн (состоит из 5 строк: 1 – ключевое слово, определяет содержание синквейна; 2 – два прилагательных, характеризуют данный предмет; 3 – три глагола, показывают действие предмета; 4 – короткое предложение, в котором высказывается отношение к проблеме; 5 – обычно одно существительное, выражающее чувство.)

Синквейн 1-й группы: Синквейн 2-й группы:

- Человечность. Сынок.
- Суетный, отвлеченный. Родной, действующий.
- Родился, вырос, «забыл». Вырос, привез, «забыл».
- Вложил... Записка-рекомендация.
- Занятость! Ужас...

Синквейн 3-й группы:

- Мать.
- Старая, брошенная.
- Ждет, оглядывается, плачет.
- Сердце ноет от жалости.
- Горе.

Нравственный урок извлек каждый, не было ни одного ученика, который не принял бы участие в обсуждении в своей группе, не участвовал бы в сочинении синквейна. Таким образом, деятельность

учащихся на уроке литературы по технологии развития критического мышления дает возможность старшеклассникам лучше понять проблематику произведения, сформулировать свое мнение с учетом позиции автора, выдвигая необходимые тезисы, приводя развивающие их доводы, аргументы и делая соответствующие выводы.

По мнению В.П. Астафьева, для нравственного роста личности необходимо столкновение со злом, это должно привести к душевному подъему. Такое пробуждение мы увидели после работы с текстом произведения.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В. АСТАФЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В настоящее время духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся школ приобрели особую значимость, став одной из важнейших задач современной образовательной системы, являясь, в свою очередь, важным компонентом социального заказа и выполняя узловую роль в духовно-нравственной консолидации российского общества.

Школа как главный социальный институт призвана формировать не только интеллектуальные, но и базисные характеристики личности, систему ценностных ориентиров. В условиях общеобразовательной школы осуществление вышеназванного приоритетного направления возможно прежде всего на основе гуманистических ценностей содержания образования, серьезной внеклассной работы, а также системы дополнительного образования. Основная цель школы и задача педагога в частности – с малых лет дать учащимся понятия о патриотизме, гражданственности, толерантности, привить уважение к общечеловеческим ценностям, научить бережному отношению к природе и родине – большой и малой, воспитать тягу к науке, труду и творчеству, развить умения ребенка принимать верное решение в условиях нравственного выбора. Иными словами, школа призвана способствовать формированию положительных черт характера и духовно-нравственных качеств будущего гражданина общества.

В поисках основного компонента образовательной модели и шире – в поисках путей духовно-нравственного возрождения России особенно актуально обращение исследователей к богатейшему опыту отечественной литературы, приобщающей читателей к истокам народной духовности и самобытности, сохраняющей как основу основ традицию преемственности поколений. В этой связи не случаен наш интерес к творчеству Виктора Петровича Астафьева, одного из ярчайших прозаиков и публицистов нашего времени.

В рамках школьной программы учащиеся в младших классах изучают рассказы «Конь с розовой гривой», «Васюткино озеро», в старших – роман «Печальный детектив» и повествование в рассказах «Царь-рыба». В качестве внеклассного чтения привлекаются произведения Астафьева последних лет – отрывки из цикла лирических миниатюр «Затеси», рассказы «Людочка», «Пролетный гусь», «Так хочется жить», «Веселый солдат» и др. Автобиографическое начало и авторская установка на правду и совесть как высший нравственный итог жизни являются главными причинами выбора творчества Астафьева в качестве богатого иллюстративного материала.

В очерке «Беседы о жизни» В. Астафьев признается: «Для детей я всегда пишу со светлой радостью и постараюсь себя всю жизнь не лишать этой радости» [1].

Оттого ли, что интуитивно чувствовал в них самого строгого и неподкупного критика, оттого ли, что сам, рано оставшись сиротой, навсегда сохранил в сердце тоску по детству – трудно ответить. Так или иначе, произведения Астафьева неизменно находят искренний и горячий отклик в сердцах его юных читателей. Возможно, именно в них он видел будущее своей страны, воспитывая чуткость, милосердие, «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» – почтение памяти предков.

Теме исторической памяти, героического прошлого страны, посвящена военная проза В. Астафьева («Звездопад», «Пастух и пастушка», «Прокляты и убиты» и др.). Писатель неоднозначен в своих оценках. Это новая правда о войне. Дойдя до победы, он считает себя вправе говорить о ней в том ключе, в котором говорить было не принято. Военная проза Астафьева глубоко патриотична по своей сути, и вместе с тем автор не склонен идеализировать человека. Герои Астафьева – не все «герои», многие из них колеблются, оказавшись в ситуации нравственного выбора. Здесь есть место и мужеству, смелости, самопожертвованию, любви, дружбе, – и малодушию, предательству, трусости. Великая Отечественная война у Астафьева – это не бесконечное триумфальное шествие русского воинства, а смерть, боль и ВЫБОР – сохранить себя или пожертвовать собой и спасти других. Ничуть не умаляя героический пафос победы, Астафьев пишет о том, какими жертвами обошлась она русскому народу.

Одна из магистральных тем в творчестве В.П. Астафьева – тема семьи и детства. Чувством глубокой любви и теплоты, уважения к семейным ценностям проникнута его книга «Последний поклон». В

образе бабушки сливаются воедино и материнская жалость, и заступничество Богородицы – те исконные черты, истари присущие русской женщине. Воплощенные в образе бабушки глубокая религиозность натуры и всепоглощающая любовь к родному человеку становятся впоследствии у Астафьева главными качествами, своеобразным мерилom, которому будут (или не будут) соответствовать его героини, воспитывая в читателях женский идеал, – кроткая Людочка, героиня одноименного рассказа, Лида («Звездопад») и многие другие.

В своих поздних произведениях он с болью пишет об утрате семейных ценностей и разрушении семьи как социального института, раз за разом выводя образы нерадивых матерей и отцов, распущенных, равнодушных, жестоких. В этом плане показательным обращением к роману «Печальный детектив», затронувшему весь спектр социально-философских проблем нашего общества. В образе главного героя, бывшего оперативника Леонида Сошнина, он дает образец человека слова и чести, готового откликнуться на чужую беду не только по долгу службы, но и по зову сердца. Автор убежден, что ценности, в первую очередь, формируются в семье. Тем больнее наблюдать ему за реалиями современной жизни.

Начиная работать в русле «деревенской прозы», поэтику патриархального уклада народного быта воспевает он в цикле рассказов о русском национальном характере («Сибиряк», «Старая лошадь», «Руки жены», «Жизнь прожить»), в «Оде русскому огороду», в «Стародубе», каждым словом одухотворяя самобытность русской деревни, доказывая праведность и правильность жизни русского человека, не понаслышке зная, но во многом идеализируя ее, возвращая читателя к истокам национального самосознания. «Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. <...> Зачем это все похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...» – с горечью размышляет Астафьев в «Слепом рыбаке» об упадке деревни и всеобщей бездуховности [2].

Деревня – это макрокосм, Вселенная в миниатюре. Вселенная, погубленная человеком. Тема экологии, бережного отношения к природе занимает в творчестве В. Астафьева не последнее место, застав-

ляя в полной мере задуматься о важности рационального использования природных ресурсов – всего того, что нас окружает, что нам досталось от прежних поколений и что мы должны оставить поколениям грядущим.

В. Астафьев пишет не только и не столько о физической гибели, сколько о духовном упадке современного общества. Затрагивая весь комплекс проблем, от трагедии падения одного человека, отдельно взятой семьи, до масштабов целой страны, каждым своим произведением он призывает вернуться к началу начал всего сущего, и в этом смысле его творчество глубоко онтологично.

Невозможно охватить весь размах литературного гения В. Астафьева. До последних дней он был убежден и доказывал своим творчеством, что общество только тогда будет способно решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров. А есть эти ориентиры лишь там, где хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице отечественной истории.

Литература

1. *Астафьев В.* Беседы о жизни. // В. Астафьев. Собр. соч. : в 15 т. Т. 12. Красноярск, 1998. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/5A/viktor-astafev-rodnoy-golos/15.html>.
2. *Астафьев В.* Собр. соч. : в 15 т. Т. 9. Красноярск, 1997. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=49341328.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

В.П. АСТАФЬЕВ И ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

В работе круглого стола приняли участие: митрополит Омский и Тарский (ныне – Омский и Таврический) Владимир; протоиерей Петр; доктор философских наук, профессор Николай Николаевич Мисюров (ОмГУ); доктор философских наук, профессор Владимир Ильич Разумов (ОмГУ); заслуженный учитель России, старший преподаватель Галина Газизовна Быстрицкая (ОмГУ); кандидат филологических наук, доцент Елена Николаевна Белая (ОмГУ); кандидат филологических наук, доцент Ольга Анатольевна Кутмина (ОмГУ); кандидат юридических наук, доцент Владимир Александрович Симонов (ОмГУ); кандидат филологических наук, доцент Лидия Васильевна Деменкова (ОмГПУ); директор школы-гимназии № 26, заслуженный учитель России, глава Союза женщин Омского отделения партии «Единая Россия Тамара Геннадьевна Синичникова; подполковник полиции, редактор РИО Омской академии МВД России Ольга Витальевна Арефьева (Омск); директор Дома-музея П. Васильева Закия Саясатовна Мерц (Павлодар); члены Омского отделения Союза писателей России Татьяна Георгиевна Четверикова, Владимир Федорович Балачан, Лев Емельянович Трутнев, Павел Алексеевич Брычков, Сергей Николаевич Прокопьев.

Председатель – доктор филологических наук, профессор Валерий Иванович Хомяков (ОмГУ).

В.И. Хомяков: Дорогие друзья, мы посмотрели короткий фильм о Викторе Астафьеве, о его жене, Марии Семеновне. Они прожили трудную, но светлую жизнь. И вот сегодня мы собрались здесь, в этой аудитории, чтобы поговорить о проблемах, которые нас всех волнуют. Из всего многообразия астафьевского наследия (ибо это целый мир и об этом можно говорить очень долго) я выбрал несколько блоков: это проблемы добра и зла, города и деревни, образования. Главное, пожалуй, – это проблемы добра и зла. Что такое добро и зло, что такое современный человек, духовность современного человека, что такое человек культуры, в чем заключается настоящее

и будущее России. Эти проблемы были и будут всегда. Хочу обратиться к отрывкам из романа В. Астафьева «Печальный детектив». Он описывает события, которые произошли в городке Вейске, хотя под Вейском можно понимать и Омск, и Томск. Там сконцентрировалась вся грязь и кровь нашего общества. Позвольте привести отрывки из романа Молодой парень залез в женское общежитие, «бывшие там в гостях кавалеры-»химики» не пускали молокососа. Завязалась драка. Парню набили морду и отправили домой, баиньки. Он же решил за это убить первого встречного. Первым встречным оказалась молодая женщина-красавица, на шестом месяце беременности, с успехом заканчивающая университет в Москве и на каникулы приехавшая в Вейск, к мужу. Пэтэушник бросил ее под насыпь железной дороги, долго и упорно разбивал ей голову камнем. Еще когда он бросил женщину под насыпь и прыгнул следом, она поняла, что он убьет ее, и просила: «Не убивайте меня! Я еще молода, и у меня скоро будет ребенок...». Это только разъярило убийцу.

Из тюрьмы молодчик прислал одну-единственную весть – письмо в областную прокуратуру с жалобой на плохое питание. На суде в последнем слове бубнил: «Я все равно кого-нибудь убил бы. Что ли я виноват, что попалась такая хорошая женщина?».

А вот история о том, как дети хоронили своего отца. «Дома, как водится, детки и родичи поплакали об усопшем, выпили крепко от жалости, на кладбище добавили: сыро, холодно, горько. Пять порожних бутылок было потом обнаружено в могиле. И две полных с бормотухой – новая ныне, куражливая мода среди трудяг появилась: с форсом, богатынко не только свободное время проводить, но и хоронить – над могилой денежки жечь, желательно пачку, швырять вслед уходящему бутылку с вином – авось опохмелиться горемыке на том свете захочется. Бутылок-то скорбящие детки набросали в яму, но вот родителя опустить в землю забыли. Зарыли, забросали скорбную щель в земле, бугорок над нею оформили, кто-то из деток даже поваялся на грязном холмике, поголосил. Навалили пихтовые и жестяные венки, поставили временную пирамидку и поспешили на поминки.

Несколько дней, сколько – никто не помнил, лежал сирота-покойничек в бумажных цветочках, в новом костюме, в святом венце на лбу, с зажатым в синих пальцах новеньким платочком. Измыло бедолагу дождем, полную домовину воды нахлестало. Уж когда вороны, рассевшись на деревья вокруг домовины, начали целиться, с

какого места начинать сироту, крича при этом «караул», кладбищенский сторож опытным нюхом и слухом уловил неладное».

И третий пример, чтобы потом перейти к обсуждению. Родители, «мама и папа» – книголюбы, не деточки, не молодяжки, обоим за тридцать, заимели трех детей, плохо их кормили, плохо за ними следили, и вдруг четвертый появился. Очень они пылко любили друг друга, им и трое-то детей мешали, четвертый же и вовсе ни к чему. И стали они оставлять ребенка одного, а мальчик родился живучий, кричит дни и ноченьки, потом и кричать перестал, только пищал, клекал. Соседка по бараку не выдержала, решила покормить ребенка кашей, залезла в окно, но кормить было уже некого – ребенка доедали черви. Родители ребенка не где-нибудь, не на темном чердаке, а в читальном зале имени Ф.М. Достоевского скрывались, имени того самого величайшего гуманиста, который провозгласил, вернее, прокричал неистовым словом, что не приемлет никакой революции, если в ней пострадает хоть один ребенок...».

Вот факты, которые происходили не в дикое варварское время, где-нибудь в средневековье, а в наши дни, в 70-80-е годы двадцатого столетия, когда мы гордились тем, что покорили природу, укрощали реки, строили города, когда человек воспринимался венцом мироздания. Оказывается не так. Что с нами происходит? Писатель пытается понять и в этом романе, и в рассказе «Людочка – откуда берется зло?». Или это явление генетическое, так сказать родовое, либо это влияние плохой семьи, улицы, общества в целом. Итак, что же такое в вашем понимании добро и зло? Или это от природы в человеке, не исправишь, или понятие приобретенное, социальное. У нас здесь присутствуют представители правоохранительных органов, которые подтвердят, что каждый год детская преступность не уменьшается, а катастрофически увеличивается. Мы были в поселке Морозовка, встречались с колонистами, говорили с ними. Перед нами предстали искореженные детские души. Что же с ними будет? Куда идет наше общество?

Митрополит Владимир: Хочу остановиться на упомянутом моменте из фронтовой биографии Виктора Астафьева, когда он пережил потрясение после того, как в первом бою убил немца. Шла Великая Отечественная война, на нас шел лютей враг, фашисты, лилось море крови. И вот в этом аду звучат слова: «Я убил человека». Это правильные слова.

Что есть человек? Человек – это венец творения, образ Божий. А что есть Бог? Ведь Бог, по существу, – это абстрактное слово. Мы

же говорим, что Бог вездесущий, он всемогущий, все в его силах. Но в сущности своей Бог непостижим. Многие его представляют как человека: вот там, мол, сидит дядя. Я вот видел фильм какой-то американский, и в нем символически показан Бог в виде человека в длинном платье, может быть, пятьдесят или сто метров высотой. И он идет такими большими шагами, под красивую музыку. Бог блаженствует, он создал мир и все, что в нем есть. Это неправильное понятие о Боге.

Еще в IV веке великий учитель церкви Григорий Богослов говорил, что Бога было бы лучше называть природой. Но только это не та природа, которая осенью погибает, а весной воскрешает. Это вечная живая природа. И в человека, поскольку он является венцом творения, Бог вложил все, чтобы он был подобен ему. И вложил только добро, зла же Он не вложил. Но почему же впоследствии появилось зло? Откуда оно взялось?

Вы знаете, что по учению церкви еще до творения человека один из ангелов, который был самый близкий к Богу, стал думать, почему все остальные ангелы кланяются Богу, а ему никто. И вот он, так подумав, стал из светлого черным. Он отпал от Бога, только помыслив. Вот мы не можем знать мысли друг друга. Кто говорит, что он это может, так это фантазии. На самом деле то, что есть в нас, знает только один Бог. И Он, конечно, знал, что подумал ангел. И этот ангел стал злом. Итак, зло – это дьявол, который был светлым ангелом, но, отпав от Бога, превратился в черного.

Воевать против Бога падший ангел, конечно же, не мог, тогда он стал воевать против любимого создания Божия – человека. При творении человека Бог дал ему мысли, дал ему заповеди и все, чтобы он защитил себя. Дал ему и свой образ – ум и свободу воли. Если бы у человека не было бы свободы воли, тогда он не мог бы грешить, был бы как робот. А Бог дал ему полную свободу, вот поэтому человек может воспринять и доброе, и злое. К сожалению, первый ангел выбрал злое и ожесточился в этом. И он стал бесом. Но и первый человек ошибся и выбрал непослушание. Так в человеческую природу вошло зло, а через него болезнь и сама смерть. Грех, а вернее, последствие греха передается по наследству, и дети уже рождаются с ним. Он может проявиться даже в утробе матери, например, в виде наследственной болезни.

Так появилось в мире зло. И оно развивается. Сейчас даже появились секты, которые говорят, что зачем служить добру, лучше по-

служить злу. Видимо, близок конец света. Но когда это будет, никто не знает. То, что находятся проповедники, которые говорят дату, когда он наступит, это все чужь.

Еще не все определено. Важно, в чем воспитывается человек, – в добре или во зле. От этого много зависит, что он выберет. Вот Астафьев, по-видимому, был воспитан в хорошем доме, в хорошей семье, так как он вспомнил, что «я убил человека». Он видел во враге человека. Это самое главное.

Говорят, что красота спасет мир, но это больше советская терминология. А что такое красота? Есть красивый человек, есть красивый мир вокруг нас, красивые звезды – это все относится к природе. Человек тоже является частью природы. А мы убиваем природу, а значит, убиваем себя. В Сибири природа немножко лучше, чем в других регионах. Но вот уже в той же Москве природа очень тяжелая. Бог так не творил. В мире сначала было только добро, и в человеке, и в природе. И через человека в мир вошло зло, и оно в нем осталось и преумножается. И так будет, пока не придет последнее время, и тогда Бог уничтожит зло и обновит все творение. Есть мнение, и даже в церкви можно было такое слышать, что Бог сам по себе добро, и он не сможет враждовать со своим созданием. Ему жалко будет и падших ангелов, и человека. Но он все простит, простит все грехи, и все будем в одном царствии Божиим. Потому многие и говорят, зачем делать добро, если все равно Бог простит грехи, я лучше буду делать зло.

Прошу прощения, что затянулось мое выступление. Об этом можно бесконечно говорить. Надо дать и остальным слово.

Протоиерей Петр: Владыка Владимир уже сказал, что у зла нет бытия, бытие есть только у добра, потому что Бог есть добро, Бог есть любовь. Бог сотворил мир в любви. Наш мир, и ученые это подтверждают, действительно является чудом. И для того чтобы этот мир мог существовать, конечно, нужен источник этой «чудесности», гармонии. А он в Боге, который есть только любовь. А зло же есть отсутствие добра. Когда добра нет, возникает дисгармония, возникает болезнь. Зло духовное, моральное проявляется и во зле материальном. В мире после грехопадения всегда присутствовало зло, присутствовали эти убийства и другие непотребства, о которых Вы говорили. Они наверно всегда сопровождали историю человечества, но если мы будем только на них обращать все наше внимание, тогда и можно будет сказать, что у зла есть бытие.

Вот мы говорили про детей. Мне приходилось в конце 90-годов служить в храме первого детского дома, о котором уже упоминалось. В то время из этого дома выходило очень много малолетних преступников. Практически все ребята напрямик шли из детского дома в Морозовку – колонию для несовершеннолетних. Вечером подъезжали к дому разные машины за девочками, что постарше. Ситуация была кошмарная.

И вот в этом доме стали работать православные сестры. Построили в рекреации домовую церковь, в которой раз в месяц совершались богослужения. В каждой группе сестры раз в неделю вели «воскресную школу», в которой детям объясняли самые элементарные вещи: что есть добро и что есть зло. А дети были до того поврежденными и все повидавшими, что то возможное зло, о котором им рассказывали в воскресной школе, они видели все в своей жизни до детского дома в десятикратном размере. Мы смотрим на зло чаще всего абстрактно, а они уже успели пройти сквозь него в своей маленькой жизни. Перед ними открывался сам ад, вокруг их колыбельки были непрерывные пьянки, драки и всякие непотребства. У них на глазах совершались убийства.

И вот у этих, обожженных о зло детей самое любимое богослужение в церкви была исповедь. Они, видимо, физически страдали от той страшной ноши, которую несли их слабенькие души. В воскресной школе им рассказывали, что надо написать грехи, батюшка их прочитает, порвет бумажку, и греха больше не будет. Поверьте, дети исповедовались так искренне, как, пожалуй, не встретишь в обычной церкви у все повидавших взрослых. Они чувствовали реальное духовное облегчение, и практически все старались исповедоваться на каждом богослужении. Дети выстраивались в длинную очередь, и, хотя они были даже очень непоседливыми, стояли до конца, пока не прочитают батюшке все свои грехи и не скажут: «Прости меня, Господи!».

Через несколько лет стало заметно, что дети стали лучше. Они стали лучше себя вести и учиться в школе. Даже у тех детей, у которых наблюдались органические повреждения психики, были позитивные изменения. Был один год, когда в Морозовке не было ни одного ребенка из этого детского дома. Сейчас такую же работу епархия ведет в семи детских домах и домах малюток.

Согласитесь, что и вы, журналисты и литераторы, и мы, священнослужители, и вообще все, кого можно назвать работниками

Слова, должны больше говорить о Добре. Сейчас и государство уже это поняло. Путин (или Медведев – не помню точно) сказал, что нужен нравственный кодекс для пишущей и показывающей братии. Мы что-то не должны показывать. Взять те же голливудские фильмы. Все их ругают (и есть за что), но в этих фильмах всегда все кончается победой добра, (добро, конечно, в их представлении). А в наших фильмах показывают чаще всего одно зло, которое так и остается безнаказанным. Ваш брат любит эпатировать публику, и, что особенно печально, такое творчество пользуется спросом. Потому у нас и все плохо. Плохо настолько, что иногда действительно кажется, будто у зла есть свое бытие.

Н.Н. Мисюров: Все мы, присутствующие в каком-то своем деятельностном пространстве, одни и те же почти что функции исполняем. Я думаю, что и священники в лучшем смысле слова инженеры человеческих душ, скажем, конструктор высших идей божественных. Задача церкви – вернуть его в первоначальное состояние – каким его Бог сделал. Писатели не просто трансляторы ценностей, а инженеры человеческих душ. Как они сконструируют, так и будет. Вот я сегодня собирался, студентам говорю, что ужаснулся, потому что литературная премия присуждена все-таки Владимиру Сорокину. Писателю сильному, но настолько страшному, ужасному писателю. Учителя, которые тоже, конечно, инженеры душ. И вот знаете, тут и хочется согласиться с отцом Петром, и не хочется, потому что я разделяю мнение: наше телевидение, наша журналистика сегодня зашкалила какими-то вещами ужасными. Понятно, что жизнь такая действительно. Но возникает вопрос, а что мы нарабатываем, какой смысл транслируем. Получается, что мы создаем бытие, хоть это кошунственно. Хорошо, если у меня в голове все в порядке, а есть и другие, и секты, мафиози, циничные политики. Вот что, наверное, все-таки важно. Нарботка смыслов.

В.И. Разумов: Прежде всего, из того, что прозвучало. Первое философское обобщение, что злого нет, потенциально есть только добро. Наш мир – это, действительно, арена борьбы добра и зла. И перед человеком стоит выбор, какую сторону принимать. Но вот абсолютное добро, на мой взгляд, – это некоторое постчеловеческое существование. Я бы хотел сделать несколько замечаний не философских, а научных. С точки зрения экологии и естествознания, в современной систематике человек относится к отряду крупных приматов. Это система биологическая. Ну а если взять еще тоньше, на-

пример, работы, которые были проведены в 50-е годы в области биохимической, физиологической индивидуальности, то здесь агрессивность, например, определяется наличием и количеством серотонина. Мало серотонина – низкая агрессивность у человека, много – высокая агрессивность. Это, скажем, например, как склонность к употреблению наркотических веществ или алкоголя. Там другие вещества – эндорфины. Еще один тезис. Достаточно уважаемое учение – фрейдизм. Даже не сам Фрейд, а его школа, что фундаментально для подсознания человека, – это отношение между Эросом (это вообще создающее начало, не только секс, любовь), но есть и вторая сторона – это Танатос, это образ того олимпийского Бога, который отвечал непосредственно за акт смерти, т.е. буквально отсекал душу и относил ее в царство Аида. Получается, что некоторые вещи они уже заложены биологически в человека.

Н.Н. Мисюров: Вы это констатируете или с этим соглашаетесь?

В.И. Разумов: Я с этим соглашаюсь. Это биохимия, тут не поспоришь.

Н.Н. Мисюров: Неужели все так безнадежно?

В.И. Разумов: Не то, что безнадежно. Просто есть определенная данность. Вот человек родился с такими-то параметрами, и это факт.

В.И. Хомяков: Уважаемые писатели, у вас есть что добавить?

П.А. Брычков: Александр Солженицын, полемизируя с основными постулатами советского периода, сказал, что неправда, что бытие определяет сознание, дух определяет сознание. Но я размышлял над этим много, все-таки я с ним в какой-то мере не соглашусь. Для основной массы людей именно бытие определяет сознание. И только у духовно развитых людей дух определяет сознание. А вот эта пропорция либо все время меняется, либо зависит от нашего бытия. Вот откуда сейчас так много преступности? На мой взгляд, потому что много соблазнов вокруг. И соблазны от того, что люди видят, что происходит наверху. И все хотят всего и сразу. Если каким-то там чиновникам наверху можно воровать, почему мне нельзя украсть корову, допустим, у соседа. Вот откуда все и происходит. А касаясь в общем нашей темы возрождения России, я думаю, все-таки культурное возрождение невозможно без материального возрождения. Кто-то сказал, что, если вы к голодному придете с букетом цветов, он вам этим же букетом по морде и надает. Поэтому естественно, когда в 90-е у нас все валилось, нравственные ценности упали, к сожалению, материальное составляющее культуру перебило.

В.И. Хомяков: Павел Алексеевич, а как вы объясните тот факт, что в войну люди были милосерднее, чем в наше сытое время?

П.А. Брычков: Я думаю, это зависит от индивидуальных качеств личности.

Г.Г. Быстрицкая: Павел Алексеевич, позвольте спросить. Вот я внимательно слушала и Владимира Ильича, и вас с большим наслаждением читаю как писателя, который действительно отражает и прошлое, и настоящее. У меня вопрос возник по существу: почему сейчас при тотальном отсутствии доброты и милосердия мы ищем добро в церкви. Когда мы, атеисты, идем в церковь не по вере, а по незнанию. Мы ищем последнюю истину. Если есть добро, то его нельзя пошатнуть, оно изначально. Его только постоянно извращают, мешают проявить себя.

В.И. Хомяков: Лев Емельянович хотел что-то добавить.

Л.Е. Трутнев: Я вот что хотел сказать. Я, конечно, не философ, но я думаю, что добро и зло существовали изначально, так же, как белое и черное, как плюс и минус. Если бы не было зла, не знали бы и добра. Все зависит от того, сколько в человеке добра и зла. Здесь и сказывается генетика. Один наследует 80 % добра, 20 % зла. И наоборот. Вот здесь духовность важна. Если человека воспитывают правильно, то и процент зла уменьшается.

В.И. Хомяков: Тогда если в человеке генетически заложено 80 % зла, то этот же процент передается и детям?

Л.Е. Трутнев: Нет, нет. Я как раз и сказал, что главное – это повышение духовности. Она связана и с социальностью. Мы можем уменьшить зло до минимума. Ведь зло многолико. С ним можно бороться только повышением духовности и улучшением социальной стороны.

В.Ф. Балачан: Мне и Льву Емельяновичу посчастливилось: мы целую ночь слушали Виктора Петровича Астафьева, этого великого мудреца. В 1991 году он приезжал к нам в город. Я хотел бы сказать о другом. Когда Распутину присвоили звание Героя Социалистического Труда, он отказался принять эту награду, так как пока у его учителя нет столь высокой награды. И вот когда Астафьев такую награду получил, Распутин только тогда принял это звание. Я думаю, что этот поступок чрезвычайно благородный. Вот мы сегодня говорим о возрождении. Но о каком Возрождении может идти речь, когда большая часть ТВ-каналов несут зло, убийство. Дети сидят перед телевизорами и впитывают это зло. Как правило, человека, который

совершил зло, подают как героя. А ребенок хочет быть героем. Мы преподаем только зло, без сравнения с добром. В этом отношении очень показательно творчество Астафьева. Возьмите «Оду русскому огороду». Каждую травинку, каждый овощ он одухотворяет. У меня есть такая особенность – я всегда перечитываю своих любимых писателей. Я всего Астафьева не перечитал. Но все время убеждаюсь, что детям надо читать именно эти книжки, а не про Гарри Поттера. Писатель – это носитель духовного мира. Я знаю, что все наши омские писатели – проповедники добра. Как мы будем проповедовать добро, когда наши книги не пропагандируются? Их нет в библиотеках, они, носители добра, не достигают своих целей».

С.Н. Прокопьев: Виктор Петрович, будучи в Омске, на одной из встреч вспомнил, как его пригласили на научную конференцию. Дали слово, он был человек, скажем так, ершистый, он вышел на трибуну и сказал, что вы вот Бога и душу отменили, а взамен ничего не дали. Он это ощущал и понимал. Я хочу привести слова Достоевского о том, что цивилизация без просвещения Христова ведет к деградации, прогресс без Христа – к регрессу. Когда Валерий Иванович прочитал отрывки из романа, я сразу вспомнил эти слова Достоевского. Действительно, прогресс и цивилизация ведет к одичанию, когда нет просвещения Христова. Книги Астафьева учили нас в безбужное время добру, милосердию и любви.

В.И. Хомяков: Хотелось бы послушать, как в школе идет дело с воспитанием души.

Т.Г. Синичникова: К школе мы имеем все прямое отношение. Школа – слепок общества. В школе отражаются все процессы, которые происходят в обществе. Мы просим детей составить визитную карточку «Ты сегодня и ты в будущем». Вы думаете, там есть врачи или учителя? Ничего подобного. Все имиджмейкеры, все стилисты, модели, банкиры, директора фирм. Все то, что спускается на наших детей по ТВ и по интернету, находит отражение. Проблемы с чтением, формируется клиповое сознание, эпизодами. Хотя есть и дети – победители олимпиад. Но сейчас и благополучная семья не может противостоять тому, что происходит за стенами квартиры, что обрушивается на детей. Как бы школу ни ругали, хочу отметить, что никто не перестал воспитывать детей. Просто мир-то поменялся. Учитель потерял монополию на знания. Сейчас обучает все абсолютно. Если мы все 6 часов будем говорить о добре и справедливости, все равно, как только ученик выйдет за пределы школы, столкнется с

тем, что показывают по телевизору. От этого учитель уберечь не в силах».

В.И. Хомяков: Что скажут представители правоохранительных органов, которые знают ситуацию изнутри?

О.В. Арефьева: Я говорю и как представитель правоохранительных органов, и как мать. Мне кажется, что те вопросы, которые вы разделили, смешались у нас: и о современном человеке, и о будущем. Меня расстроил этот химико-биологический анализ добра и зла. Несмотря на 18 лет, которые я проработала в правоохранительных органах, у меня осталась вера в воспитание. Я считаю, что в каждом человеке заложено и добро, и зло. Но общество и воспитание решают очень многое. И фильмы, и писатели, и школа должны что-то давать. В фильмах и врачи, и полицейские показаны некрасиво, а вот преступники – ярко и привлекательно. Пока общество будет так относиться к преступникам, ценность человеческой жизни будет падать. Если раньше факт убийства был из ряда вон выходящим событием, то сейчас это стало обыденным. Если будет государственный заказ на добрые фильмы, может, и добра станет больше, и ценность человеческой жизни возрастет. Изменится поведение человека – законопослушность, возможно, будет возрастать.

В.И. Хомяков: « вот с вами не согласен насчет госзаказа. Я часто езжу в деревню, где встречаюсь с простыми верующими людьми. Я вижу, что без высоких слов, они воспитывают окружающих своим примером, они живут в гармонии, несуетно.

Н.Н. Мисюров: Можно вас всех спровоцировать? Мы как-то одно за другое выдаем. Понимаете, с одной стороны, у нас такое напряженное мышление, можно цитировать Астафьева, как я его цитировал: это смутное, беспутное время. А с другой стороны, у нас такое, извините, малодушие рождается. Если нам будет позволено, если нам дадут, то мы, так сказать, воспитаем. Не преувеличиваем ли мы? Потому что, во-первых, если называть вещи своими именами, сегодня мир настолько ухудшился, что от этого уже никуда не деться. Интернет уже никто не закроет, хотя это и большая помойка. Каналы тоже никто не позволит закрыть. Кто ж переломит? Государство, если даст заказ? А государство-то у нас какое? Речь не идет о высших лицах, а о тех, кто прилип к высшим лицам в Кремле, на местах. И получается, что, с одной стороны, мы ситуацию чрезмерно напрягаем, потому что она, может быть, не настолько трагически печальна, а с другой стороны, возникает такое благодушие: дадут нам

опять прежний инструментарий, и мы снова заработаем. Пионеры там или комсомольцы.

В.И. Хомяков: Я просто хочу сказать одну простую вещь. Как-то меня попросили выступить на телевидении в день 4 ноября. Я убедился, что молодежь вообще не знает, что это за праздник. Мы забываем самое главное: что русские войска Минина и Пожарского разгромили поляков, но перед этим три дня вся Русь пребывала в молитвенном молчании. Астафьев, кстати, говорил, что нам всем нужно опаматоваться.

Г.Г. Быстрицкая: Владыка, вот вы увидели первый фрагмент фильма, где говорится, что Астафьев убил человека, немца, фашиста. Вопросы к вам и Ольге Витальевне. Вы знаете, что недавно опубликован доклад комиссии ООН, который называется «Гомоцид в 2010 году». Появился новый термин – гомоцид. Это убийство человеком человека в мирных условиях. И в этом докладе ООН говорится: «Почка в России будут шоковые законы, будет шоковая реакция на эти законы. По официальным данным 18,7 тысяч погибло от убийств в этом году, а вообще 46 тысяч человек. Не считаете ли вы в этом контексте, что надо отменить мораторий на смертную казнь, например, хотя бы в отношении педофилов?»

Митрополит Владимир: Во-первых, нужна сильная рука, чтобы управлять, но кому-то это не нравится. А на самом деле весь мир, а не только Россия, идет туда, куда он должен идти. Можно много философствовать и говорить об этом. Обвинять школы, обвинять милицию. Хотя что такое милиция? Это мы с вами. Милиция должна смотреть, чтобы мы были воспитаны, чтобы мы были нравственны? Если мы будем вести себя нехорошо, то никто ничего уже не сделает. Вот говорят, что церковь должна воспитывать в человеческих душах доброе. Но что такое церковь? Церковь – это тоже мы с вами, это общество людей, собранных во имя Господа. Вопрос стоит в том, что и воспитание, и наша нравственность зависят от каждого из нас. Потому что в каждом из нас живет закон совести. Когда Бог творил человека, он душу в него в него живую вложил, а в нее – закон совести. Что это такое, мы до сих пор не знаем. Но если мы будем жить, не учитывая совесть, жить бездуховно, то мы ничего не достигнем.

В мире идет борьба добра и зла, но добро должно победить. Но кто хочет следовать закону совести, кто хочет развивать в себе духовность? Никто не хочет. Наши семьи недуховные, и они к этому не стремятся. А как они при этом могут воспитать духовных детей, дать

что-то хорошее? Можно обвинять при этом кого угодно: церковь или милицию, но начинать борьбу за добро мы должны с себя. Если мы найдем силы в себе, чтобы стать нормальными людьми, тогда и зло победим, и мир свой сохраним. А иначе мы сами себя разрушим.

Вы знаете, я атеистов не осуждаю. Вот такие они получились, потому что у них было такое воспитание в советское время. Но тогда был некий коммунистический моральный кодекс, который призывал к доброму отношению к людям. Потому и были твердые семьи, в которых воспитывались добрые дети. Но почему при этом СССР просуществовала меньше века? А потому, что не прививали любовь к Богу, отвергая Того, Кого не знали. Вы Бога знаете? Нет, не знаете. Я вот тоже не берусь сказать о нем что-то. Только то, что говорит церковь, что говорят святые отцы. Что говорит моя вера, моя любовь к Создателю.

В атеистическое время Ленин сказал, что религия – это опиум для народа. А к чему это привело? Место истинного Бога заняли боги языческие, боги, у которых были семьи, как у людей. По сути, эти боги сатанинские, и через них к нам пришло зло.

Итак, чтобы прийти к чему-то доброму, прийти к истине, мы должны начать с самого себя. Чтобы делать добро не только себе, а каждому встречному. А сейчас дети дошкольного возраста уже включают интернет, а чему он их учит? Даже когда Русь только приняла христианство, Владимир боялся убивать преступников, боялся греха. Сейчас так править государством никто не даст, и поэтому весь мир движется туда, куда он идет.

Но все-таки бороться мы должны. Без борьбы добро нас оставит, что сейчас и происходит. Еще Иоанн Кронштадтский говорил, что мы носим в себе мертвеца. То есть, наша душа и совесть сожжены, принимают только плохое. Наше тело является гробом для души, так как она поражена грехами.

Любая религия является монолитом. Вот попробуйте войти в мусульманство в мусульманской стране. Не войдете. Более того, кто из мусульман примет христианскую веру, того в тюрьму посадят.

И в заключение еще раз подчеркну: мир движется туда, куда он должен прийти. Я не знаю, к плохому ли, может, к хорошему. Но мы все равно должны бороться со злом. Это не значит, что мы должны только молиться, книги церковные читать. Нет, мы должны умеренно и работать и молиться. У нас два крыла: светское и духовное. Как у птицы, если одно оторвать, она не полетит. Если мы будем духовно

развиваться, то и остальное тоже будет развиваться. Этим должна заниматься не только церковь, но и профессура, и писатели. Надо помнить, что зло всегда быстрее укрепляется, чем добро.

В.И. Хомяков: Дорогие друзья, В творчестве В.Астафьева в один узел сплелись проблемы философские, нравственные, социальные. Вечные вопросы добра и зла, преступления и наказания, справедливости уже давно заставили человека искать на них ответы. Но это оказалось делом очень сложным, потому что ответы кроются в самом человеке. Всем нам нужно начинать с себя, а не оглядываться на соседа. Если каждый зажжет одну свечу, то, может, мир понемногу да изменится.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарова Елена Викторовна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 115» (Россия, Омск)

Арефьева Ольга Витальевна, редактор РИО ФГБОУ ВПО «Омская академия МВД РФ» (Россия, Омск)

Балачан Владимир Федорович, член Союза писателей России (Россия, Омск)

Белая Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», (Россия, Омск)

Брычков Павел Алексеевич, член Союза писателей России (Россия, Омск)

Быстрицкая Галина Газизовна, Заслуженный учитель РФ, старший преподаватель кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Ветелина Лариса Германовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Винская Оксана Владимировна, соискатель кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Давыдова Ирина Юрьевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 117» (Россия, Омск)

Ерофеева-Тверская Валентина Юрьевна, председатель Омского отделения Союза писателей России (Россия, Омск)

Кутмина Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Махнанова Ирина Алексеевна, соискатель кафедры философии ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Мельник Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения Государственной Академии славянских культур, член Союза писателей России (Россия, Москва)

Мерц Закия Саясатовна, директор Дома-музея П. Васильева (Казахстан, Павлодар)

Мисюрюв Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Мисюрова Татьяна Викторовна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 115» (Россия, Омск)

Митрополит Омский и Тарский (ныне – **Омский и Таврический**) **Владимир** (Иким Василий Захарович) (Россия, Омск)

Мочалина Светлана Леонидовна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 162» (Россия, Омск)

Напалкова Татьяна Витальевна, учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 115» (Россия, Омск)

Прокопьев Сергей Николаевич, член Союза писателей России (Россия, Омск)

Протоиерей Петр (Мансуров Петр Григорьевич), настоятель храма Рождества Христова и прп. Сергия Радонежского (Россия, Омск)

Разумов Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» (Россия, Омск)

Рыбачик Лариса Михайловна, учитель русского языка и литературы МОУ «Путинцевская СОШ», (Россия, Омск)

Синичникова Тамара Геннадьевна, Заслуженный учитель РФ, директор МОУ «Гимназия № 26» (Россия, Омск)

Трутнев Лев Емельянович, член Союза писателей России (Россия, Омск)

Фомина Ольга Юрьевна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 61» (Россия, Омск)

Хилько Николай Федорович, доктор педагогических наук, профессор кафедры кино-, фото-, видеотворчества ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», член Союза писателей России (Россия, Омск)

Хомяков Валерий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», член Союза писателей России (Россия, Омск)

Шестакова Наталья Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина» (Россия, Омск)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Пленарное заседание	
<i>Хомяков В.И.</i> Слово об Астафьеве.....	4
<i>Мисюров Н.Н.</i> В. Астафьев и русская культура.....	7
<i>Разумов В.И.</i> Культурное развитие – фактор влияния России в глобализирующемся мире (философские размышления о литературном опыте XX–XXI вв.).....	9
<i>Ерофеева-Тверская В.Ю.</i> Виктор Астафьев и современная русская литература: проблемы и перспективы	13
<i>Быстрицкая Г.Г.</i> Творчество В. Астафьева в школе и вузе.....	16
Творчество В.П. Астафьева в литературном и языковом контексте эпохи	
<i>Махнанова И.А.</i> Образ деревни: сравнительно-философский аспект (на примере произведений И.А. Бунина, Б.Г. Пантелеймонова, В.П. Астафьева).....	18
<i>Белая Е.Н.</i> Концепт смерти в идиалекте В.П. Астафьева	24
<i>Ветелина Л.Г.</i> Творчество В.П. Астафьева в литературном контексте эпохи XX века	30
<i>Кутмина О.А.</i> Антивоенная тематика в прозе Виктора Астафьева и Василя Быкова	40
<i>Мельник В.И.</i> Виктор Астафьев как работник одиннадцатого часа (проблема греха, раскаяния и духовного воскресения в прозе писателя)...	44
<i>Мерц З.С.</i> Трагические уроки истории (по материалам биографии М.Е. Зуева-Ордынца из фонда Дома-музея П. Васильева)	51
<i>Хилько Н.Ф.</i> Величие гражданского подвига главного героя фильма «Таежная повесть» (по повествованию в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба»)	60
<i>Хомяков В.И.</i> Категории добра и зла в романе В. Астафьева «Печальный детектив»	66
<i>Проконьев С.Н.</i> Творчество В.П. Астафьева в свете православных традиций (по повести В.П. Астафьева «Сон о белых горах»)	73
<i>Винская О.В.</i> Драма русского национального характера в прозе В. Астафьева	80
<i>Шестакова Н.Л.</i> Музыка в прозе Астафьева.....	85

Произведения В.П. Астафьева в школе и в вузе

Быстрицкая Г.Г. Книга В.П. Астафьева «Печальный детектив» в школьном и вузовском изучении (от «криминального чтения» к «мысли семейной»)	91
Азарова Е.В. Публицистика В.П. Астафьева на уроках русского языка в старших классах	97
Давыдова И.Ю. Система уроков внеклассного чтения по творчеству В.П. Астафьева в 5–9 классах средней школы.....	101
Мисюрова Т.В. Применение технологии проекта при изучении рассказа В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой»	110
Мочалина С.Л. Из опыта использования технологии проблемно-диалогического обучения на уроках по изучению творчества В.П. Астафьева (литература, 11 класс, повесть «Последний поклон»)	115
Напалкова Т.В. «Другая проза»: проблемный анализ рассказа «Людочка» В.П. Астафьева в контексте литературной традиции	123
Фомина О.Ю. Деятельность учащихся на уроке литературы по технологии развития критического мышления	129
Рыбачик Л.М. Изучение творчества В. Астафьева в контексте духовно-нравственного воспитания школьников	135

Круглый стол

В.П. Астафьев и духовное возрождение России.....	139
Сведения об авторах	153

Издаётся в соответствии с оригиналом,
предоставленным редакционной коллегией.
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Е.В. Лозовая*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 18.09.2012. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 9,75. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 70 экз. Заказ 324.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а